

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ «НИНХ»»**

На правах рукописи

Соколов Сергей Львович

**РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКСПОРТА
ЗЕРНА И ЗЕРНОПРОДУКТОВ
(на материалах Сибирского федерального округа)**

Специальность 5.2.3 Региональная и отраслевая экономика
(Экономика агропромышленного комплекса (АПК))

Диссертация

на соискание учёной степени
доктора экономических наук

Научный консультант:
доктор экономических наук,
доцент,
Чернякова Мария Михайловна

Новосибирск 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАСШИРЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКСПОРТА ЗЕРНА И ЗЕРНОПРОДУКТОВ.....	14
1.1. Теоретические основы формирования и расширения регионального экспорта зерна и зернопродуктов.....	14
1.2. Оценка возможностей расширения регионального экспорта зерна с позиции потребления.....	30
1.3. Методический подход к оценке отсроченного эффекта государственной поддержки экспорта зерна и зернопродуктов	40
2. МЕТОДОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКСПОРТА ЗЕРНА И ЗЕРНОПРОДУКТОВ.....	57
2.1. Производственные возможности регионального экспорта зерна и зернопродуктов	57
2.2. Экономические последствия смещения кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов	74
2.3. Интересы государства в расширении регионального экспорта зерна и зернопродуктов	95
3. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЭКСПОРТА ЗЕРНА И ЗЕРНОПРОДУКТОВ	108
3.1. Анализ динамики, состава и структуры аграрного экспорта Российской Федерации	108
3.2. Структурно-динамический анализ зернового экспорта Российской Федерации	129
3.3. Ретроспектива проектов зернового экспорта России.....	151
4. ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКСПОРТА ЗЕРНА И ЗЕРНОПРОДУКТОВ.....	163
4.1. Механизм государственной поддержки выхода экспортеров зерна и зернопродуктов на IPO.....	163
4.2. Выбор перспективных направлений расширения зернового экспорта и стратегия его реализации	175
4.3. Прогноз развития экспорта зерна и зернопродуктов на период до 2030 г.	198
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	217
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	222

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Успешное развитие зернового производства в Российской Федерации создало объективные предпосылки для значительного расширения экспортных продаж зерновых, обеспечивая наше государство валютной выручкой и налоговыми поступлениями; сельскохозяйственные организации – дополнительными рынками сбыта и прибылью; работников, вовлеченных в соответствующие производственные, торговые, логистические процессы – занятостью, заработной платой.

Однако дальнейшее наращивание экспортных продаж отечественными производителями зерна и зернопродуктов ограничено рядом существенных затруднений выхода на рынки сбыта зерновой продукции ряда стран Европы, что, в свою очередь, привело к росту предложения и давлению на цены на ограниченных в части покупательной способности рынках Азии и Африки. Острую полемику сохраняют вопросы применения «исторического» принципа распределения экспортных квот. Интересы более удаленных от морских портов регионов, в частности Сибирского федерального округа (СФО), учитываются не в полной мере, делая логистику крайне затруднительной, а непосредственно сибирское зерно мало или недостаточно реализованным. Поставки зерна на Восток также на данный момент не характеризуются существенными улучшениями из-за неготовности железнодорожной сети и её преимущественного использования под другие экспортные товары.

Как показал анализ, потенциал расширения объёмов экспортных продаж зерна и продуктов его переработки из СФО значителен, способен давать существенный экономический и социальный эффекты, рост сельскохозяйственного производства, что требует разработки научной базы развития регионального экспорта зерна и зернопродуктов, что предопределило обоснование теоретико-методологических основ и практических рекомендаций по развитию регионального экспорта зерна и зернопродуктов.

Состояние изученности проблемы. Теоретические основы функциони-

рования зернового рынка, в т.ч. формирования и расширения возможностей для экспортных поставок, получили существенное развитие благодаря трудам Н.Д. Аварского, А.М. Агапкина, А.И. Алтухова, И.И. Афанасьевой, Т.Н. Беловой, О.Ю. Воронковой, А.В. Горбатова, Н.Н. Горбачёва, Р.Р. Гумерова, В.И. Денисова, Н.К. Долгушкина, И.Л. Ермакова, С.А. Жидкова, Д.А. Зюкина, Э.Н. Крылатых, И.А. Минакова, А.Н. Осипова, Л.В. Писаревой, Т.Н. Полутинной, Е.И. Семеновой, Л.П. Силаевой, А.Н. Ставцева, Ю.Ф. Чистякова и др.

Вопросы обеспечения экспортных продаж на региональном уровне нашли отражение в публикациях обширного перечня авторов. Применительно к субъектам СФО следует выделить: В.В. Алещенко, Е.В. Афанасьева, А.В. Глотко, Г.М. Гриценко, С.М. Головатюка, Е.И. Калягину, И.Г. Кузнецову, А.А. Колесняк, В.А. Кундиус, М.В. Леоненко, Я.В. Леонову, Л.А. Овсянко, М.Г. Озерову, М.С. Петухову, Н.И. Пыжикову, О.А. Радионову, Е.В. Рудого, А.А. Самохвалову, А.Ф. Софронова, А.Т. Стадника, М.В. Стенкину, Л.В. Тю, А.Е. Уланкина, К.В. Чепелеву, С.Г. Чернову, Р.И. Чупина, С.А. Шелковникова, О.В. Шумакову, Л.А. Якимову и др.

Развитие как научно-теоретических, так и практических аспектов экспортных поставок не только зерна, но и продуктов глубокой его переработки, осуществлялось М.В. Авдеевым, В.С. Алексанян, А.В. Анисимовым, Т.Г. Бондаренко, О.И. Бундиной, В.Г. Быковым, С.П. Воробевым, Н.Ф. Зарук, В.В. Масловой, А.Б. Мельниковым, П.В. Михайлушкиным, В.И. Нечаевым, И.С. Санду, А.И. Трубилиным, Д.Ю. Федюшиным, Ф.И. Худиевым и др.

В то же время, отдавая должное значимости проведённых исследований для расширения регионального экспорта зерна и зернопродуктов и принимая их за основу, следует отметить, что ряд теоретико-методологических положений во многом не соответствует реалиям экономической жизни сельскохозяйственных товаропроизводителей, экспортёров сельскохозяйственной продукции Российской Федерации. В частности, существующие теоретические конструкции, описывающие внешнеэкономическую деятельность хозяйствующих субъектов АПК, не принимают во внимание геополитические изменения, произошедшие

за последние годы. Значимыми являются также факторы и внутренней среды, среди которых – введение квот на экспортные продажи зерна, необходимость соблюдения требований продовольственной безопасности, недостаточность собственных источников в условиях дорогого кредитного финансирования. Обозначенные факторы внешнего и внутреннего порядка определяют необходимость модификации имеющихся и разработки новых теоретико-методологических положений и практических рекомендаций по развитию экспорта зерна и зернопродуктов из СФО.

Цель и задачи диссертационного исследования. Цель диссертационного исследования – разработка теоретико-методологических основ и практических рекомендаций по развитию регионального экспорта зерна и зернопродуктов.

Для достижения поставленной цели в диссертационном исследовании определены и решены следующие главные задачи:

- 1) разработать факторную модель расчёта размера регионального экспорта зерна и зернопродуктов;
- 2) обосновать «пересекающийся» спрос как важнейший фактор регионального экспорта зерна и зернопродуктов;
- 3) расширить теоретические основы доказательства факта отсроченного эффекта государственной поддержки экспорта зерна и зернопродуктов;
- 4) представить научно-теоретический анализ производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов;
- 5) оценить экономические последствия смещения кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов;
- 6) представить научно-теоретический аппарат оценки эффективности экспорта на региональном уровне;
- 7) разработать механизм государственной поддержки выхода экспортеров зерна и зернопродуктов на IPO;
- 8) обосновать мероприятия по развитию экспортных поставок зерна и зернопродуктов на рынки стран Юго-Восточной Азии, Африки;

9) разработать прогноз развития экспорта зерна и зернопродуктов на период до 2030 г.

Объектом исследования выступили экономические и организационно-управленческие отношения, возникающие в процессе регионального экспорта зерна и зернопродуктов.

Предмет исследования – тенденции, условия и факторы, определяющие развитие регионального экспорта зерна и зернопродуктов.

Объекты наблюдения – сельскохозяйственные товаропроизводители всех категорий, экспортёры и импортёры зерновой продукции, органы государственной власти Российской Федерации.

Область исследования. Диссертационное исследование по своей актуальности, научным результатам, их новизне, теоретической и практической значимости находится в рамках научной специальности 5.2.3 Региональная и отраслевая экономика (экономика агропромышленного комплекса (АПК)), соответствует п. 3.5 «Формирование и функционирование рынков продукции АПК», п. 3.9 «Внешнеэкономическая деятельность сельскохозяйственных и агропромышленных компаний и предприятий».

Теоретической основой исследования послужили фундаментальные положения экономической теории, мировой экономики, экономики предприятия, внешнеэкономической деятельности предприятия, логистики, научные труды зарубежных и отечественных учёных, изложивших свои точки зрения в диссертациях, монографиях, научных статьях по тематике расширения экспортных продаж, в целом внешнеэкономической деятельности, её государственного регулирования.

Информационная база исследования представлена нормативными документами, затрагивающими различные, в т.ч. политические, аспекты внешнеэкономической деятельности, развития сельскохозяйственного производства, его государственной поддержки, материалами Росстата, Федеральной таможенной службы, статистики ЕАЭС, БРИКС, международной статистики (ИТС Trade Map, ФАО ООН, Министерства сельского хозяйства США).

Методологической базой исследования послужили следующие методы: абстрактно-логический, монографический, расчётно-конструктивный, сравнительный, экономико-математический.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Факторная модель расчёта размера регионального экспорта зерна и зернопродуктов.
2. «Пересекающийся» спрос как фактор регионального экспорта зерна и зернопродуктов.
3. Отсроченный эффект государственной поддержки экспорта зерна и зернопродуктов.
4. Производственные возможности регионального экспорта зерна и зернопродуктов.
5. Экономические последствия смещения кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов.
6. Научно-теоретический аппарат оценки эффективности экспорта на региональном уровне.
7. Механизм государственной поддержки выхода экспортеров зерна и зернопродуктов на IPO.
8. Мероприятия по развитию экспортных поставок зерна и зернопродуктов на рынки Юго-Восточной Азии, Африки.
9. Прогноз развития экспорта зерна и зернопродуктов на период до 2030г.

Научная новизна состоит в разработке теоретико-методологических положений и практических рекомендаций по развитию экспорта зерна и зернопродуктов.

Наиболее существенные результаты, полученные лично автором, характеризующие научную новизну диссертации:

1. Разработана факторная модель расчёта размера регионального экспорта зерна и зернопродуктов. В развитие преобладающей точки зрения на величину регионального экспорта зерна как размера превышения регионального производства зерна над его потреблением результирующий показатель корректирует-

ся также на ряд аналитических соотношений, имеющих существенную теоретическую и практическую ценность: степень освоения экспортной квоты, соответствие требованиям продовольственной безопасности, покрытие выделенной на регион квотой возникшего профицита, обеспеченность запасов единицами хранения, степень профицитности регионального производства зерна, удовлетворение потребностей региона фактическими запасами, а также соответствие годового производства зерна имеющимся ёмкостям хранения.

2. Расширены теоретические положения формирования регионального экспорта с позиции спроса: применительно к экспорту зерна и зернопродуктов адаптированы основные положения теории С. Линдера, определяющие зависимость экспорта товаров от соотношения их качества и среднедушевого дохода. Учёт специфики экспорта зернопродуктов, прежде всего глубокой переработки зерна, потребовал от автора изменения основной, результирующей линии размера экспорта, т.к. с ростом среднедушевого дохода величина экспортируемых зернопродуктов не растёт прямо пропорционально, как это предполагается в общем случае. Применительно к экспорту зерна и зернопродуктов низких переделов линия величины экспорта строится в соответствии с критерием среднедушевого импорта, а не дохода, что существенно в большей степени отражает структуру российского экспорта зерна, где основной удельный вес имеют продукты с низкой добавленной стоимостью. Авторские модификации дают возможности определения «пересекающегося» спроса, позволяющие, в свою очередь, выявить наиболее перспективные географические рынки и/или товары (зерно по классам, зернопродукты по наименованиям).

3. Доказано наличие факта отложенного, отсроченного эффекта мероприятий государства по поддержке экспорта. Преобладающая точка зрения оценки эффективности государственной поддержки строится на соотношении «год к году», т.е. закладывается допущение, что текущий прирост экспорта зерна определяется соответствующим приростом государственной поддержки, оказанной в этом же году. Однако природа различных мероприятий государственной поддержки такова, что эффект, прирост экспорта, может получить своё

непосредственное выражение на следующий год или в более отдаленные периоды. Подход автора даёт возможность объяснить и формализовать ответ на вопрос о том, почему в условиях сокращения государственной поддержки по ряду лет это не мешало наращивать российский экспорт сельскохозяйственной продукции, в т.ч. зерновых.

4. Выполнена адаптация теории производственных возможностей к ситуации экспорта зерна и зернопродуктов в условиях государственного вмешательства в виде квотирования экспорта. Установлено, что введение «потолка» квоты создаёт на кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов вынужденную, искусственную «неэффективность», с одной стороны, «изымая» часть производственных возможностей регионального экспорта зерна, а значит, являясь прямой причиной нереализации на экспорт части зерна, но формируя, с другой стороны, предпосылки для дополнительного производства и экспорта зернопродуктов. Шкала возможностей производства и экспорта зерна и зернопродуктов становится искусственно перемасштабированной в пользу продукции более высоких переделов.

5. Определено, что на уровне отдельной организации заключение об экономической целесообразности производства и экспорта зерна или зернопродуктов необходимо формировать не на основе сопоставления площадей зоны «неэффективности» и зоны дополнительного производства и экспорта зернопродуктов, а по величине формируемого с данных зон финансового результата. Доказано, что боковое смещение графика производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов, лимитированное по оси абсцисс «потолком» квоты, не только сокращает число возможных сочетаний значений экспорта зерна и зернопродуктов, но и искусственно занижает величину потерь выпуска и экспорта зерна при выпуске и экспорте дополнительной единицы зернопродуктов, а также завышает величину потерь выпуска и экспорта зернопродуктов при выпуске и экспорте дополнительной единицы зерна.

6. Предложено для оценки эффективности экспорта на региональном уровне использовать показатель отношения добавленной в процессе производ-

ства и реализации экспортной зерновой продукции стоимости к сумме понесенных при этом материальных затрат. В развитие аналитических, управленческих преимуществ предлагаемого показателя сформированы соответствующие факторные модели. Первая факторная модель определяет зависимость показателя от рентабельности экспорта (по добавленной стоимости), оборачиваемости задействованных в экспорте активов, мультипликатора капитала и покрытия собственным капиталом материальных затрат; вторая – от рентабельности экспорта (по добавленной стоимости), доли направляемого на экспорт зерна в общей величине его производства, фондоотдачи зернового производства и соотношения стоимости материально-технической базы с материальными затратами. Обозначенное расширение искомого показателя даёт возможность существенно расширить перечень количественно формализуемых, управляемых факторов.

7. Представлены рекомендации по совершенствованию государственного стимулирования экспорта, заключающиеся в оказании поддержки по выходу на публичный рынок акционерных обществ – производителей зерна, зернотрейдеров. Выход на IPO диверсифицирует возможности экспортёров по финансированию своего развития, преодолевает ситуацию чрезмерной закредитованности сельскохозяйственных организаций. Автором предлагается в качестве меры государственной поддержки капитализация не только АО «Россельхозбанк», АО «Росагролизинг», но и АО «Росэксимбанк», который на полученные в порядке докапитализации средства может выкупать опцион организатора, что, в свою очередь, позволит стабилизировать динамику стоимости ценных бумаг эмитента, который за счёт IPO увеличит именно собственный, акционерный, а не заёмный капитал. Расширение возможностей фондирования снизит зависимость сельскохозяйственного, в т.ч. зернового, сектора от банковской сферы, создаст потенциал притока средств юридических и физических лиц с фондового рынка.

8. Посредством использования инструментария простых и экспоненциальных скользящих средних определены наиболее перспективные на кратко- и среднесрочном горизонте географические направления экспорта. Особенности

ми реализованного подхода являются рассмотрение и синтез как краткосрочных, так и долгосрочных тенденций, возможность определения уровней поддержки и сопротивления – наиболее вероятных минимальных и максимальных значений экспорта зерновых по отдельным товарным позициям и странам. Представлены мероприятия по развитию экспортных поставок зерна и зернопродуктов на рынки Юго-Восточной Азии, Африки, определены ключевые институциональные структуры, задействованные в реализации соответствующей стратегии, разработан функционал предлагаемого к открытию торгового представительства, обосновано применение мер административной поддержки.

9. Разработан вариантный среднесрочный прогноз экспорта зерна и зернопродуктов из Российской Федерации на период до 2030 г. по наиболее значимым товарным позициям (пшеница, ячмень, кукуруза, продукция мукомольно-крупяной промышленности) и географическим (страновым) направлениям (Египет, Турция, Саудовская Аравия, Кения, Китай, Казахстан) с использованием инструментария прогнозирования на основе наиболее достоверных трендовых линий, модели авторегрессии скользящего среднего ARIMA с автоматическим определением структуры параметров и модели ARIMA с варьированием параметров скользящих средних.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования. Теоретическое значение диссертационного исследования состоит в развитии научных основ факторного анализа размера регионального экспорта зерна, применении категории «пересекающегося» спроса к задачам расширения экспорта, формализации оценки отсроченного эффекта государственной поддержки экспорта, определении границ производственных возможностей регионального производства зерна и зернопродуктов и последствий их смещения в результате государственного вмешательства (квотирования), формировании научно-теоретического аппарата оценки эффективности экспорта на региональном уровне.

Практическая значимость исследования заключается в адаптации положений маржинального анализа к решению задач экспорта зерна и/или зерно-

продуктов, в разработке рекомендаций по совершенствованию государственной поддержки зернового экспорта, в определении перспективных направлений экспорта и разработке мероприятий по развитию экспортных поставок, в выполнении прогноза экспорта зерна и зернопродуктов на период до 2030 г. по наиболее значимым товарным позициям и географическим направлениям.

Результаты диссертационного исследования могут быть учтены государственными органами при разработке программ развития сельского хозяйства, использованы научными сотрудниками исследовательских организаций, преподавателями в учебном процессе.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации доложены и обсуждены на международных, национальных и всероссийских научно-практических конференциях. Результаты научно-практической работы автора применяются в работе Министерства экономического развития Новосибирской области, Комитета по сельскому хозяйству Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ», передовыми сельскохозяйственными и перерабатывающими организациями, в частности АО «Новосибирскхлебопродукт», в учебном процессе ФГБОУ ВО «НГУЭУ», что подтверждено справками о внедрении результатов исследования.

Публикации. Основные положения диссертации отражены в 41 печатной работе общим объемом 116,55 п.л., из которых 28,73 п.л. – авторские, в т.ч. 22 работах, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ, в 5 монографиях.

Структура диссертационной работы. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, выводов и предложений, списка использованных источников. Работа изложена на 257 страницах и включает 39 таблиц, 50 рисунков.

Во введении раскрыты актуальность диссертационного исследования и степень разработанности проблемы, поставлены цель и задачи, определены предмет, объект и методы научной работы, информационная база, обоснованы научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.

В первой главе диссертационного исследования «Теоретико-методологические основы расширения регионального экспорта зерна и зернопродуктов» обосновано применение авторской модели регионального экспорта зерна, определены ключевые аспекты экспортных поставок со стороны спроса, предложен авторский подход к оценке отсроченного эффекта государственной поддержки экспорта.

Во второй главе «Методология развития регионального экспорта зерна и зернопродуктов» исследуются производственные возможности регионального экспорта зерна и зернопродуктов, прослеживаются экономические последствия смещения кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов, представлено обоснование оценки интересов государства в расширении регионального экспорта зерна и зернопродуктов по показателю добавленной стоимости.

В третьей главе «Ретроспективный анализ экспорта зерна и зернопродуктов» осуществлен анализ динамики, состава и структуры аграрного экспорта Российской Федерации, структурно-динамический анализ зернового экспорта, выполнена ретроспективная оценка проектов зернового экспорта страны.

В четвертой главе «Перспективные направления развития экспорта зерна и зернопродуктов» обоснован механизм государственной поддержки выхода экспортёров зерна и зернопродуктов на IPO, обозначен подход к выбору перспективных направлений расширения зернового экспорта и представлена стратегия его реализации, выполнен прогноз развития экспорта зерна и зернопродуктов на период до 2030 г.

В заключении сформулированы основные результаты исследования по развитию экспорта зерна и зернопродуктов.

1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАСШИРЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКСПОРТА ЗЕРНА И ЗЕРНОПРОДУКТОВ

1.1. Теоретические основы формирования и расширения регионального экспорта зерна и зернопродуктов

Расширение экспорта зерна и зернопродуктов имеет существенное значение в силу большого числа обстоятельств. В условиях ухудшения внешнеполитической ситуации, наиболее явным проявлением которого становится всё более выраженное противодействие со стороны стран коллективного Запада экспорту российской нефти и газа, продажи российского продовольствия, включая преимущественно зерновые, остаются одним из наиболее действенных инструментов политического маневрирования, важнейшим источником формирования валютных поступлений.

Экспорт зерна и зернопродуктов, начиная с нулевых годов XX века, стал для Российской Федерации одним из условий существования зернового сектора, полностью закрывающего внутреннее потребление. Нарращивание экспортных продаж, достигнутое в условиях безусловной продовольственной независимости по товарной позиции зерна и зернопродуктов, а также удовлетворения требований рационального потребления в части хлеба и хлебных продуктов, позволило снизить и остроту социальных вопросов, поскольку способствует сохранению рабочих мест в сельской местности, получению конкурентоспособной заработной платы, снижению социальной напряжённости.

Возможности продажи зерна и, в особенности, зернопродуктов, предъявляют дополнительные требования к сохранению и развитию материально-технической базы зернопродуктового подкомплекса, внедрению новых, прогрессивных технологий производства, хранения и переработки, в т.ч. глубокой, зерна, что является свидетельством также и технологического аспекта задачи расширения экспортных поставок российского зерна [318].

По совокупности обозначенных, при этом тесно взаимосвязанных поли-

тических, экономических, социальных и технологических факторов, можно утверждать, что исследование возможностей наращивания экспортных поставок зерна является актуальным, теоретически и практически значимым [242, 243, 244, 245]. Необходимость же исследования региональных аспектов увеличения экспорта зерна определяется тем, что, несмотря на очевидный приоритет в производстве и экспорте южных регионов России, остаётся ряд и других регионов страны, в частности, Сибирского федерального округа, где возникает существенный профицит зерна, реализация которого за рубеж сталкивается с рядом объективных препятствий, включая географическую отдалённость, а значит и дополнительные расходы на логистику, несовершенство механизмов квотирования экспортируемой продукции и др.

При этом управление экспортными поставками зерна и зернопродуктов по-прежнему во многом носит «реактивный» характер, под которым мы подразумеваем вынужденность постоянного реагирования на постоянно меняющиеся внешние обстоятельства, преимущественно негативного свойства. Рыночная система хозяйствования по своей природе не гарантирует «застывших» экономических обстоятельств, но, в то же время, способность максимально быстрой адаптации того или иного экономического субъекта, будь то и зерновой подкомплекс, существенно возрастает в условиях, когда под экономическое развитие подводится соответствующая научно-методическая база, дающая возможность определить и преодолеть существующие ограничения роста, сформировать условия для максимальной интенсификации развития, улучшения производственных, экономических и иных характеристик, «превентивных» управленческих решений, делая развитие более прогнозируемым, управляемым, планомерным.

Экспорт является одной из базовых экономических категорий, в определении сущности которой закономерно прослеживается относительное однообразие трактовок (таблица 1). Общим в представленных определениях категории является акцентуация физического вывоза за границу неких товаров, работ, услуг, капитала, технологий, произведённых внутри страны. Определений, ха-

рактизирующих именно региональный экспорт, в т.ч. зерна, нами не установлено, но мы исходим из того, что все ключевые, существенные характеристики экспорта при переходе с федерального уровня на региональный остаются неизменными.

Таблица 1 – Подходы к определению сущности категории «экспорт»*

Источник	Определение
Поляков В.В., Щенин Р.К.	«Коммерческая деятельность, связанная с продажей и вывозом за границу товаров национального производства» [145]
Киреев А.П.	«Продажа товара, предусматривающая его вывоз за границу» [106]
Слагода В.Г.	«Вывоз за рубеж товаров, услуг, работ, произведённых фирмой, а также результатов интеллектуальной собственности» [216]
Антипина В.И., И.Э. Белоусова, Р.В. Бубликова	«Продажа и вывоз товаров за рубеж» [317]
Раджабова З.К.	«Продажа и вывоз товаров, технологий и услуг за границу для реализации их на внешнем рынке» [186]
Тальнишних Т.Г.	«Вывоз товаров из страны» [269]
Кочергина Т.Е.	«Оплачиваемый вывоз товаров» [121]
Воронин В.П., Кандакова Г.В., Подмолодина И.М.	«Вывоз за границу товаров, проданных иностранным покупателям, предназначенных для продажи на иностранных рынках или для переработки в другой стране» [66]
Куликов Л.М.	«(от лат. exportare – вывозить) – 1) вывоз из страны отечественных товаров, капиталов, технологий и пр.; 2) то, что вывозится, и его стоимость» [123]
Колесов В.П., Кулаков М.В.	«Стоимость всех проданных за рубеж товаров и услуг» [114]

* составлено автором

В контексте проводимого исследования отдельно можно выделить определения, данные Л.М. Куликовым, В.П. Колесовым, М.В. Кулаковым, в соответствии с которым экспорт можно рассматривать не только как некий феномен, явление экономической жизни, её внешнеторговой стороны (условно обозначим как процессно-явленческий подход), но также как некоторую величину (стоимостной подход). Выделяемая особенность в целом очевидна, но как показывает проводимый анализ, не так однозначна в части формального своего представления.

Изучение публикаций по профильной тематике приводит нас к выводу, что в ряде случаев размер экспорта воспринимается как едва ли не случайная

величина, сложившаяся под воздействием крайне большого числа факторов, во множестве случаев не поддающихся контролю, формализации, управлению. Действительно, существенная часть природно-климатических, биологических факторов по-прежнему остаётся прогнозируемой и управляемой не в полной мере. Вместе с тем, экономическая наука, по нашему мнению, не должна сводиться к нагромождению подчас если не надуманных, то по крайней мере трудно детерминируемых факторов, определяющих размер результирующего показателя экспорта. Практическая ценность научных исследований будет существенно возрастать, иметь коммерческую составляющую, если будут предоставлены вполне конкретные аналитические инструменты.

Фактически сложившийся экспорт, региональный или на уровне всей страны, есть реализованный на практике экспортный потенциал. По Д.Ю. Ивановскому, экспортный потенциал является частью экономического потенциала, но и непосредственно сам включает в себя ряд составляющих элементов – активный и пассивный, объективный (финансовый, инновационный, инфраструктурный, производственный, природно-ресурсный, трудовой, маркетинговый) и субъективный (рисунок 1) [100]. Точку зрения Д.Ю. Ивановского развивает М.М. Гурова, не только соглашаясь с обозначенным соотношением экономического и экспортного потенциала, а также разделением последнего на активную и пассивную части, но и более классифицируя состав активного и пассивного потенциалов, относя к первому природный, инфраструктурный и финансовый потенциалы, ко второму – инновационный, научно-производственный, трудовой и маркетинговый потенциалы [75].

Существенное развитие структурного состава экспортного потенциала зернопродуктового подкомплекса мы находим в исследовании А.В. Маклакова, который все вышеназванные составляющие объединяет в рамках потенциала производства, но также выделяет потенциал потребления, дифференцируемый при этом на потенциал потребления на внутреннем и на зарубежных рынках, обозначает факторы влияния на каждый элемент [138].

Рисунок 1 – Структура экспортного потенциала и его причинно-следственная связь с экономическим потенциалом [100]

Соглашаясь с общим научно-теоретическим обобщением рассматриваемого вопроса, мы вынуждены констатировать и неочевидную практическую применимость ряда разработанных положений. Одним из базовых равенств, имеющих и научную ценность, и практическую реализацию (например, в статистических сборниках), является равенство, формула товарного, в нашем случае – зернового, баланса:

$$Z_n + (ПР + И) - (ПП + ПЕР + ПОТ + Э + ЛП) = Z_k, \quad (1)$$

где Z_n, Z_k – запасы зерна на начало и конец анализируемого периода, тыс. т;

ПР – производство (валовой сбор в весе после доработки), тыс. т;

И – импорт, тыс. т;

ПП – производственное потребление, в т.ч. на семена, корм скоту и птице, тыс. т;

ПЕР – переработка (на муку, крупу, комбикорма и другие цели), тыс. т;

ПОТ – потери, тыс. т;

Э – экспорт, тыс. т;

ЛП – личное потребление (фонд потребления), тыс. т.

Первая скобка формулы (1) отражает сумму всех возможных поступлений зерна в продовольственную систему страны или региона, а вкуче с запасами на начало периода, обычно года, формирует так называемые «ресурсы», вторая – общее использование зерна на соответствующие цели потребления.

Поскольку нас интересует экспорт, то его расчёт будет сводиться к использованию следующего выражения:

$$\text{Э} = (\text{ПР} + \text{И}) - (\text{ПП} + \text{ПЕР} + \text{ПОТ} + \text{ЛП}) + (\text{З}_\text{н} - \text{З}_\text{к}). \quad (2)$$

С точки зрения ретроспективного анализа формула (2) является абсолютной, её ценность не подлежит какому-либо сомнению, в т.ч. и по той причине, что зависимость носит четко выраженный, формализованный характер, отражает детерминированную (аддитивную), а не стохастическую, не вероятностную, взаимосвязь результирующего показателя с влияющими переменными, факторами. Из формулы следует, что росту экспортных продаж будет способствовать, прежде всего, увеличение производства зерна и зернопродуктов, но также рост импорта (при его наличии) и сокращение к концу анализируемого периода величины переходящих запасов зерна и зернопродуктов; снижению – увеличение производственного потребления всех видов, переработки в соответствии с поставленными целями, потерь, личного потребления.

Однако, использование формулы (2) для выполнения перспективного анализа, реализации прогнозных расчётов, сопряжено со значительными недостат-

ками, свойственными в то же время не столько самой специфике зернового экспорта, сколько в целом процессе прогнозирования, экстраполирования экономических тенденций. Дело в том, что использование формулы (2) есть анализ в большом числе случаев «по факту». Перспективный же, прогнозный анализ будет реализован в условиях допущения, что весь образовавшийся на рынке профицит зерна будет экспортирован, но это будет иметь место отнюдь не в каждом случае. В силу обозначенных причин и возникает необходимость использования категории экспортного потенциала, а также сопоставления последнего с фактическим размером экспорта.

Определим ещё один важнейший в контексте проводимого исследования аспект – региональный. Как отмечает Д.Ю. Ивановский, в процессе «формирования экспортного потенциала региона ... важным моментом, на который следует обратить внимание, является оценка непосредственного вклада управляющих воздействий региональных властей в формирование экспортного потенциала региона, для чего может быть использован метод сдвиг-составляющих (Shift-Share Analysis), согласно которому региональная составляющая роста экспорта i -ой товарной группы находится по следующей формуле:

$$PC_i = \mathcal{E}_{t-1} \times \left(\frac{\mathcal{E}_t}{\mathcal{E}_{t-1}} - \frac{E_t}{E_{t-1}} \right), \quad (3)$$

где \mathcal{E}_{t-1} – объем экспорта i -й товарной группы в регионе в $t-1$ периоде;

$\frac{\mathcal{E}_t}{\mathcal{E}_{t-1}}$ – темпы роста экспорта i -ой товарной группы в регионе;

$\frac{E_t}{E_{t-1}}$ – темпы роста экспорта i -ой товарной группы в целом по стране»

[100].

На момент проведения исследования для нас остался неочевидным экономический смысл представленных расчётов по выявлению «региональной составляющей роста экспорта», тем более, что расчёты на уровне региона вполне можно провести самостоятельно, исходя из статистических данных, а в даль-

нейшем непосредственно рассчитать относительные показатели удельного веса по отношению к данным по всей стране. Неочевидным остаётся ответ на вопрос об интерпретации получаемых результатов в ситуации, если в скобках будет получен отрицательный результат, а таковой вполне может быть получен, т.к. темпы роста экспорта *i*-ой товарной группы в целом по стране вполне могут превышать темпы роста экспорта *i*-ой товарной группы в регионе. Но даже если заложить опережение роста экспорта в регионе по сравнению с данными по стране, допустим 120% (коэффициент 1,2) против 110% (коэффициент 1,1) при региональном экспорте в период *t*-1 равном, как допущение, 100 тыс. т, то «региональная составляющая роста экспорта» составит:

$$100 \times (1,2 - 1,1) = 10 \text{ (тыс. т)},$$

при том, что непосредственно региональный экспорт увеличился до:

$$100 * 1,2 = 120 \text{ (тыс. т)},$$

т.е. на:

$$120 - 100 = 20 \text{ (тыс. т)}.$$

Вероятно, представленный инструментарий Д.Ю. Ивановского требует дальнейшего развития, уточнения, в частности, по вопросу о том, как соотносятся отмеченные 10 и 20 тыс. т. Повторимся, что региональная составляющая может быть рассчитана посредством стандартного инструментария расчёта относительных показателей структуры, а непосредственно значения регионального экспорта – посредством как уже представленного, так и характеризуемого далее инструментария.

В своём исследовании мы солидаризируемся с алгоритмом расчёта экспортного потенциала, определяемым И.И. Афанасьевой и Ф.А. Гадойбоевым следующим образом: «экспортный потенциал производства зерна будем определять как разницу между производственными возможностями системы и уровнем внутреннего потребления / спроса зерновых продуктов» [25]. Подход к расчёту у названных авторов с определёнными оговорками по терминологии фактически выражает формулу (2), а также используется в настоящем исследовании.

Несмотря на достаточно четкие, как представляется, возможности для определения величины экспортного потенциала исходя из формулы товарного баланса, в публикациях можно встретить точки зрения, отличающиеся от обозначенного подхода. Так, по Л.Е. Басовскому, «экспортный потенциал (экспортные возможности) – это та доля продукции, которую может продать данная страна на мировом рынке без ущерба для собственной экономики (за вычетом внутренних потребностей)» [316].

Не отрицая возможности и даже целесообразности измерения экспортного потенциала страны через показатель доли, удельного веса, ровно это же обозначим и как недостаток представленного определения – экспортный потенциал необходимо выражать не только в относительных показателях удельного веса, но и также в своём непосредственном, абсолютном выражении – важно знать не только какую часть от произведённой зерновой продукции может поставлять за рубеж страна или регион, но и сколько они могут выручить за это денежных средств.

Также дискуссионным нам представляется и подход Я.В. Леоновой, согласно которому: «так как экспортный потенциал продукции определяется способностью региона производить и реализовывать на внешние рынки конкурентоспособную продукцию сельского хозяйства, а основным критерием конкурентоспособности является цена, то экспортный потенциал будем рассчитывать как отношение прибыли от реализации продукции внутри страны к прибыли от реализации за рубежом:

$$\Pi_3 = \frac{Ц_в - С}{Ц_3 - С}, \quad (4)$$

где $Ц_в$ – внутренняя цена за 1 ц продукции (среднее значение за последние 3 года);

$Ц_3$ – экспортная цена за 1 ц продукции (среднее значение за последние 3 года);

С – себестоимость реализованного 1 ц продукции» [130].

В контексте рассмотренных выше подходов, подход Я.В. Леоновой больше характеризует скорее не «экспортный потенциал», а, вероятно, «экспортную привлекательность» соответствующей зерновой культуры, поскольку экспортный потенциал выражает непосредственную величину, а через нее – и долю, поставляемой за рубеж зерновой продукции.

Также считаем необходимым указать, что принятие и в числителе, и в знаменателе формулы (4) неизменной величины себестоимости означает, что себестоимость реализуемого на внутреннем рынке зерна численно совпадает с себестоимостью экспортируемого зерна, но это очевидно не так, поскольку экспортёры зерна, и тем более такие отдалённые от морских путей, как экспортёры Сибири, несут логические расходы, существенно увеличивающие стоимость конечного зернового продукта. Это отмечают и В.А. Бондаренко, А.В. Гаспарян: «экспортные возможности ... зависят с одной стороны от ценовых конъюнктур на рынках реализации, от таковых на внутренних рынках РФ и уровня накладных расходов, в которые включаются цена транспортировки зерна до пунктов его предварительного хранения и цены доставки конечному потребителю» [42]. Имеющиеся меры государственной поддержки по снижению логистических затрат сибирских экспортёров в определённой степени снижают остроту проблему, но всё равно не ставят последних в одни рыночные условия с экспортёрами зерна юга России.

Со ссылкой на В.В. Полякова, ранее уже упоминавшиеся учёные И.И. Афанасьева и Ф.А. Гадойбоев, находят возможным для построения прогнозов экспортных продаж зерна применение следующей модели:

$$Y = f(x_1) + f(x_2), \quad (5)$$

где Y – прогнозируемый параметр;

$f(x_1)$ – функция зависимости его от общехозяйственных, макроэкономических показателей состояния экономики;

$f(x_2)$ – функция зависимости его от микроэкономических (товарно-рыночных) показателей [25].

Представленную модель можно считать логически оправданной: экспорт зерна из страны и её регионов действительно зависит от совокупности как макро-, так и микроэкономических показателей, однако вопросы практической реализации модели (5) названные авторы в своем исследовании [25] не развивают, ограничиваясь лишь самым общим построением.

Разрозненность научных точек зрения, тем не менее, позволила нам выявить те ключевые параметры, которым должна удовлетворять формируемая модель регионального экспорта зерновых. Во-первых, она должна базироваться на показателе формирующегося на региональном рынке профицита зерна, во-вторых, возникший профицит ещё не есть экспорт, а потому должен / вынужден корректироваться в соответствии с влиянием факторов национального и мирового рынков.

Таким образом, в основе обеспечения экспортных поставок зерна лежит превышение внутреннего производства над внутренним потреблением как ключевое условие. Но также, в условиях современной российской практики экспортных продаж, с учётом того, что расширение экспорта не должно создавать дефицит внутреннего потребления (личного, производственного, переработки), необходимым становится выделять и множество других, в т.ч. рассматриваемых далее, факторов.

Основной фактор, ключевая предпосылка наращивания экспортных продаж – это наличие профицита, излишка зерна и зернопродуктов в стране. Вместе с тем продажи профицитного зерна и зернопродуктов должны находиться в рамках установленных, ежегодно уточняемых соответствующими нормативными актами квот, не создавать угроз продовольственной безопасности, должна иметься возможность «передержки» зерна и зернопродуктов в условиях неблагоприятной ценовой конъюнктуры, что, в свою очередь, требует развития соответствующей материально-технической базы: строительства и модернизации элеваторов, хлебоприёмных предприятий. Эти факторы были учтены автором

при построении способом аналитического расширения модели, претендующей на формализованное, количественно характеризующее представление ключевых переменных:

$$PЭЗ = П \times \left(\frac{PЭЗ}{К} \right) \times \left(\frac{З_{\phi}}{З_{н}} \right) \times \left(\frac{К}{П} \right) \times \left(\frac{З_{н}}{Е} \right) \times \left(\frac{ПР}{ПТР} \right) \times \left(\frac{ПТР}{З_{\phi}} \right) \times \left(\frac{Е}{ПР} \right), \quad (6)$$

где PЭЗ – региональный экспорт зерна, тыс. т;

П – профицит, тыс. т;

К – квота на экспорт, тыс. т;

З_φ – запасы зерна фактические, тыс. т;

З_н – запасы зерна нормативные, тыс. т;

Е – ёмкости для хранения зерна, тыс. т;

ПР – производство зерна, тыс. т;

ПТР – потребление зерна, тыс. т.

Таким образом, формула (6) представляет собой 8-факторную модель величины регионального экспорта зерна, в которой лишь первый фактор – профицит зерна – выражается в натуральных единицах измерения (тыс. т или млн т), а все остальные факторы являются корректирующими относительными соотношениями, коэффициентами. Профицит зерна может быть выражен и в стоимостном выражении, но тогда в процессе анализа становится необходимым учёт ещё и ценового фактора. Профицит рассчитывается уменьшением производства (валового сбора в весе после доработки) на сумму всех направлений использования (кроме экспорта, принимаемого целевым, результирующим показателем). Правильность построения факторной модели регионального экспорта зерна подтверждается тем, что, согласно требованиям приёма аналитического расширения, сокращение всех повторяющихся элементов приведёт нас к формированию базового равенства ($PЭЗ = PЭЗ$).

Обоснуем целесообразность введения в модель каждого корректирующего величину профицита (П) соотношения.

Первое соотношение $\left(\frac{PЭЗ}{K}\right)$ фактически является формализованным выражением так называемого «исторического» принципа, применяемого при определении квот на каждый следующий сельскохозяйственный год, в соответствии с которым в своих продажах на последующий период экспортёр может рассчитывать на величину, сообразную тому, как он «выбрал» свою квоту в прошлый период. Каждый экспортёр, каждый регион заинтересован в максимально полной «выборке» своей квоты с тем, чтобы на следующий год она не снизилась. Однако же Сибирский федеральный округ, равно как и ряд других, обладает возможностями для существенного превышения выделенного на экспортёров региона объёма тарифной квоты.

Зерновые, в отличие от большого числа других видов сельскохозяйственной продукции, продовольствия, характеризуются возможностями в целом достаточно длительного хранения. С точки зрения продовольственной безопасности каждое государство, регион, должны иметь и фактически имеют нормативные запасы, резервы зерна. Второе соотношение $\left(\frac{З_{\phi}}{З_{н}}\right)$ характеризует сообразность сформированных фактических запасов к их нормативно установленному уровню. Соответственно, экспортные продажи в общем случае должны осуществляться в ситуации, когда закрыты внутренние потребности региона, созданы запасы на предусмотренный срок. Тем не менее соотношение может быть подвергнуто корректировке в случае прогноза хорошего или, напротив, низкого урожая.

Третье соотношение $\left(\frac{K}{П}\right)$ отражает, в какой мере выделенная на регион квота соответствует создавшемуся в нём профициту. Рост соотношения свидетельствует о снижении напряжённости на региональном зерновом рынке, т.к. шансы продажи излишков зерна за рубеж в условиях фиксированного внутреннего потребления существенно возрастают.

Российская Федерация и её регионы испытывают существенный дефицит мощностей хранения зерна, недостаток ёмкостей единовременного хранения

элеваторов, хлебоприёмных предприятий. Требуется существенные инвестиции в строительство соответствующих ёмкостей хранения, чтобы, как уже указывалось, экспортёры имели возможность не продавать свой товар в ситуации крайне низких цен, а продержат его до момента более благоприятной ценовой конъюнктуры рынка. Четвёртое соотношение $\left(\frac{З_n}{E}\right)$ указывает – в какой пропорции нормативные запасы зерна обеспечены объемами единовременного хранения.

Степень профицитности региона, характеризуемая через пятое соотношение $\left(\frac{ПР}{ПТР}\right)$, соотношение величин производства и потребления, является одной из базовых характеристик размера регионального экспорта зерна. За исключением Северо-Западного федерального округа, исторически самодостаточны все другие федеральные округа, однако в ряде округов, в частности, Центральном и Приволжском, относительно развиты производственное потребление, переработка на муку, крупу, комбикорма и другие цели. Экспортные продажи должны соотноситься с обозначенным внутренним потреблением, не оказывать на него понижающего «давления». Развитие комбикормовых производств, глубокой переработки зерна, наращивание предложения соответствующей продукции будут способствовать развитию животноводства в стране. Расширение экспорта зерна на федеральном и региональном уровнях и развитие животноводства в стране и её регионах не должны входить в противоречие, должен быть обеспечен баланс интересов каждой стороны.

Зерновое производство подвержено влиянию различных природно-климатических факторов, среди которых засухи, наводнения и другие природные катаклизмы, имеющие своим возможным последствием неурожай. Шестое выделенное соискателем соотношение $\left(\frac{ПТР}{З_\phi}\right)$ характеризует соотношение потребления зерновой продукции с величиной ранее сформированных запасов зерна. Рекомендуемый, нормативный результат обозначенного соотношения

может являться предметом дискуссий, однако хорошая сохраняемость зерна вкупе со значительной ролью хлебных продуктов в рационе питания россиян уже могут служить основанием для формирования и поддержания достаточно высоких запасов зерновой продукции.

Наращивание заключительного корректирующего соотношения $\left(\frac{E}{ПР}\right)$ также позитивно с точки зрения региональных экспортных продаж зерна, позволяя продавать зерно не только «из-под комбайна», но и, что более выгодно, в более поздний относительно жатвы период с последующих мест хранения (элеваторов, хлебоприемных предприятий) по, соответственно, более высокой рыночной цене.

Сформированная модель обладает всеми достоинствами жестко детерминированных факторных моделей, позволяя получить четкий, формализованный ответ о мере влияния каждого из факторов на результирующий показатель экспорта. Поскольку сформированная модель регионального экспорта зерна является мультипликативной, а не, например, кратной или смешанной, расчёт влияния факторов может быть непосредственно реализован с использованием любого из способов факторного анализа. Возможным является построение и более простых в части количества используемых факторов моделей регионального экспорта зерна, однако общие принципы должны сохраняться неизменными – количественный фактор профицита зерна должен стоять в модели первым, после чего формирующие корректирующие отношения

С целью доказательства не только научно-теоретической обоснованности, но и практической значимости представленных корректирующих соотношений и формирования агрегированной оценки влияния на экспорт Российской Федерацией зерна в периоде с 2017 по 2021 гг. временно объединим их в один общий показатель «влияния корректирующих соотношений» (таблица 2).

Таблица 2 – Расчёт влияния корректирующих профицит соотношений, определяющих конечную величину экспорта зерна из Российской Федерации, млн т*

Наименование показателя	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Производство	135,5	113,3	121,2	133,4	121,4
Производственное потребление	24,4	23,2	23,3	23,9	23,6
Переработка	53,4	52,5	53,3	55,4	57,1
Потери	1,5	1,2	1,2	1,2	1,1
Личное потребление	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Профицит	56,1	36,3	43,3	52,8	39,5
Экспорт	43,3	54,8	39,3	48,5	42,8
Влияние корректирующих соотношений	0,7718	1,5105	0,9076	0,9186	1,0835

* составлено автором

К преимуществу использования представленной модели можно отнести информационную обеспеченность выполняемых расчётов, поскольку все представленные показатели фиксируются официальной статистикой. Полученные значения влияния корректирующих соотношений от минимальных по итогам 2017 г. 0,7718 (77,18%) до максимальных по итогам 2018 г. 1,5105 (151,05%) дают основание заключить, что выделенные автором переменные (факторы) имеют в своей общей величине потенциально очень значимое влияние, снижая, например, в 2017 г. на 22,82% (с 56,1 до 43,3 млн т) величину теоретически возможного экспорта, принятого равным, как уже отмечалось, профициту, но также создавая возможности более чем на половину (51,05%), как это зафиксировано по итогам 2018 г., нарастить экспортные поставки (с 36,3 до 54,8 млн т).

В целом же, можно резюмировать, что экспорт зерна и зернопродуктов, как на региональном уровне, так и федеральном, является прежде всего функцией размера возникшего профицита зерна, но также должен соотноситься в соответствии с требованиями продовольственной безопасности, имеющейся материально-технической базой, возможностями маневрирования ранее сформированными запасами. Учёт обозначенных аспектов реализуется при использовании предложенной автором факторной модели целевого показателя регионального экспорта зерна.

1.2. Оценка возможностей расширения регионального экспорта зерна с позиции потребления

Из курса экономической теории известно, что равновесные цены, также как и равновесные объёмы, определяются совместным воздействием спроса и предложения. Справедливость обозначенного утверждения характерна как для внутренних, так и для мировых рынков.

В «Долгосрочной стратегии развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года» отмечается, что «успешное развитие агропромышленного комплекса Российской Федерации в последние годы ставит перед отраслью новые задачи, ключевой из которых является развитие экспорта сельскохозяйственной продукции, зерна и продуктов его переработки» [167] при том, что «значительное увеличение производства зерна связано прежде всего с ростом экспортного спроса» [167], фактически проводя мысль о том, что не будь экспортного спроса – не было бы и предложения российского зерна на экспорт, не было бы тех рекордных объёмов производства, свидетелями которых мы становились несколько лет подряд.

Всё более значительном мировом спросе на зерно свидетельствует Т.В. Ахмадулина, указывая: «необходимость поиска российскими экспортёрами зерна альтернативных и перспективных рынков сбыта обуславливается следующим: возрастающим спросом на зерно на мировом рынке продовольствия; существенным увеличением производства зерна в России» [26], И.В. Лихман: «увеличение мирового спроса на зерно, обусловленное высокими темпами роста населения его потребляющего, неравномерным ростом доходов на душу населения в мире; увеличение потребления зерна в развивающихся странах, испытывающих существенно растущий дефицит продовольственных ресурсов» [132]; А.А. Верховцев: «товар повышенного спроса на мировой арене» [58] и др.

На неразрывность связи экспортного спроса с объёмами производства, предложения, указывают многие экономисты-аграрники. Так, А.В. Маклаков в алгоритм оценки экспортного потенциала, а значит и прогнозирования, форми-

рования регионального экспорта зерна и зернопродуктов, включает следующие этапы:

1) оценка потенциала производства зерна и зернопродукции. Прирост производства становится возможным за счёт влияния комплекса как экстенсивных, количественных (прежде всего, роста посевных площадей, ввода в оборот неиспользуемых земель), так и интенсивных, качественных (увеличения урожайности) факторов. Основным по силе своего влияния в совокупном влиянии должен быть и оставаться фактор максимально интенсивного использования имеющихся ресурсов;

2) оценка потенциала внутреннего потребления. Внутреннее потребление зерна в Российской Федерации отличается относительно слабой колеблемостью, вариабельностью значений, что позволяет прогнозировать величины потребления всех видов с высокой степенью достоверности;

3) оценка возможностей вывоза, включая межрегиональный ввоз-вывоз зерновой продукции;

4) оценка потенциала внешнего потребления (национальные требования к качеству зерна и зернопродуктов; национальные квоты на ввоз зерна и зернопродукции, конкуренцию со стороны иных стран-поставщиков зерна и зернопродукции; состояние портовой инфраструктуры и цены на её услуги; условия ведения внешнеэкономической деятельности, в т.ч. налоговое, таможенное и тарифное регулирование, квотирование; инфраструктуру государственной поддержки экспорта, а также уровень концентрации капитала);

5) интегральная оценка экспортного потенциала, агрегирующая результаты предшествующих этапов [138].

Формализация первых трёх этапов фактически уже реализована нами в рамках использования рассмотренной выше формулы товарного баланса, а также авторской факторной модели регионального экспорта зерна. Оценка же потенциала внешнего потребления как следующего этапа требует отдельного рассмотрения.

Теории международной торговли, являющиеся научно-теоретическим ба-

зисом построения и развития теоретико-методических основ регионального экспорта зерна, объясняют направления и структуру экспорта в основном со стороны предложения, производителя, апеллируя к сравнительным преимуществам в факторах производства, что приводит, соответственно, к более низким издержкам производства, профициту продукции и, как доказано выше, экспорту.

Как отмечает Н.А. Волгина, «теория, которая связала развитие международной торговли с различиями в наделённости стран факторами производства, получила название теории соотношения факторов производства, или теории Хекшера-Олина, по именам двух шведских учёных, которые в начале XX века впервые предложили этот подход. Суть подхода Хекшера-Олина состоит в том, что они объясняли различия в сравнительных преимуществах, а следовательно, и в сравнительных издержках, и в относительных ценах, различиями в обеспеченности стран факторами производства и различиями в пропорциях факторов, необходимых для производства тех или иных товаров. Теория Хекшера-Олина – это общая модель для анализа международной торговли с неоклассических позиций, которая объединяет несколько взаимосвязанных теорем: теорему Хекшера-Олина, теорему Хекшера-Олина-Самуэльсона, теорему Столпера-Самуэльсона и теорему Рыбчинского» [61].

Экспорт, однако, не получит своей непосредственной реализации, если также не будет проанализирована и сторона спроса, поскольку возникает вопрос о том, на какие именно рынки целесообразно экспортировать продукцию и какая именно продукция будет востребована на рынках других государств? Частично ответ дан в «Долгосрочной стратегии развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года»: «Устойчивый рост спроса на зерно в мире сохраняется в первую очередь благодаря странам Азии и Африки, в которых производство зерновых культур ограничено земельными и водными ресурсами» [167], находит своё отражение в публикациях ряда авторов (у Я.В. Леоновой: «рост спроса ... со стороны стран Юго-Восточной Азии и Северной Африки» [130]), совпадает с уже сформировавшимися направлениями российского

экспорта зерновых. Однако, произошедшие с 2022 г. изменения внешнеэкономической, внешнеполитической ситуации актуализируют необходимость пересмотра ряда положений утвержденной в 2019 г. «Стратегии», в частности, значений, обозначенных в приложении 15, определяющем основные направления экспорта зерна, например в части направлений поставок в европейские страны. Расчёт на заложенный в «Стратегию» оптимистический сценарий в текущих условиях уже не обоснован, требуется актуализация.

Ни одна из разработанных теорий международной торговли не позволяет в полной мере описать возможности регионального экспорта зерна и зернопродуктов, тем более с учётом сложившейся для Российской Федерации международной обстановки, характеризующейся, помимо прочего, такими важнейшими особенностями, что экспортируется преимущественно зерновая продукция низких переделов, переработанное зерно, поставки осуществляются в страны с невысоким уровнем экономического развития.

Несмотря на наличие ряда научно-теоретических пробелов в описании возможностей экспорта с позиции потребления, за первоначальную основу исследования зависимости регионального экспорта зерна и зернопродуктов от факторов спроса можно с некоторыми, раскрываемыми далее, корректировками принять теорию Стефана Линдера, в общем случае определяющую зависимость экспорта от качества товара и среднедушевого дохода.

Далеко не все положения теории С. Линдера в полной мере применимы к интересующей нас тематике. Тем не менее, как будет показано далее, общее построение теории Линдера, вполне адаптируемо. Отличия теории С. Линдера от российского, в т.ч. регионального, зернового экспорта, наиболее принципиальны, по мнению автора, именно по зерну и зернопродуктам невысоких переделов, что будет рассмотрено во вторую очередь в силу большего числа и принципиальности различий. Соответственно, более схожие характеристики присущи для ситуации экспорта зернопродуктов глубокой переработки, делая описание авторской адаптации теории С. Линдера сравнительно более простым, а потому реализованным в первую очередь.

На рисунке 2 представлена графическая адаптация феномена «пересекающегося» спроса к региональному экспорту зерна более высокого качества, зернопродуктов высоких переделов. Как и в классическом построении, нами использованы шкалы среднедушевого дохода и, если в терминологии С. Линдера, «индекса качества товара», или, по Н.А. Волгиной, «утонченности» [61]. Зернопродукты более высоких переделов, имеющие соответственно и более высокие цены, будут располагаться на оси выше, а низких переделов и/или непереработанное зерно соответственно ниже по оси. Значения целевой функции размера экспорта (Ξ) формируются в соответствии с сочетаниями среднедушевого дохода (горизонтальная ось) и качества товара – класса зерна, качества зернопродуктов (вертикальная ось).

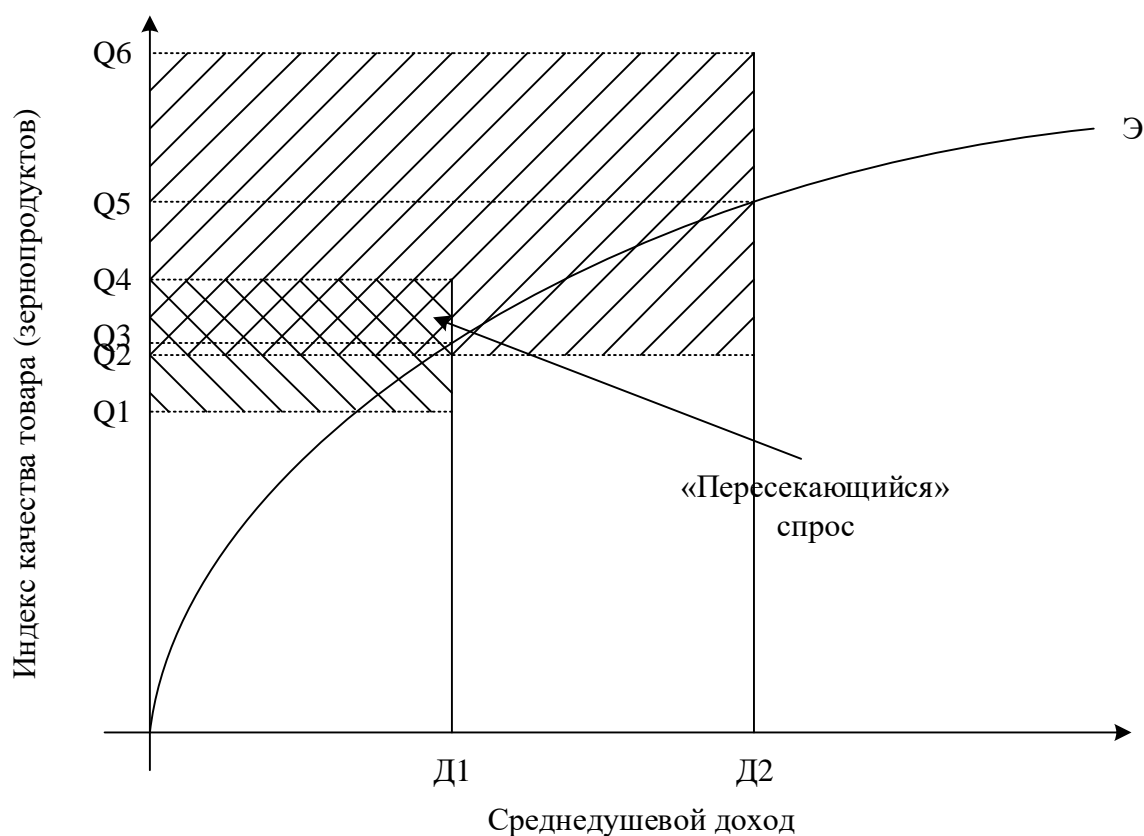

Рисунок 2 – Формирование «пересекающегося» спроса в рамках экспорта зернопродуктов высоких переделов (составлено автором)

Однако мы не согласны с тем, что целевая функция есть, как по Линдеру,

прямой луч, исходящий из нулевой точки под углом 45 градусов. Согласно рисунку, условный потребитель со среднедушевым доходом D_1 потребляет товар, укрупненно соответствующий параметру качества Q_3 . При этом, потребитель со среднедушевым доходом в 2 раза больше – D_2 – не будет в общем случае потреблять товара в 2 раза больше и именно в 2 раза качественнее, в чём можно убедиться проследив получение по вертикальной оси значения Q_5 , т.е. обозначенная связь не будет являться прямо пропорциональной. Это заставляет нас сменить тип линии с (изначально) прямой на выпуклую – с ростом среднедушевого дохода растут, улучшаются и качественные характеристики, но рост не является прямо пропорциональным и бесконечным.

Формальными ориентирами насыщения, «предела» по вертикальной оси, могут стать местный для анализируемой страны или групп стран аналог применяемых в Российской Федерации «Рекомендуемых рациональных норм потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания» [174] (при их наличии в анализируемых странах), а также национальные особенности фактического потребления.

Принципиально важно учесть также, что внутри страны доходы потребителей зерновой продукции так или иначе, но варьируются, отклоняясь от своего среднего уровня, приводя к получению значений Q_2 и Q_6 для дохода D_2 , а также Q_1 и Q_4 для дохода D_1 . Т.е., даже в рамках одной страны-импортёра, будет предъявляться спрос на товары с разными качественными характеристиками, вариабельность уровней потребления присутствует всегда, даже в относительно и фактически бедных странах.

Зона «наложения» двух прямоугольников и есть «пересекающийся» спрос, позволяющий установить те товарные позиции зерна и зернопродуктов достаточно высоких переделов, которые если и не окажутся востребованными в одной стране, то найдут спрос в другой, сокращая риски формирования остатков нереализованной зерновой продукции. В ситуации, обозначенной на рисунке 3, характеристики качества зерновой продукции, приемлемые для экспорта продукции в обе анализируемые страны – от Q_2 до Q_4 .

Важно учесть, что вероятность образования «пересекающегося» спроса возрастает, если в процессе анализа экспортных возможностей рассматриваются страны с достаточно близким среднедушевым доходом, экспортёры в тех или иных неблагоприятных обстоятельствах смогут достаточно быстро переориентировать свои поставки из одной страны в другую. Включение в анализ не двух, а большего количества стран, может выявить ещё больше фактов «пересекающегося» спроса, делая экспорт по выявленным товарным позициям ещё более активным.

Таким образом, целевая функция экспорта зернопродуктов высоких переделов показывает нам, что чем выше среднедушевой доход в стране, куда экспортируется зерновая продукция, тем на продукцию более высоких переделов будет предъявляться спрос, который, однако, постепенно «затухает», его прирост становится всё менее выраженным, что представляется достаточно закономерным в условиях насыщаемости, небезграничности спроса. В модели же Линдера данный факт во внимание не принимается – целевая функция имеет неограниченный потенциал роста.

В обозначенной ситуации может быть практически полезным использование инструментария предельного анализа, показывающего тот «оптимальный» уровень, формальную границу, после прохождения которой поставки всё более качественного товара сопровождаются всё менее выраженным «откликом» со стороны экспортного спроса.

Развитие проводимого анализа экспортного спроса может потребовать использования других моделей, в частности, модели Ланкастера с её допущением о предпочтении покупателем одного варианта товара перед другим, модели Дикзита-Стиглица с её базовой предпосылкой о стремлении к разнообразию, технологических теорий международной торговли. Однако, рассмотрение указанных моделей и теорий всё более и более будет уводить реализуемый нами анализ от действительной практики российского зернового экспорта, где экспортируется, как уже указывалось, преимущественно продукция низких переделов в страны с низким уровнем социально-экономического развития, госу-

дарства с неустойчивым военно-политическим режимом.

Иными словами, даже с учётом авторских изменений, модель анализа, описываемая графически рисунком 3, применима в полной мере лишь в ситуации экспорта зернопродуктов высоких переделов, что на текущий момент характерно для российского экспорта зерновых лишь в относительно небольшой своей доле (будет проанализировано в третьей главе диссертационного исследования).

Поэтому перейдём к анализу возможностей «пересекающегося» спроса в ситуации экспорта зерновой продукции более низких переделов, как более характерной для Российской Федерации на текущем этапе экспортной товарной номенклатуре.

Изменение формы результирующей функции с выпуклой на вогнутую при переходе от рассмотрения экспорта зернопродуктов высоких переделов к экспорту зерна является не единственной коррекцией автора. Сохраняя по вертикальной оси фактор качества товара (класса зерна), мы находим необходимым также в случае с зерном изменить и наименование горизонтальной оси – со среднедушевого дохода на среднедушевой импорт (импорт в расчёте на одного гражданина страны) (рисунок 3).

Экспорт зерна, тем более в современных условиях, осуществляется из Российской Федерации и её регионов, как уже отмечалось, преимущественно в страны с неустойчивым военно-политическим режимом, низким социально-экономическим положением. Это не исключает возможностей роста среднедушевого дохода, но для более бедных стран представляется необходимым сменить критерий сравнения со среднедушевого дохода на среднедушевой импорт. Закупки зерна, производство и потребление хлебных продуктов в условиях сложной социально-экономической ситуации становится задачей в большей степени государства, нежели отдельных граждан, что и заставляет нас сменить критерий сравнения. Целевая функция приобретает в этом случае не выпуклый, а вогнутый характер, поскольку чем выше требуемый импорт в расчёте на душу населения, т.е., иными словами, чем выше сложившийся недостаток, тем в

меньшей степени будет обращать внимание на более дорогое и более качественное, зерно. Именно по этой причине в данных условиях и не приходится говорить об экспорте продуктов глубокой переработки зерна – спроса не будет (или будет в сравнительно небольших величинах).

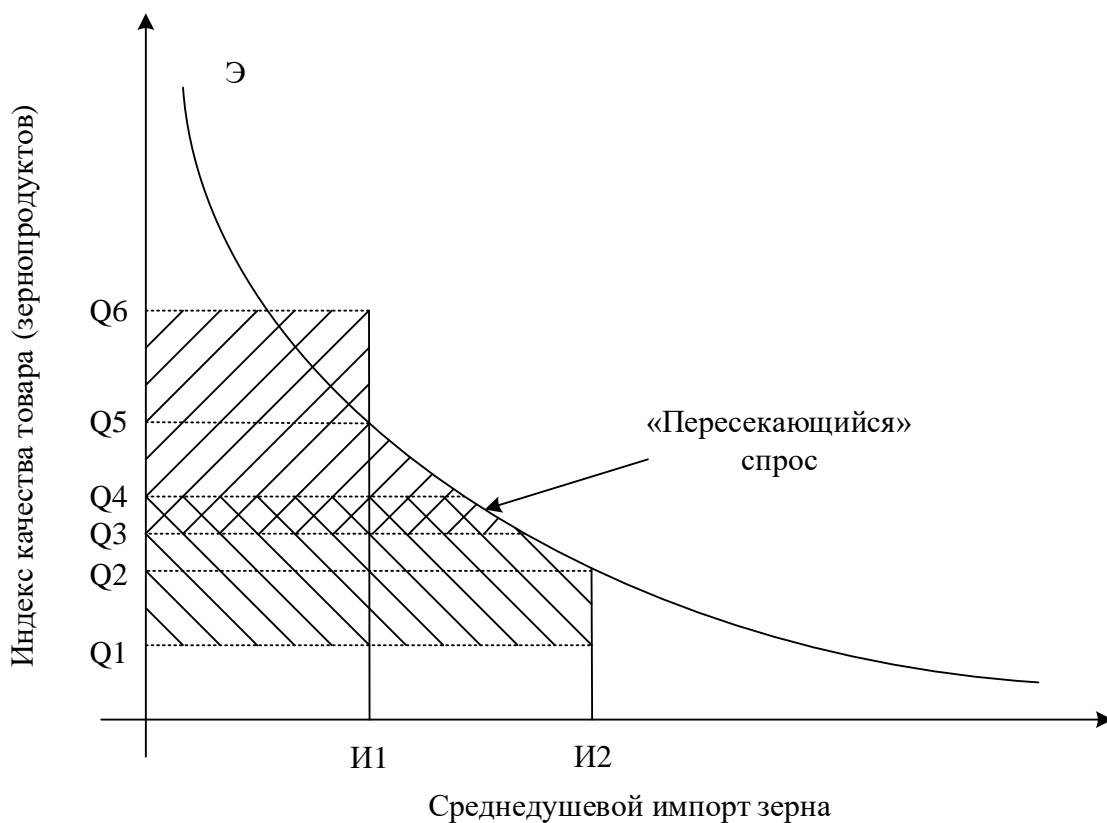

Рисунок 3 – Формирование «пересекающегося» спроса в рамках экспорта зерна и зернопродуктов низких переделов (составлено автором)

Пересечение зон (прямоугольников) спроса для каждой страны (группы стран) также формирует «пересекающийся» спрос, что делает выбор позиции для экспорта зерна более обоснованным, оправданным. Определение фактов «пересекающегося» спроса не приводит к сокращению выбора, напротив, экспорт становится более выверенным, более точным как в части определения качественных характеристик зерна и зернопродуктов, так и по субъектному составу стран – потребителей российского зерна. Так, по рисунку 4 можно проследить, что экспорт зерновой продукции в страну 1 (точнее – в страну с характеристикой среднегодового импорта в размере I_1) создавал точку пересечения

Q_5 , а значит и возможности для поставок продукции с характеристиками от Q_3 до Q_6 , в страну 2 (страну с характеристикой среднедушевого импорта в размере I_2) – точку Q_2 , а значит и потенциальный экспорт продукции с характеристиками от Q_1 до Q_4 , но большими гарантиями обладает экспорт зерновой продукции с характеристиками от Q_3 до Q_4 , о чём свидетельствует зона «пересекающегося» спроса рисунка 4.

По модели, описываемой рисунком 4, можно сделать следующие взаимодополняющие выводы: с ростом среднедушевого импорта зерна и зернопродуктов всё менее значимыми становятся различия в качестве продукции; верно и обратное – снижение размера импорта в расчёте на одного гражданина страны позволяет обращать всё большее внимание на вопросы качества поставляемой продукции (с улучшением социально-экономического положения страны становится возможным возобновление анализа по критерию среднедушевого дохода, а не среднедушевого импорта). Следует принимать во внимание, что, в отличие от среднедушевого дохода, показатель среднедушевого импорта является более вариабельной величиной, что делает выводы о фактах «пересекающегося» спроса требующими периодической актуализации.

Таким образом, региональный экспорт зерна следует рассматривать не только как производную от возникшего на соответствующей территории его профицита, корректируемого на ряд обозначенных выше соотношений, но и величину, зависимую от соотношения факторов на стороне потребления, спроса. В процессе установления фактов «пересекающегося» спроса оправданным находим различать критерий построения соответствующих моделей: а) в ситуации экспортных поставок более дорогой зерновой продукции остаётся возможным формировании целевой функции как результата соотношения среднедушевого дохода и качества товара, но непосредственно целевая функция зернового экспорта принимает уже не форму луча, а выпуклой линии, демонстрирующей тем самым некоторую конечность потребления; б) в ситуации экспорта зерновой продукции более низких переделов, непосредственно зерна, особенно в страны с низким социально-экономическим развитием может быть оправдан-

ным построение целевой функции экспорта как производной уже от параметров качества продукции (класса зерна) и приходящегося на одного гражданина этой страны импорта.

1.3. Методический подход к оценке отсроченного эффекта государственной поддержки экспорта зерна и зернопродуктов

Производство зерновой продукции в Российской Федерации характеризуются достижением пороговых уровней продовольственной безопасности (по итогам 2023 г. самообеспеченность составила 173,5% [47] против требуемых «Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации» 95% [166]), соответствием и даже превышением фактического потребления хлебной продукции установленных медицинских норм (в 2023 г.: 112 кг/чел/год [47] против минимальных 97 кг/чел/год [174]). Дальнейшее развитие зернового сектора Российской Федерации, как уже подчеркивалось, неразрывно связано с расширением экспортных продаж, но в данном случае самостоятельные усилия российских производителей, переработчиков, трейдеров по выходу и закреплению на зарубежных рынках, могут быть объективно недостаточными. Государство может интенсифицировать эти процессы, оказывая поддержку в разнообразных формах. Вместе с тем, государственная поддержка не может быть неограниченной, сохраняя задачу поиска её эффективных форм, направлений по-прежнему актуальной, в математической форме сводясь к максимизации требуемого эффекта (в нашем случае – экспорта) с заданной величины государственной поддержки, либо – к получению заданного эффекта с минимума бюджетного финансирования.

Научная дискуссия, касающаяся проработки академической средой методических основ оценки эффективности государственной поддержки, в т.ч. аграрного производства и последующих экспортных поставок сельскохозяйственной продукции, характеризуется получением ряда значимых результатов, однако не является завершённой.

Текущий этап научных исследований характеризуется выполнением обобщений различных точек зрения, реализованный, в частности, коллективом авторов в составе Г.В. Исаевой, А.В. Унжаковой, С.А. Шелковникова, О.С. Шинделовой и др. [180], определением особенностей оценки эффективности бюджетных расходов в условиях развития национальной экономики, выполненный И.Н. Рыковой, Г.К. Рыковой, Р.С. Губановым [197], исследованием особенностей реализации стратегии стимулирования экспорта в системе государственного регулирования внешнеэкономической деятельности, реализованный А.Ю. Жевлаковой [87] и др.

Вместе с тем, ряд научных публикаций свидетельствует о незавершенности используемой терминологии. Так, А.П. Киреенко и С.К. Содномова исследуют «результативность» региональных мер поддержки экспорта и влияние на инвестиции [107], однако, мы согласны с точкой зрения И.А. Минакова, А.Н. Куликова о необходимости разделения категорий «результативности» и «эффективности» государственной поддержки [143]. Своё видение оценки эффективности государственной поддержки экспортоориентированных компаний предлагают А.Д. Батрасова, Т.В. Коновалова, П.И. Комаров [32], которое, впрочем, переключается с практикой, обозначенной в [180], сводящейся к формальному выполнению плановых заданий, показателей, максимально полному освоению выделенных бюджетных средств.

Как значимое развитие научной мысли нами видится разделение А.П. Потаповой, М.Я. Ржевской, эффективности государственного регулирования производственного и экспортного потенциалов [183], несмотря на в целом очевидную «первичность» первого и «вторичность», «производность» второго.

Особый интерес в контексте настоящего исследования представляли научные публикации, отражающие региональные аспекты экспорта сельскохозяйственной продукции и эффективности его государственной поддержки. Так, М.И. Беркович, Е.С. Закревская исследовали экспортную деятельность регионов как объект государственной поддержки [40], Е.Н. Трифонова выполнила оценку факторов, влияющих на экспорт продовольствия регионов [275], пред-

метом изучения К.В. Чепелевой, Л.А. Овсянко стала государственная поддержка субъектов масложирового подкомплекса регионов Сибирского федерального округа в условиях развития агроэкспорта [293].

Институциональная основа государственной поддержки экспорта и вопросы эффективности деятельности соответствующих структур нашли своё отражение в трудах С.К. Содномовой [221], С.С. Судакова [266].

Программно-целевой подход, закладываемый в систему мер государственной поддержки экспорта аграрной продукции, исследован С.В. Загвоздкиным [89].

Исследование М.А. Кухтина даёт возможность не только определить общую эффективность государственной поддержки, но и оценить вклад отдельных составляющих в прирост целевого показателя выручки – экономического, фискального, производственного, инвестиционного и социального критериев [124]. Обозначенное исследование доказало неоспоримый приоритет производственного критерия эффективности.

Беловол Я.О. предлагает оценивать эффективность государственной поддержки сельского хозяйства через призму соответствия достигнутых результатов требованиям продовольственной безопасности и удовлетворяющего медицинским нормам потребления. Значимым научным результатом видится разделение мультипликативного влияния государственной поддержки и непосредственного развития сельскохозяйственного производства (за счёт средств сельскохозяйственных организаций) [34].

Отличительной особенностью исследования С.А. Шелковникова, С.Н. Матвиенко является то, что результирующим показателем становится не выручка, а показатель рентабельности, прирастающий, по аналогии с эффектом финансового рычага, на сумму эффекта государственного субсидирования [309].

Развитие этого положения мы можем найти у С.А. Тишурова, который оперирует уже «эффектом внешнего финансирования», образованным за счёт двух обозначенных показателей [272].

Однако, оба обозначенных подхода не могут быть реализованы в настоя-

щем исследовании, поскольку целевым показателем нами будет установлен абсолютный (денежный) показатель экспорта, а не относительный показатель рентабельности.

Обобщая исследования названных учёных, можно констатировать, что преобладающая и более того, фактически единственная, точка зрения на оценку эффективности государственной поддержки строится в рамках соотношения «год к году», т.е. закладывается допущение, что текущий прирост экспорта или в целом сельскохозяйственного производства предопределяется соответствующим приростом государственной поддержки, оказанной в этом же календарном году. О преобладании такой точки зрения можно сделать вывод также на основании того простого факта, что обозначенная нами постановка вопроса и вовсе попросту отсутствует. Однако, сущностная природа различных форм и направлений государственной поддержки такова, что эффект, прирост экспорта, может получить своё непосредственное выражение не только в текущий, но и на следующий год или даже в более отдаленные периоды [233].

Автором предложен формализованный инструментарий оценки эффективности государственной поддержки экспорта, отличительной особенностью, научной новизной которого является учёт отложенного, отсроченного эффекта мероприятий государства по поддержке экспорта. Подход автора даёт возможность объяснить и формализовать ответ на ключевой вопрос о том, почему в условиях сокращения государственной поддержки по ряду лет это не мешало наращивать российский экспорт сельскохозяйственной продукции, в т.ч. зерновых [233]. Отложенный эффект также создаёт основу для того, чтобы дать объяснение другим резким изменениям в динамике выбранного ключевым показателем экспорта.

Исследование соответствующих разделов «Национальных докладов о ходе и результатах реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» за 2019-2023 гг. позволяет сделать вывод о том, что оценку эффективности государственной поддержки экспорта продукции АПК предла-

гается осуществлять на основе изучения соответствия достигнутых значений ряда показателей их нормативно закреплённым величинам, а также по степени освоения средств, предусмотренных федеральным бюджетом на соответствующий год и/или сводной бюджетной росписью (таблица 3) [233].

Таблица 3 – Итоги реализации Федерального проекта «Экспорт продукции АПК» за 2019-2023 гг. [168, 169, 170, 171, 172]

Наименование показателя	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Выполнение параметров, ед.:					
- запланированные результаты	-	37	25	16	13
- запланированные контрольные точки	-	90	49	84	82
Кассовое исполнение, % от:					
- федерального бюджета на год	95,5	87,8	78,1	104,3	128,7
- сводной бюджетной росписи	95,5	99,8	99,3	99,97	99,99

Начиная с 2020 г., в рамках Федерального проекта «Экспорт продукции АПК», задаются необходимые, запланированные результаты и требуемые контрольные точки. Изучение «Национальных докладов» за каждый год позволяет констатировать, что все они в анализируемом периоде в целом успешно достигались, хотя в некоторые годы, в частности, в 2020 г., часть из них была достигнута с некоторым временным опозданием. Также необходимо обратить внимание на неустойчивость общего числа запланированных результатов (минимальное значение 13, максимальное значение 37, т.е. разброс в 3 раза, но, тем не менее, динамика однородна – снижение) и контрольных точек (минимальное значение 49, максимальное значение 90; значения за 2022-2023 гг. стабилизировались). Как представляется автору, контролируемые показатели должны отличаться большей «предсказуемостью», поскольку постоянные изменения состава показателей крайне затрудняют аналитические, а значит и управленческие решения.

Фактическое исполнение Федерального проекта «Экспорт продукции АПК» за 2019-2023 гг. характеризуется всё более выраженной кассовой дисциплиной, максимально полным, вплоть до 99,99% по итогам 2023 г., освоением бюджетных средств.

Вариабельность же значений кассового исполнения Федерального проекта «Экспорт продукции АПК» в 2019-2023 гг. существенна, колеблясь от минимальных 78,1% по итогам 2021 г. до максимальных 128,7% в 2023 г., что является свидетельством расхождения оценок расходования средств, возникающих в процессе верстки федерального бюджета и непосредственного исполнения мероприятий по стимулированию экспорта продукции АПК.

По полученным оценкам не представляется возможным предположить, что в оценку эффективности мер государственной поддержки экспорта продукции АПК даже закладывается возможность формализованного учёта отложенного эффекта. Вместе с тем, непосредственно в текстах ежегодных «Национальных докладов» отсылки на реализованные в предыдущие годы мероприятия имеются.

Первой задачей в рамках достижения цели повышения эффективности экспорта является непосредственно наращивание количественных значений экспорта. Поскольку мы исследуем государственную поддержку экспорта, то, в соответствии с общепринятым пониманием эффективности, целевая установка государственной поддержки экспорта зерна и зернопродуктов состоит в максимизации экспортных продаж с каждого рубля государственной поддержки. Обозначенный подход в академической среде является наиболее распространённым, что в практическом отношении реализуется через расчёт отношений экспорта продукции к величине государственной поддержки [233]. За последнюю, в случае ретроспективных расчётов, берется кассовое исполнение Федерального проекта «Экспорт продукции АПК», в случае перспективных, прогнозных расчётов – запланированные значения (срок реализации Федерального проекта «Экспорт продукции АПК»: 2018-2024 гг.). Обозначенный расчёт осуществляется как по непосредственным значениям экспорта и его государственной поддержки, так и по приростным (предельным) значениям. В первом случае принято говорить о коэффициенте эффективности государственной поддержки экспорта, во втором же – о коэффициенте трансформации, мультипликаторе государственной поддержки экспорта продукции АПК [233].

Реализуя первый вариант расчёта, результаты которого представлены в таблице 4, можно констатировать, что каждый рубль государственной поддержки экспорта продукции АПК создавал от минимальных 44 и 45 руб. экспортных продаж в 2022 и 2019 гг. соответственно до максимальных 74 руб., фиксируемых в 2020 и 2021 гг. (экспорт продукции АПК переведён из значений в долл. США в рубли умножением на среднегодовой курс по данным «Российских статистических ежегодников» [191, 192, 193, 194, 195]). Обратим внимание на существенный разброс значений по ряду периодов: в 2020 г. результат расчёта составил 74 руб/руб., что в 1,64 раза больше прошлогоднего значения; в 2022 г., напротив, произошло сокращение до 44 руб/руб., т.е. на 40,54%; в 2023 г. темп роста составил 1,57, предопределив значение 69 руб/руб.

Таблица 4 – Расчёт эффективности государственной поддержки экспорта продукции АПК в Российской Федерации*

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Фактическое исполнение Федерального проекта «Экспорт продукции АПК», млн руб.	37060,4	29685,9	36957,7	63098,8	53205,9
Экспорт продукции АПК, млн руб.	1657088	2205680	2732415	2806336	3682710
Эффективность государственной поддержки экспорта, руб / руб.:					
- стандартный расчёт (по абсолютным значениям)	45	74	74	44	69
- стандартный расчёт (по приростным значениям)	2,70	-74,39	72,44	2,83	-88,59
- предложение автора (первая итерация)	194	62	88	67	60
- предложение автора (вторая итерация)	200	95	81	71	71

* составлено автором

В целом соглашаясь с обозначенным подходом к оценке эффективности государственной поддержки аграрного экспорта, в т.ч. его зерновых культур, необходимо отметить, что в расчёт фактически закладывается предпосылка, что оказанная за тот или иной период государственная поддержка распространяется на соответствующий период, обычно один, этот же год, а в последующие периоды уже и не имеет места.

Расчёт эффективности государственной поддержки по приростным величинам (второй вариант расчёта) и вовсе приводит к получению по ряду периодов (2020, 2023 гг.) отрицательных значений. В каждом из обозначенных периодов рост экспорта продукции АПК происходил в условиях непосредственного сокращения государственной поддержки.

С точки зрения математического анализа произошедшие изменения могут получить четкое, логическое обоснование, но подвергается критике экономическое наполнение происходящих изменений, поскольку получается, что рост экспорта вполне может быть достигнут и при сокращении государственной поддержки. Иными словами, фактически игнорируется отсроченный, отложенный эффект государственной поддержки экспорта, только реализованный не в этот же год, а в последующие периоды.

Нами в двух итерациях (от лат. *iteratio* – повторение) осуществлён ряд модельных расчётов, в которых устанавливается корреляция ежегодной величины экспорта продукции АПК, т.е. числителя в обозначенном выше расчёте, и «перераспределённой» по временным периодам суммы государственной поддержки (знаменателя).

В рамках первой итерации расчёты выполнены в 21 варианте с шагом 5% от базового варианта «100% текущий год и 0% предыдущие периоды» к другой «крайности»: 100% аграрного экспорта текущего года определяется государственной поддержкой предыдущих лет и 0% – государственной поддержкой текущего года (таблица 5).

Обращаем внимание, что строка с вариантом «0/100» таблицы 5 совпадает с первой строкой предыдущей таблицы, а строка с вариантом «100/0» есть смещённый на один год назад динамический ряд (в аналитических целях потребовалось его увеличение по отношению к данным таблицы 4). Это означает, что перегруппировка была выполнена верно.

На следующем этапе выполним попарный корреляционный анализ (функция КОРРЕЛ Microsoft Excel) значений экспорта продукции АПК (см. таблицу 4) и значений перераспределённого кассового исполнения Федераль-

ного проекта «Экспорт продукции АПК» (таблица 5). Его результаты продемонстрированы на рисунке 4.

Таблица 5 – Временное перераспределение кассового исполнения Федерального проекта «Экспорт продукции АПК» по первой итерации, млн руб.

Вариант	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
0/100	1430,7	37060,4	29685,9	36957,7	63098,8	53205,9
5/95	1393,88	35278,9	30054,6	36594,1	61791,7	53700,5
10/90	1357,06	33497,4	30423,4	36230,5	60484,7	54195,2
15/85	1320,24	31715,9	30792,1	35866,9	59177,6	54689,8
20/80	1283,42	29934,5	31160,8	35503,3	57870,6	55184,5
25/75	1246,6	28153	31529,5	35139,8	56563,5	55679,1
30/70	1209,78	26371,5	31898,3	34776,2	55256,5	56173,8
35/65	1172,96	24590	32267	34412,6	53949,4	56668,4
40/60	1136,14	22808,5	32635,7	34049	52642,4	57163,1
45/55	1099,32	21027	33004,4	33685,4	51335,3	57657,7
50/50	1062,5	19245,6	33373,2	33321,8	50028,3	58152,4
55/45	1025,68	17464,1	33741,9	32958,2	48721,2	58647
60/40	988,86	15682,6	34110,6	32594,6	47414,1	59141,6
65/35	952,04	13901,1	34479,3	32231	46107,1	59636,3
70/30	915,22	12119,6	34848,1	31867,4	44800	60130,9
75/25	878,4	10338,1	35216,8	31503,9	43493	60625,6
80/20	841,58	8556,64	35585,5	31140,3	42185,9	61120,2
85/15	804,76	6775,16	35954,2	30776,7	40878,9	61614,9
90/10	767,94	4993,67	36323	30413,1	39571,8	62109,5
95/5	731,12	3212,19	36691,7	30049,5	38264,8	62604,2
100/0	694,3	1430,7	37060,4	29685,9	36957,7	63098,8

* составлено автором

Первое полученное значение, соответствующее условию зависимости экспорта текущего года от государственной поддержки исключительно текущего года, равно лишь 73,54% (0,7354), что является минимальным в представленном ряду вариативных значений. Рост последующих значений свидетельствует о том, что преобладающая часть получаемого эффекта (экспорта продукции АПК) определяется государственной поддержкой отнюдь не текущего года, поскольку значение минимально, а государственной поддержкой предыдущих лет, достигая пика (95,27%, или 0,9527) в соотношении «80 на 20», а затем незначительно снижаясь. Иными словами, лишь на 1/5 (20%) эффект текущего года определяется соответствующими ресурсами, задействованными гос-

ударством в этот же год, а 4/5 (80%) эффекта достигнуты благодаря государственной поддержке предшествующих лет. Наиболее интенсивный прирост значений коэффициента корреляции прослеживается при движении от варианта «0/100» к «65/35», в дальнейшем он «затухает» и носит существенно менее выраженный характер. Т.е. отложенный характер государственной поддержки экспорта имеет место, но, тем не менее, имеет и свои временные рамки.

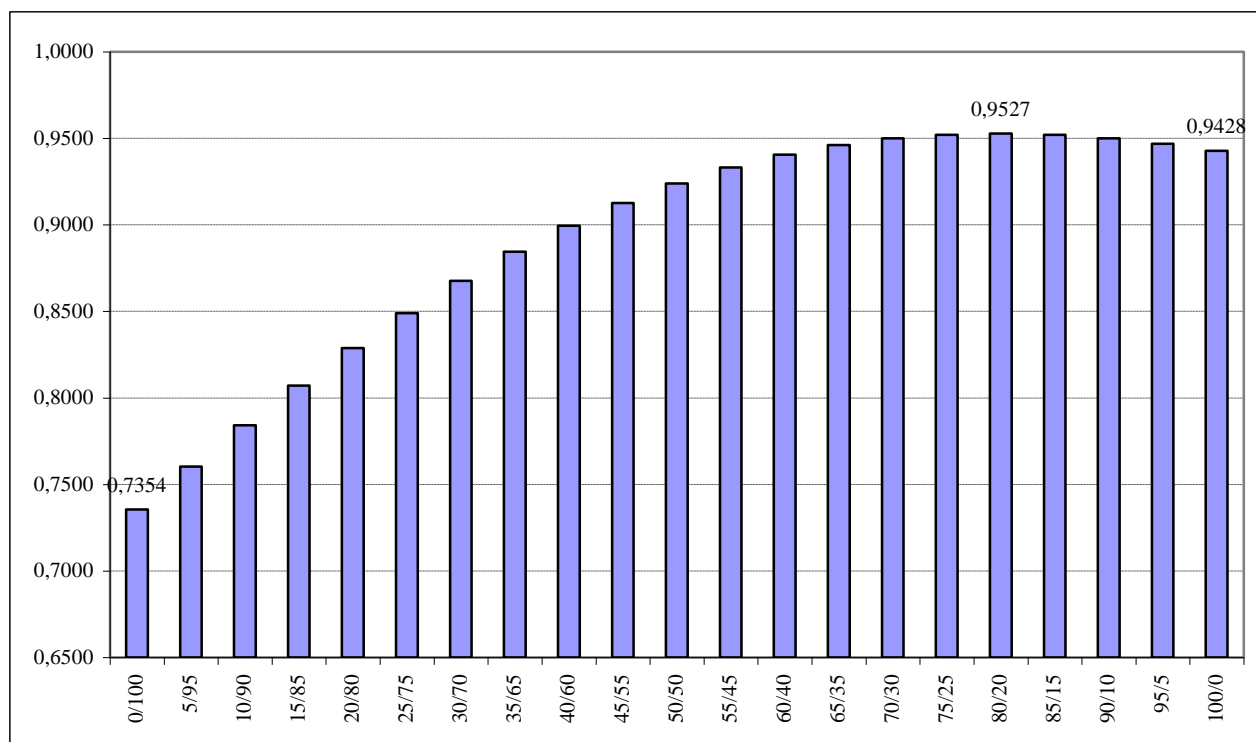

Рисунок 4 – Значения коэффициента корреляции экспорта продукции АПК и «перераспределённой» по временным периодам государственной поддержки (первая итерация) (составлено автором)

В первую очередь, временное перераспределение выявило более выраженную в новых условиях тесноту связи эффекта (экспорта продукции АПК) с переменной, факторной величиной (государственной поддержкой) – 95,27% против 73,54%.

Но значимым является и второй результат – мы имеем возможность пере- считать эффективность государственной поддержки в условиях «перераспре- делённой» её соотношения. Таковым является соотношение, как указывалось вы-

ше, «80/20». Исходя из этого были получены представленные в таблице 4 величины эффективности государственной поддержки экспорта продукции АПК по первой итерации. Поясним алгоритм расчёта эффективности по первой итерации:

2019 г.:

$$\frac{1657088}{1430,7 \times \frac{80}{100} + 37060,4 \times \frac{20}{100}} = 194 \text{ (руб/руб.)};$$

2020 г.:

$$\frac{2205680}{37060,4 \times \frac{80}{100} + 29685,9 \times \frac{20}{100}} = 62 \text{ (руб/руб.)};$$

2021 г.:

$$\frac{2732415}{29685,9 \times \frac{80}{100} + 36957,5 \times \frac{20}{100}} = 88 \text{ (руб/руб.)};$$

2022 г.:

$$\frac{2806336}{36957,5 \times \frac{80}{100} + 63098,8 \times \frac{20}{100}} = 67 \text{ (руб/руб.)};$$

2023 г.:

$$\frac{3682710}{63098,8 \times \frac{80}{100} + 53205,9 \times \frac{20}{100}} = 60 \text{ (руб/руб.)}.$$

Согласно результатам первой итерации авторского расчёта таблицы 4, мы получаем не только отличающиеся от «стандартных» значения эффективности государственной поддержки экспорта (наиболее наглядно – 2019 г.), но и в ряде случаев по-иному характеризующую направленность изменений (2020-2021, 2023 гг.).

Требуется пояснений резкий диссонанс значений по стандартному и модифицированному автором расчёту за 2019 г. В первом случае мы имеем значение, равное 45 руб/руб., во втором уже 194 руб/руб. Определяется обозначенное расхождение тем, что в авторском расчёте используются, как уже отмечалось, значения не «год к году», а применяются значения и за более ранние периоды.

В таблице 4 представлены значения за 2019 г. экспорту продукции АПК Российской Федерации и кассовому исполнению соответствующего федерального проекта, что и дало нам значение в 45 руб/руб. Но, в соответствии с авторской модификацией, в рамках первой итерации нам требуется значение ещё и за 2019 г., а забегаая вперёд, скажем, что в рамках второй итерации, нам потребуется ещё и значение за 2017 г. Но там значения кассового исполнения Федерального проекта совершенно другого порядка: 694,3 млн руб. в 2017 г. и 1430,7 млн руб. в 2018 г. (против 37060,4 млн руб. в 2018 г.). Более высокий удельный вес (80%), присвоенный более низкому значению, более низкой исходной базе предыдущего, 2018, года (1430,7 млн руб.) и привёл к тому, что было получено столь высокое, отличающееся значение (194 руб/руб.). Меньшая же вариабельность значений государственной поддержки, наблюдаемая в последующие годы и привела к относительному выравниванию значений эффективности государственной поддержки с диапазон от 62 до 88 руб/руб.

Сменилась и направленность изменений: если в 2020 г. по стандартному расчёту выросла (с 45 до 74 руб/руб.), то в модифицированном расчёте - снизилась (с 194 до 62 руб/руб.); в 2021 г. в стандартном расчёте она осталась на уровне 74 руб/руб., то в модифицированном – выросла до 88 руб/руб., в 2023 г. стандартный расчёт привёл к смене результата с 44 до 69 руб/руб., но в модифицированном расчёте тенденция обратная – сокращение с 67 до 60 руб/руб. Направленность, тенденция совпала лишь только в 2022 г. – в стандартном расчёте эффективность государственной поддержки экспорта продукции АПК России снизилась с 74 до 44 руб/руб., в модифицированном расчёте – с 88 до 67 руб/руб.

Количество итераций устанавливается произвольно, в зависимости от целей анализа, прогнозирования. В общем случае оно ограничивается в тот момент, когда прогнозирование уже обеспечивает достаточную, приемлемую точность, а погрешностями уже можно и «пренебречь». Однако, это не характерно для нашего этапа исследования, поскольку необходимость второй итерации определяется уже тем, что получение значения в 80% на все предшествующие

периоды крайне «избыточно», концентрированно, а значит требует детализации.

Вариативные расчёты, как и в предыдущей итерации, могут быть выполнены в очень большом количестве соотношений удельных весов каждого года, , вплоть до шага в 1%, а не 5%, но наша задача состоит не столько в установлении точных значений (требуется более обширная информационная база), сколько в доказательстве самого феномена отложенного эффекта государственной поддержки экспорта продукции АПК. По этим причинам мы ограничимся долей текущего года в 20% (это доказано в первой итерации), а варианты влияния предшествующих лет рассмотрим в модификациях периодов (t-1) и (t-2) с шагом также 5% (таблица 6).

Таблица 6 – Временное перераспределение кассового исполнения Федерального проекта «Экспорт продукции АПК» по второй итерации, млн руб.

Вариант	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
0/80/20	8556,64	35585,5	31140,3	42185,9	61120,2
5/75/20	8519,82	33804	31509	41822,3	59813,2
10/70/20	8483	32022,5	31877,7	41458,7	58506,1
15/65/20	8446,18	30241	32246,4	41095,2	57199,1
20/60/20	8409,36	28459,6	32615,2	40731,6	55892
25/55/20	8372,54	26678,1	32983,9	40368	54584,9
30/50/20	8335,72	24896,6	33352,6	40004,4	53277,9
35/45/20	8298,9	23115,1	33721,3	39640,8	51970,8
40/40/20	8262,08	21333,6	34090,1	39277,2	50663,8
45/35/20	8225,26	19552,1	34458,8	38913,6	49356,7
50/30/20	8188,44	17770,7	34827,5	38550	48049,7
55/25/20	8151,62	15989,2	35196,2	38186,4	46742,6
60/20/20	8114,8	14207,7	35565	37822,8	45435,6
65/15/20	8077,98	12426,2	35933,7	37459,3	44128,5
70/10/20	8041,16	10644,7	36302,4	37095,7	42821,5

* составлено автором

Поясним причину сокращения в таблице 6 количества периодов на один (см. начало временного диапазона – не 2018, а 2019 г.). Это объясняется тем, что в первой итерации получение данных за 2018 г. требовало данных за предыдущий год, т.е. за 2017 г., во второй итерации перерасчёт 2018 г. требовал бы данных не только за 2017, но и за 2016 г., для чего нет соответствующей информационной основы (согласно «Паспорта Государственной программы

развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» срок действия Федерального проекта «Экспорт продукции АПК» 2018-2024 гг., однако упомянутые выше «Национальные доклады» позволяют выделить данные и за 2017 г.).

Перепроверить правильность составления вариантов по крайним значениям в сравнении с исходными уже не представляется возможным, поскольку это уже является искусственным построением, в отличие от крайностей «100/0» и «0/100», которым, как уже указывалось, можно найти аналоги в реальных, фактических значениях.

Далее, мы в целом действуем аналогично первой итерации – через функцию КОРРЕЛ сопоставляем ряды данных экспорта продукции АПК с перераспределённым, но теперь уже на периоды t , $t-1$ и $t-2$ экспортом продукции АПК Российской Федерации (рисунок 5).

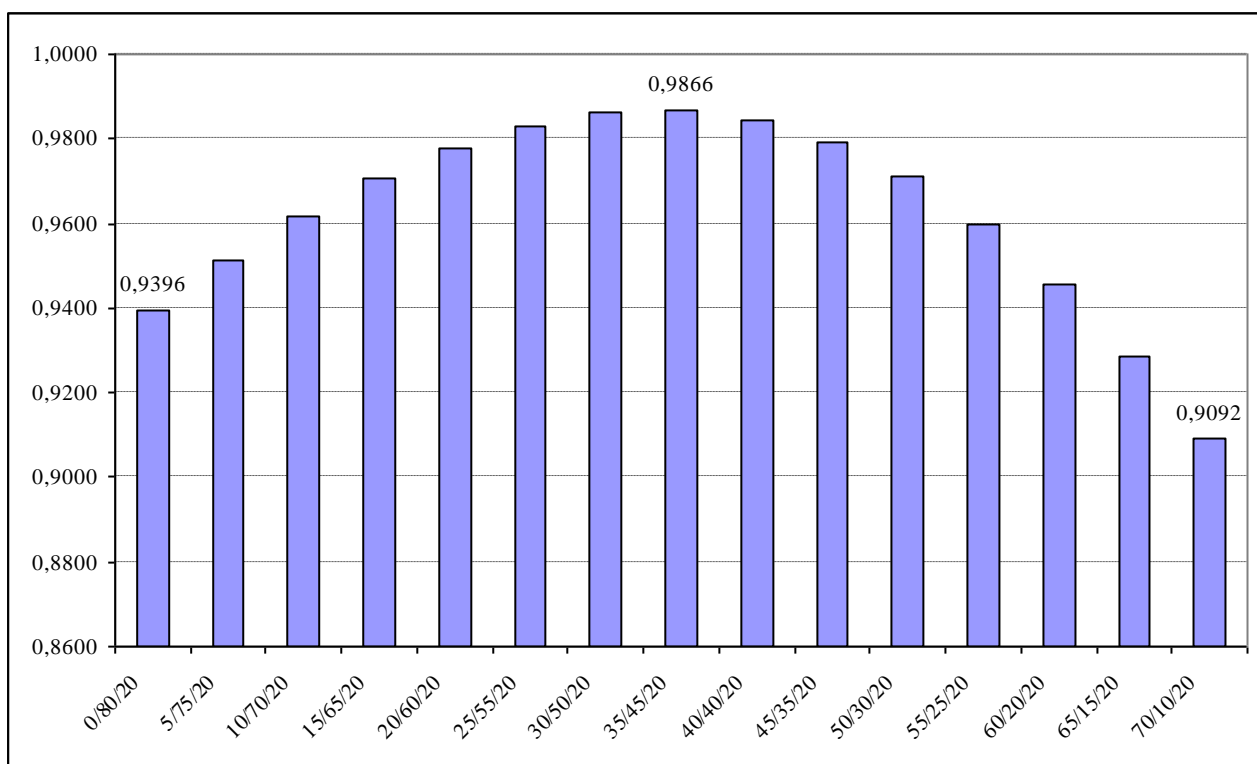

Рисунок 5 – Значения коэффициента корреляции экспорта продукции АПК и «перераспределённой» по временным периодам государственной поддержки (вторая итерация) (составлено автором)

Наибольшее значение корреляции целевого показателя экспорта продукции АПК и факторного признака государственной поддержки характерно для соотношения, в соответствии с которым значение результата на 20% определяется государственной поддержкой текущего года (t), 45% – предшествующего года (t-1) и 35% – государственной поддержкой, оказанной в ещё более ранний период t-2.

Реализация второй итерации в ещё большей степени подтверждает отложенный, отсроченный эффект государственной поддержки экспорта продукции АПК, поскольку, исходя из результатов, более трети эффекта (экспорта продукции АПК) обеспечивается государственной поддержкой, оказанной в период t-2, т.е. двумя годами ранее.

По нашему мнению, необходимости в третьей итерации не имеется, поскольку, как представляется, уже получены достаточные свидетельства отложенного эффекта государственной поддержки экспорта продукции АПК. При необходимости же детализация будет происходить уже в рамках периода t-2 и ещё более ранних периодов. Значимость каждого последующего периода будет сокращаться. Также, необходимо учитывать, что формирование выводов ограничено относительно небольшим сроком реализации Федерального проекта «Экспорт продукции АПК».

Снова обращаясь к результатам, обозначенным в таблице 4, отметим, что значения, полученные в рамках второй итерации, в целом повторяют выводы первой итерации, но являются более «выровненными», «сглаженными»:

2019 г.:

$$\frac{1657088}{694,3 \times \frac{35}{100} + 1430,7 \times \frac{45}{100} + 37060,4 \times \frac{20}{100}} = 200 \text{ (руб/руб.)};$$

2020 г.:

$$\frac{2205680}{1430,7 \times \frac{35}{100} + 37060,4 \times \frac{45}{100} + 29685,9 \times \frac{20}{100}} = 95 \text{ (руб/руб.)};$$

2021 г.:

$$\frac{2732415}{37060,4 \times \frac{35}{100} + 29685,9 \times \frac{45}{100} + 36957,5 \times \frac{20}{100}} = 81 \text{ (руб/руб.)};$$

2022 г.:

$$\frac{2806336}{29685,9 \times \frac{35}{100} + 36957,5 \times \frac{45}{100} + 63098,8 \times \frac{20}{100}} = 71 \text{ (руб/руб.)};$$

2023 г.:

$$\frac{3682710}{36957,7 \times \frac{35}{100} + 63098,8 \times \frac{45}{100} + 53205,9 \times \frac{20}{100}} = 71 \text{ (руб/руб.)}.$$

Исключение составляет лишь 2019 г. (рисунок б), но это во многом определяется эффектом «низкой базы» – кассовое исполнение Федерального проекта «Экспорт продукции АПК» в 2017 г. составило 694,3 млн руб., в 2018 г. – 1430,7 млн руб., что существенно ниже значения 2019 г. в 37060,4 млн руб. (в 53 и 26 раз соответственно).

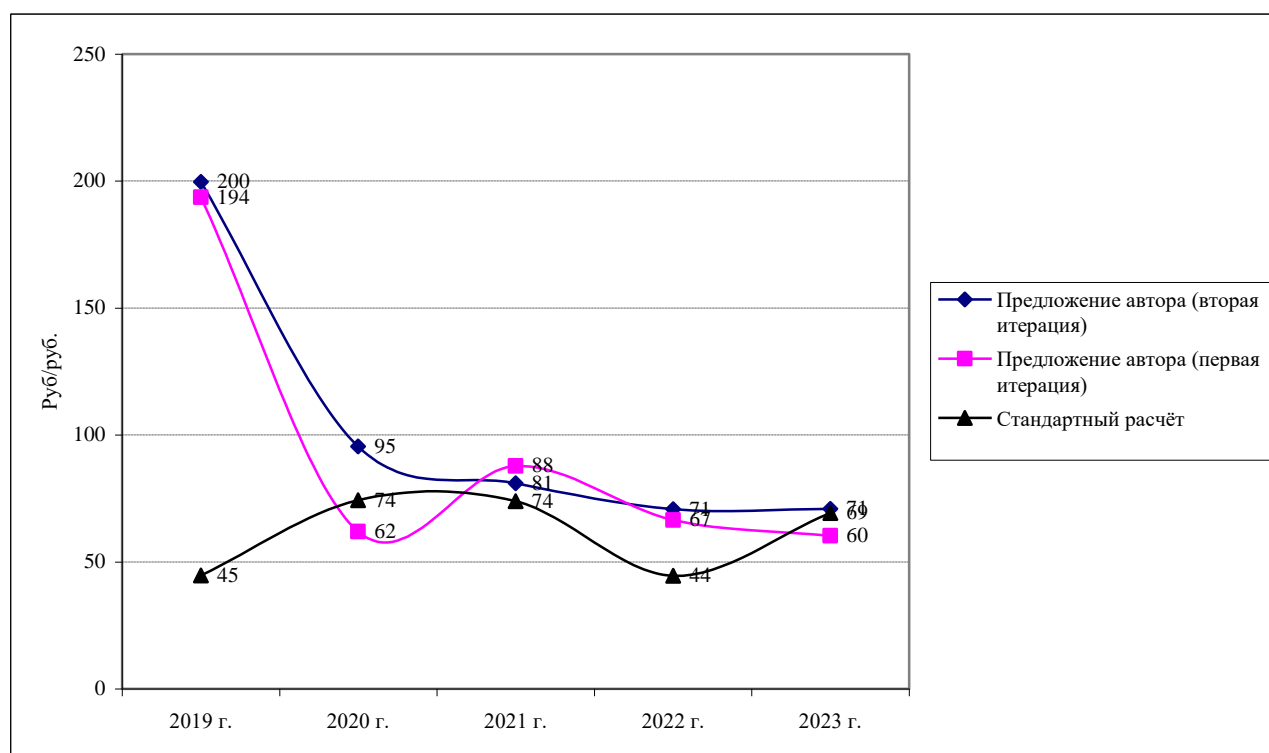

Рисунок б – Эффективность государственной поддержки экспорта продукции АПК в Российской Федерации за 2019-2023 гг. (составлено автором)

Последствия резких изменений в кассовом исполнении в 2018-2019 гг. закономерно нашли своё отражение в итоговом результате за 2020 г., обусловив получение значения в 95 руб/руб. против 62 руб/руб. по первой итерации, что закономерно – в первой итерации данные за 2018 г. с их низкой базой не принимались во внимание при расчёте за 2020 г.

Тенденции же, сформировавшиеся в рамках первой и второй итераций, совпадают на протяжении периода с 2020 по 2022 гг. По итогам 2023 г. эффективность государственной поддержки экспорта продукции АПК Российской Федерации осталась на прежнем уровне – каждый рубль государственной поддержки экспорта продукции АПК генерировал 71 руб. экспорта. Общая тенденция негативна, что входит в противоречие с результатами стандартного расчёта эффективности, демонстрируя, тем самым, его ограниченность.

Выполненные расчёты позволяют считать отложенный, отсроченный эффект государственной поддержки экспорта продукции АПК доказанным. Учёт отложенного, отсроченного эффекта государственной поддержки экспортных поставок является обоснованным, позволяющим более адекватно судить об её эффективности. Создаётся возможность количественного определения влияния факторов более ранних изменений сумм государственной поддержки экспорта продукции АПК.

Таким образом, региональный экспорт зерна формируется под воздействием достаточно большого числа факторов внутренней и внешней природы. С позиции предложения региональный экспорт зерна может быть в существенной степени быть скорректирован на факторы материально-технической базы, в соответствии с историческим принципом распределения квот и др. В контексте спроса практическую ценность может представлять установление фактов «пересекающегося» спроса, формирование которого, однако, в ситуации экспорта зерна и продуктов глубокой переработки зерна. Государственная поддержка зернового экспорта имеет существенный отсроченный эффект – его отложенное влияние может ощущаться даже на третий год после осуществления соответствующих мероприятий.

2. МЕТОДОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКСПОРТА ЗЕРНА И ЗЕРНОПРОДУКТОВ

2.1. Производственные возможности регионального экспорта зерна и зернопродуктов

Образовавшийся на региональном рынке профицит формирует основу для экспорта зерновой продукции, но также создаёт проблему или, точнее, задачу экономического выбора, сводящуюся к поиску ответа на вопрос «Что именно преимущественно экспортировать – зерно или зернопродукты?». Обозначенная задача на практике не столь категорична в контексте решения вопроса через «или/или» и преимущественно разрешается через нахождение некоего компромиссного варианта – зерно «и», а не «или», зернопродукты. Однако, даже в случае исключения из рассмотрения крайних случаев обозначенного соотношения, задача экономического выбора остаётся достаточно сложной. В целом очевидно, что экспорт зернопродуктов глубокой переработки создаёт предпосылки для получения более высоких значений прибыли, добавленной стоимости, способствует научному, технологическому развитию, укреплению материально-технической базы. В то же время, для получения названных эффектов необходимо изменение множества операционных – технических, производственных параметров, приобретение оборудования, привлечение финансирования, делая операционные, организационные процессы намного более «напряжёнными». Как пишет Л.А. Алферова, «экономический выбор – это выбор наилучшего из альтернативных вариантов их использования, при котором достигается максимальное удовлетворение потребностей при данных затратах» [17]. Ключевые экономические вопросы «Что, как, когда и для кого производить» стоят и перед каждым экспортёром зерновой продукции, имея, безусловно, свою специфику.

Непосредственным инструментарием для поиска ответа на поставленный вопрос соотношения регионального экспорта зерна и/или зернопродуктов мо-

жет, в первом приближении, стать кривая производственных возможностей (другие применяемые категории – граница / шкала / график производственных возможностей, что, однако, нисколько не меняет экономической сути). Более внимательное рассмотрение возможностей адаптации ситуации зернового экспорта к теории производственных возможностей выявляет в процессе последующего анализа необходимость внесения ряда существенных корректив, определяемых, в первую очередь, как будет показано, сложившейся практикой нормативного регулирования, квотирования экспорта ряда товарных позиций зерна.

В основе теории производственных возможностей лежит постулат о жесткой ограниченности и взаимозависимости экономических ресурсов. Максимизируя поставки зерновой продукции низких переделов, необработанного, низкокачественного зерна, экспортеры и государство предпочитали не замечать, что, в долгосрочной перспективе это сокращает возможности экспорта зерновой продукции более высоких переделов, продуктов глубокой переработки зерна. Между потребностями и возможностями для их удовлетворения наличествует неизбежная обратная связь: первые безграничны, в то время как вторые весьма ограничены, что и создаёт задачу экономического выбора для российского экспорта зерновых, в т.ч. на региональном уровне – с одной стороны, налаженные, гарантированные в кратко- и среднесрочной перспективе продажи более дешевого зерна или, с другой стороны, средне- и/или долгосрочная перспектива реализации продуктов глубокой переработки зерна, создающая возможности расширения экспортной выручки, дифференциации поставок, перспектива, основанная на научно-техническом развитии отрасли.

Производя и экспортируя одни продукты, приходится отказываться от производства и экспорта других, поскольку ограниченность ресурсов означает и ограниченность производства. Нарастивая производство зерна с последующим его экспортом в необработанном виде, регион или страна неминуемо сокращает производство и зернопродуктов, продукции с высокой добавленной стоимостью. Обозначенные противоречия приводят нас к необходимости приведения категории производственных возможностей как опоры для последую-

щего исследования: «производственные возможности – это то максимальное количество товаров и услуг (в определённом их наборе), которое может быть одновременно произведено за данный период, при данных ресурсах и технологиях» [318].

В таблице 7 сформирован условный пример, характеризующий задачу выбора экспорта зерна и/или зернопродуктов в семи вариантах соотношений величин экспортируемого зерна и зернопродуктов.

Таблица 7 – Характеристика задачи выбора экспорта зерна и/или зернопродуктов (условный пример)

Возможность (вариант)	Экспорт зерна, млн т	Экспорт зернопродуктов, тыс. т
A	Y_6	0
B	Y_5	X_1
C	Y_4	X_2
D	Y_3	X_3
E	Y_2	X_4
F	Y_1	X_5
G	0	X_6

* составлено автором

Таким образом, экспортируя зерно в размере Y_6 млн т, страна / регион, в силу ограниченности ресурсов, не может осуществлять экспорт зернопродуктов (0 тыс. т) – вариант А. Обратная крайность: вариант G – при экспорте зернопродуктов в размере X_6 тыс. т регион не оставил для себя возможности экспорта зерна (0 млн т). Все остальные варианты (B-F) характеризуются возможностями экспорта как зерна, так и зернопродуктов, в общем характеризующиеся следующими зависимостями: снижение экспорта зерна способствует росту экспорта зернопродуктов, снижение экспорта зернопродуктов сопровождается наращиванием экспорта зерна, т.е. имеется обратная зависимость обозначенных показателей.

С границей производственных возможностей неразрывно связан закон возрастающей альтернативной стоимости (по определению В.Г. Слагода, альтернативная стоимость – «это цена упущенной выгоды, которая определяется

тем количеством других товаров, от которых мы отказываемся, ради того, чтобы получить дополнительную единицу данного товара» [216]). Первые X_1 тыс. т экспорта зернопродуктов снизят экспорт зерна с Y_6 до Y_5 млн т, прирост экспорта зернопродуктов до X_2 тыс. т сократит экспорт зерна до Y_4 млн т и т.д., что является прямым свидетельством процесса возрастания альтернативной стоимости (формализация расчёта будет представлена далее). Верно и обратное движение: сокращение экспорта зернопродуктов с X_6 до X_5 тыс. т позволит начать экспорт зерна в размере Y_1 млн т, сокращение экспорта зернопродуктов до X_4 тыс. т приведёт к приросту экспорта зерна до Y_2 млн т (на разницу, соответственно, между Y_2 и Y_1). Процесс постоянного переключения ресурсной базы с одного производства, а в нашем случае – и последующего экспорта, на другое, формирует так называемую границу производственных возможностей.

В настоящем исследовании мы будем использовать категорию границы, а также кривой, производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов, обосновано подразумевая, как показало предшествующее изложение, что экспорт зерна и зернопродуктов определяется в первую очередь за счёт превышения достигнутых производственных результатов (валового сбора зерна) над всеми видами потребления зерновой продукции, включая межрегиональный ввоз-вывоз (также отдельно необходимо рассматривать возможности увеличения экспорта зерна за счёт маневрирования остатками зерновой продукции, но по отношению к величине производства данный фактор является подчиненным, второстепенным).

Представленный ниже рисунок 7 не только наглядно на оси координат иллюстрирует данные таблицы 7, но и, посредством новых вариантов (точек Н и I), даёт возможность продемонстрировать и охарактеризовать значимые в контексте проводимого исследования ситуации неэффективного, неполного использования ресурсов (точка Н) и недостижимой, невозможной на текущих ресурсах всех видов комбинации значений регионального экспорта зерна и зернопродуктов (точка I).

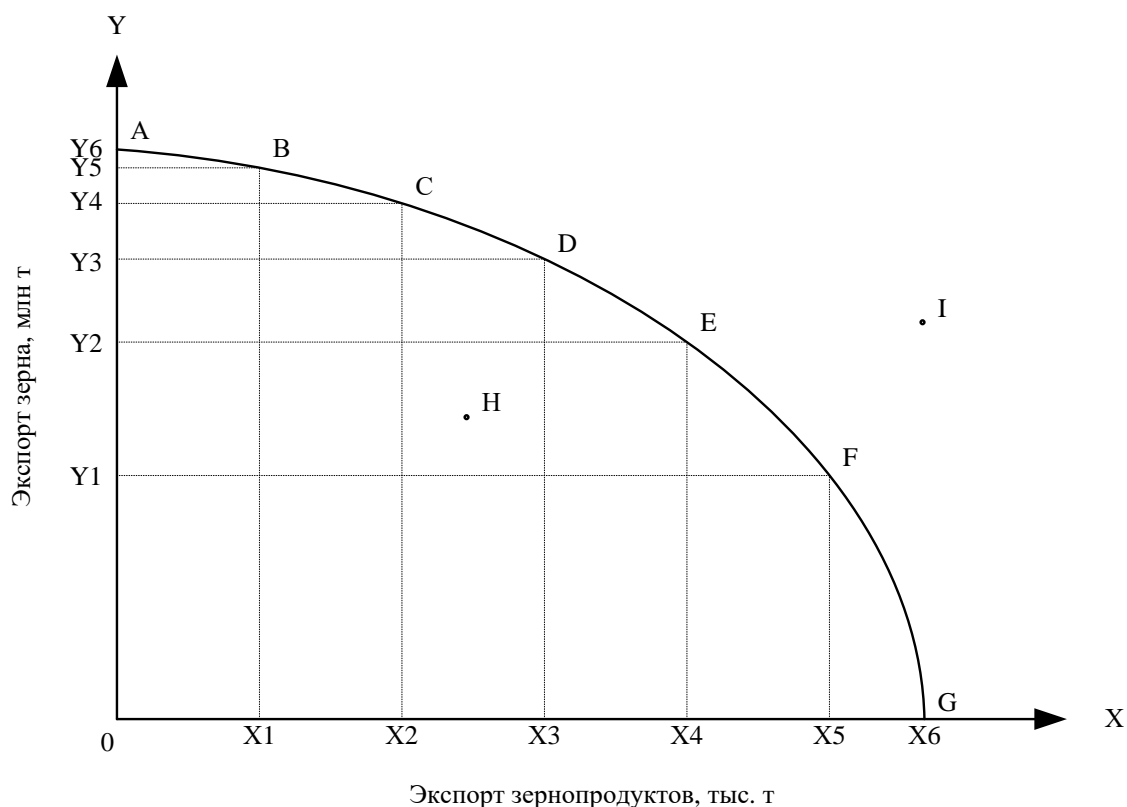

Рисунок 7 – Кривая производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов

Неэффективность соотношений экспорта зерна и зернопродуктов в точке Н определяется тем, что потенциал для смещения производства и экспорта в пользу зерна и/или зернопродуктов имеется, но, по тем или иным причинам (недостаток трудовых ресурсов, несовершенство технологической базы), не являющимся предметом нашего рассмотрения, не реализован на практике, т.е. ресурсы использованы не полностью.

Условное, произвольное расположение точки I можно трактовать следующим образом: имеющийся потенциал производства и экспорта не позволит достичь координат точки I поскольку одно её только расположение по оси абсцисс (на уровне X_6) свидетельствует о том, что всё производство и экспорт должны быть ориентированы на зернопродукты (а не зерно), но ситуация требует ещё и производства и экспорта зерна (на уровне более чем Y_2), что в текущих условиях недостижимо в силу уже упоминавшейся ограниченности ресурсов, недостаточного на текущем этапе развития средств производства [61].

Представленная на рисунке кривая производственных возможностей ABCDEFG также называется кривой трансформации, свидетельствуя о полностью эффективном использовании своих ресурсов, исключая вариант недоиспользования того или иного фактора (точка H), например, трудового, или варианта неосуществимого сочетания (точка I) – потребности большие, но средств для их удовлетворения недостаточно.

И это является крайне важным обстоятельством, потому что механизмом квотирования экспортных поставок ряда зерновых культур (см. соответствующие Приказы Минсельхоза) государство искусственно вводит в модель неэффективность, несовершенство или, иными словами, существенно искажает рыночные процессы, «изымая» часть производственных возможностей регионального экспорта зерна (рисунок 8).

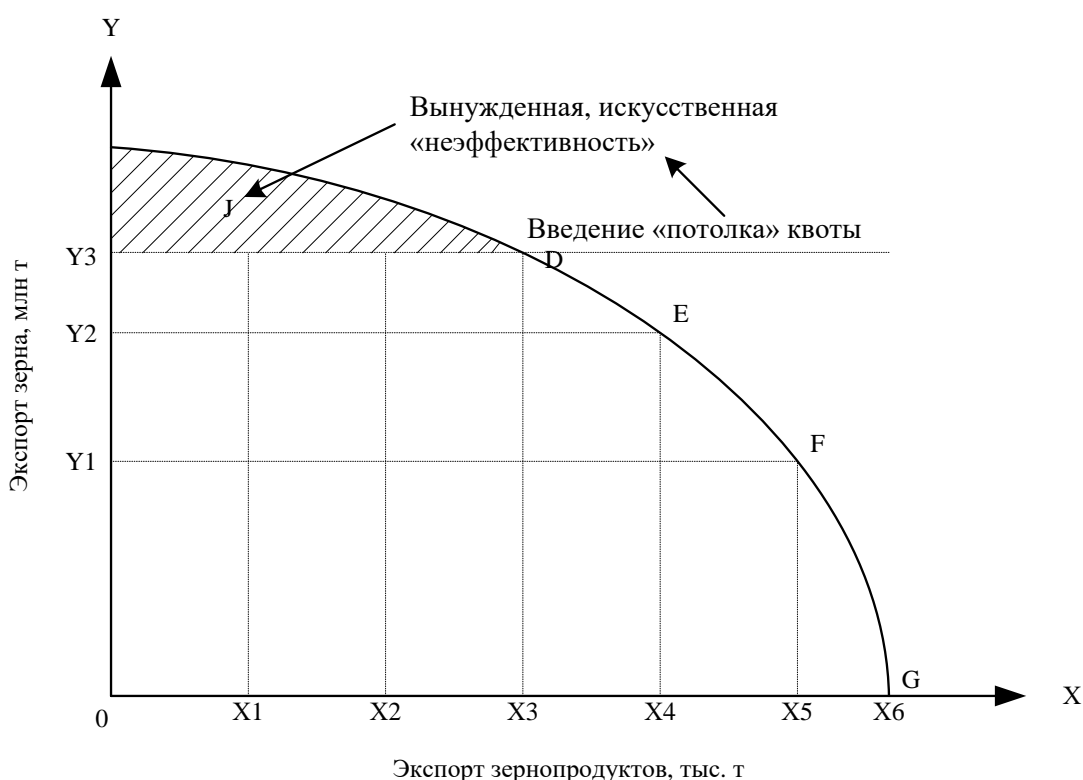

Рисунок 8 – Появление зоны «неэффективности» на кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов вследствие введения «потолка» квоты

Введение «потолка» квоты, условно принятое нами в размере Y_3 , приводит, если сравнивать представленные рисунки 7 и 8, к исключению вариантов А, В и С, невозможности осуществления экспортных поставок зерна в ранее разрешенных величинах Y_4 - Y_6 , формированию зоны «неэффективности» J. Неэффективность проявляется в том, что региональный зерновой рынок в целом обладает возможностями для экспорта зерна, которые, однако, в новых условиях не могут быть реализованы. Но не могут быть реализованы возможности экспорта «лишь» по отдельным позициям зерновых культур, пусть и наиболее важным в структуре экспортных продаж, в частности, по пшенице, меслину.

В условиях наличия ресурсной базы, её эффективного использования, а также искусственно созданной государством, вынужденной неэффективности, закономерным следствием будет смещение кривой производственных возможностей вправо по оси абсцисс, в пользу производства и последующего экспорта регионом зернопродуктов (рисунок 9).

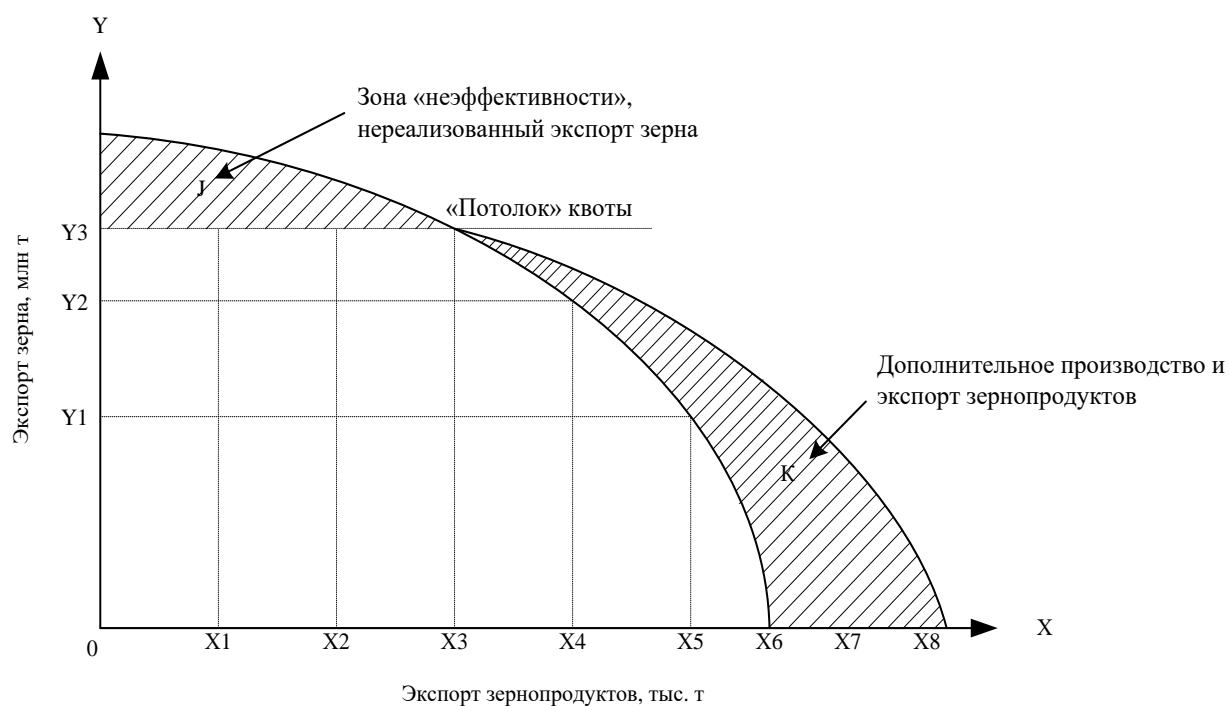

Рисунок 9 – Смещение кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов вследствие расширения производства и экспорта зернопродуктов

Возникновение зоны дополнительных экспортных продаж зернопродуктов, обозначенной на рисунке 9 как зона К, приводит к появлению новых рубежей производства и последующего экспорта зернопродуктов – от исходных X_6 до X_7 - X_8 . Значения производства и последующего экспорта зернопродуктов лимитированы только ресурсным потенциалом региона в анализируемый период времени.

В условиях, как представляется, достаточно четкой научно-теоретической основы модификации автором кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов, к числу практических сложностей применения предложенного инструментария можно отнести, во-первых, вариативность самого значения выделенной на регион и его экспортеров тарифной квоты, во-вторых, неустойчивость субъектного состава экспортёров сибирского зерна.

Обозначенные выводы получены по данным ежегодно издаваемых Приказов Минсельхоза России, закрепляющих распределение тарифных квот за период 2021-2025 гг. [163, 165, 164, 160, 162]. Автор осознает, что фактическое, непосредственное использование квот может корректироваться, существенно отличаться от первоначально установленного нормативными актами размера, может вводиться дополнительный объём разрешенного экспорта (2024 г.). Представленный далее анализ распределения тарифных квот за 2024 г. выполнен по данным майского, более позднего Приказа Минсельхоза России [160], хотя значения февральского Приказа [161] фактически перенесены в майский (см. объём основной части тарифной квоты). Значения за 2022 г., дифференцированные в отношении пшеницы и меслина, а также ржи, ячменя и кукурузы, объединены в процессе анализа в одно общее значение. Также, вероятно, следует упомянуть, что на 2025 г. распределение тарифных квот задано только по отношению к пшенице и меслину, а по ржи, ячменю и кукурузе не установлено (нулевое).

Вариативность значений тарифной квоты на сибирский регион расценивается как очень высокая. Так, в 2021 г. на экспортёров СФО приходилось

80501 т квоты, в 2022 г. – 139701 т (+59200 т, +73,54%), в 2023 г. – 152384 т (+12683 т, +9,08%), в 2024 г. – 389431 (+237047 т, рост в 2,56 раза), но 152340 т в 2025 г. (сокращение на 237091 т или 60,88%). Формирование, пересмотр кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов должны осуществляться на периодической, как минимум, ежегодной основе и в этих условиях можно утверждать, что сложность создаёт не столько изменчивость анализируемых значений, сколько тот факт, что выводы, формируемые из результатов анализа, сводимые в один период, например, к рекомендациям по инвестированию в глубокую переработку зерна, могут быть, как минимум, уже менее актуальны на следующий год, поскольку будут характеризоваться экономической целесообразностью экспортных продаж непосредственно зерна, а не продуктов его переработки. Инвестирование же в переработку зерна с последующим экспортом может быть растянуто на относительно длительный период, а потенциальная неустойчивость ежегодных рекомендаций, выводов, снижает привлекательность такого инвестирования.

Не способствует налаживанию четких механизмов политики наращивания регионального экспорта зерна и зернопродуктов и постоянная изменчивость субъектного состава экспортёров сибирского региона.

Квотирование зернового экспорта является значимым инструментом государства в деле балансирования внутреннего потребления и продажи излишков соответствующей зерновой продукции за рубеж. Существующий механизм квотирования зернового экспорта не свободен от большого числа недостатков и характеризуется, в частности, концентрацией преобладающей части экспортных поставок в руках ограниченного числа юридических лиц [126]. Как будет показано далее, обозначенная ситуация характерна не только для федерального, но и для регионального уровней [252].

Регионы, отдаленные от основных, прежде всего морских, путей экспортных поставок зерновой продукции, в частности регионы СФО, испытывают наибольшие трудности в реализации складывающегося на рынке профицита продукции. Ограниченность внутреннего потребления, вкупе с более высокой

маржинальностью экспортных продаж, обуславливают высокую практическую целесообразность проведения оценки субъектного состава зернового экспорта Сибири [252].

В соответствии с обозначенной выше информационной базой, позволившей нам выполнить соответствующий структурно-динамический анализ, становится возможным констатировать, что основные экспортёры зерновой продукции СФО были сосредоточены в анализируемом периоде в Новосибирской области (рисунок 10) [252].

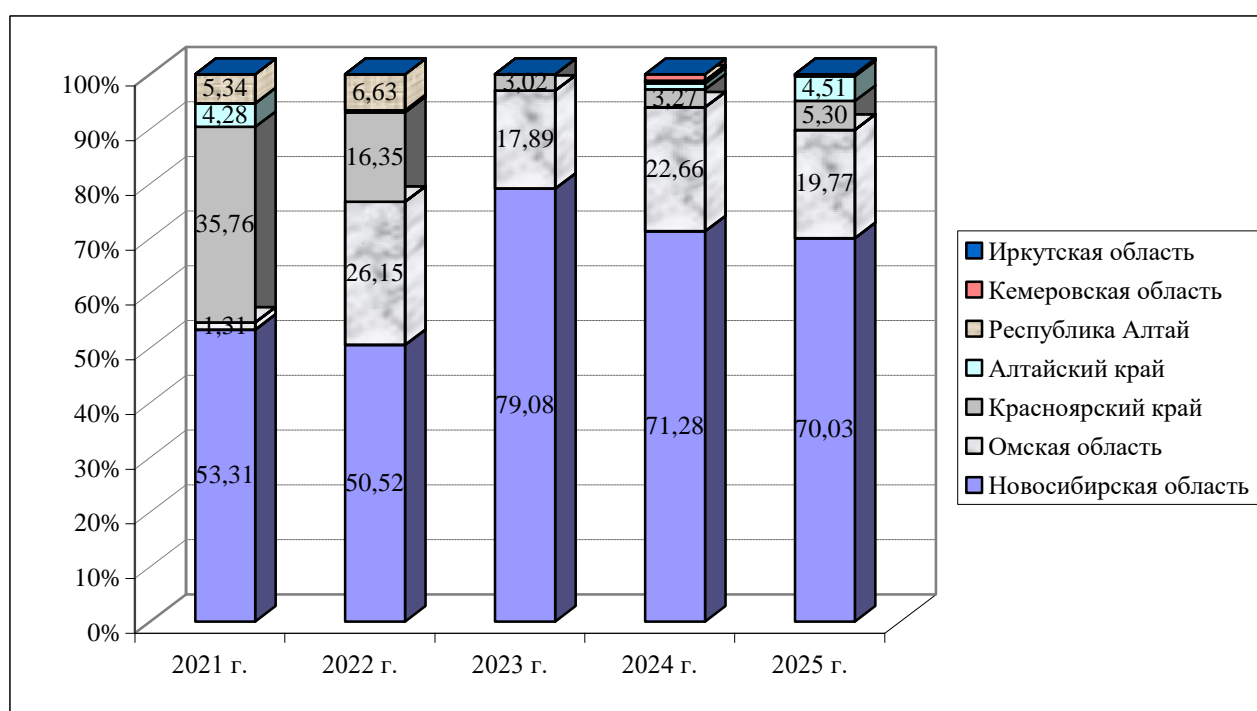

Рисунок 10 – Структура распределения тарифных квот на экспорт зерновых в разрезе субъектов СФО за период 2021-2025 гг. (составлено автором по [163, 165, 164, 160, 162])

Экстремумы значений доли Новосибирской области в общей величине распределяемых тарифных квот прослеживаются по данным за 2022 и 2023 гг. – в первом случае мы наблюдаем минимальное значение в 50,52%, во втором – максимальное 79,08% (прирост на 28,56 процентных пункта – п.п.). В дальнейшем удельный вес Новосибирской области в анализируемом показателе сокра-

шался – до 71,28% (на 7,8 п.п.) по итогам 2024 г. и до 70,03% (на 1,25 п.п.) в 2025 г., однако, как будет показано далее, не по всем периодам данная динамика складывалась за счёт непосредственного сокращения экспорта, определяясь более интенсивным ростом экспортных поставок зерна по другим регионам СФО. В целом за анализируемый период удельный вес Новосибирской области в совокупном экспорте зерна из СФО увеличился с 53,31 до 70,03%, т.е. на 16,72 п.п.

По состоянию на начало анализируемого периода более трети (35,76%) распределяемых тарифных квот по экспортёрам СФО приходилось на хозяйствующие субъекты Красноярского края, однако в последующие периоды доля края резко сокращалась, особенно в 2022 г. – на 19,41 п.п., до 16,35%, и 2023 г. – на 13,33 п.п., до 3,02%. На 2025 г. доля Красноярского края предусмотрена в размере 5,30%, что выше значения годом ранее, равного 3,27%, на 2,03 п.п. соответственно.

Начиная с 2022 г., вторым по значимости регионом-экспортёром зерновой продукции в составе субъектов СФО, является Омская область, субъекты которой, как предусматривалось Приказами, будут осуществлять экспортные поставки зерна в размере от минимальных 17,89% (2023 г.) до максимальных 26,15% (2022 г.). По прогнозам на 2025 г. доля Омской области в распределённых на СФО тарифных квотах снизится до 19,77% (на 2,89 п.п.) [252].

Алтайский край обеспечивает существенную часть совокупного производства зерна в СФО, но его вклад в совокупный экспорт незначителен, достигнув максимальных 4,51% в 2025 г. (против 1,13% в 2024 г.). Часть экспорта зернопроизводители Алтайского края реализуют посредством использования услуг трейдеров другого региона (Новосибирской области), что и приводит к получению столь низких значений (в 2023 г. значение равно 0, в 2022 г. составило 0,34%) [252].

В состав СФО входит 10 субъектов, на рисунке же 11 представлено 7 субъектов, что определяется тем, что Республики Тыва и Хакасия, а также Томская область, согласно Приказам [163, 165, 164, 160, 162], экспортные поставки

зерновых не осуществляют [252].

Новосибирская область является единственным регионом в составе СФО, три представителя которой осуществляли экспортные поставки зерновых на всём протяжении анализируемого периода 2021-2025 гг. – это, прежде всего, АО «НХП» (АО «Новосибирскхлебопродукт»), но также ООО «НПК» (ООО «Новосибирская продовольственная корпорация») и ООО «Атранс логистика» (таблица 8) [252].

Таблица 8 – Величина и структура распределяемых тарифных квот на экспорт зерновых в Новосибирской области за 2021-2025 гг. (составлено автором по [163, 165, 164, 160, 162])

Наименование	Размер тарифной квоты, т					Удельный вес в итоге, %				
	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
ООО "Байсэл"	-	18	434	926	348	-	0,03	0,36	0,33	0,33
ООО ТСК "Динамика"	-	-	-	-	509	-	-	-	-	0,48
АО "НХП"	38713	48543	112217	206523	64508	90,21	68,78	93,12	74,40	60,47
ООО "Первый мелькомбинат"	-	-	-	-	1264	-	-	-	-	1,18
ООО "Се- квойя"	-	-	-	6019	-	-	-	-	2,17	-
ООО "СЭИК"	425	-	-	567	-	0,99	-	-	0,20	-
ООО "НПК"	2662	20625	2164	41769	30207	6,20	29,22	1,80	15,05	28,31
ООО "Атранс логистика"	1113	1395	4637	8112	1343	2,59	1,98	3,85	2,92	1,26
ООО "Оникс"	-	-	1060	13666	8506	-	-	0,88	4,92	7,97
Итого	42913	70581	120512	277582	106685	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Безусловным лидером экспортных поставок зерновых из Новосибирской области является АО «НХП», на долю которого даже в минимальном значении 2025 г. приходится 60,47% всех экспортных поставок. Резкое сокращение доли АО «НХП» в 2025 г. с 74,40% до 60,47% в условиях не менее значимого (на 13,26 п.п. – с 15,05% до 28,31%) прироста доли ООО «НПК» определяется, помимо прочего, выше уже отмечавшимся пересмотром в 2025 г. состава квотируемой продукции, в которую вошли только пшеница и меслин. В этих условиях квотируемые экспортные поставки АО «НХП» снизились более чем в 3 раза в то время как у ООО «НПК» - примерно на треть. Доля квотируемых экспортных поставок ООО «Атранс логистика», несмотря на стабильность их осу-

ществления, остаётся незначительной. Схожая характеристика, но с ещё меньшими непосредственными значениями, прослеживается и по ООО «Байсэл». ООО «Оникс», несмотря на более позднее вхождение в сферу экспортных поставок зерна, смогло обеспечить себе право на экспортные поставки в размере 7,97% от всего приходящегося на Новосибирскую область объёма [252].

Значение экспортных поставок зерна Новосибирской областью, равно как и всеми регионами СФО в целом, по-прежнему остаётся неадекватным роли регионов в совокупном производстве зерна, что подтверждается и другими авторами [127].

Состав экспортёров Омской области также претерпевал существенные изменения, хотя и несколько закрепился в 2024-2025 гг. (таблица 9).

Таблица 9 – Величина и структура распределяемых тарифных квот на экспорт зерновых в Омской области за 2021-2025 гг. (составлено автором по [163, 165, 164, 160, 162])

Наименование	Размер тарифной квоты, т					Удельный вес в итоге, %				
	год					год				
	2021	2022	2023	2024	2025	2021	2022	2023	2024	2025
ООО "Центр логистики и внешнеэкономических операций"	531	444	288	1811	-	50,48	1,22	1,06	2,05	-
ООО "Омское продовольствие"	521	-	2673	9904	4299	49,52	-	9,80	11,23	14,27
ИП Сулейменов У.Х.	-	36091	22643	44394	16670	-	98,78	83,05	50,32	55,34
ООО "Зерновые линии"	-	-	1659	7797	1692	-	-	6,09	8,84	5,62
ООО "Хлебная база 35"	-	-	-	11249	2045	-	-	-	12,75	6,79
ООО "СТД"	-	-	-	9605	5067	-	-	-	10,89	16,82
ООО "Сибирский КХП"	-	-	-	3466	348	-	-	-	3,93	1,16
Итого	1052	36535	27263	88226	30121	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

По данным таблицы 9 мы видим, что пришедшие в 2023-2024 гг. в сферу экспорта зерновой продукции ООО «Зерновые линии», ООО «Хлебная база 35» и, в особенности, ООО «СТД», смогли сосредоточить на себе значительную часть экспортного потенциала региона – на ООО «Зерновые линии» в 2025 г. приходится 5,62% потенциального экспорта пшеницы и меслина Омской области, на ООО «Хлебная база 35» - 6,79%, ООО «СТД» - 16,82%. Существенной

продолжает оставаться и доля ООО «Омское продовольствие», осуществлявшее свою деятельность в сфере экспорта и в более ранние периоды (за исключением 2022 г.). Тем не менее, на ИП Сулейменова У.Х. по-прежнему приходится более половины всего зернового экспорта Омской области (55,34% в рамках распределения на 2025 г.) [252].

В составе экспортёров Красноярского края, как и в случае с Новосибирской областью, есть юридические лица, осуществлявшие экспортные поставки весь период 2021-2025 гг., - ООО «Изумруд Агро» - однако прослеживается высокая колеблемость как абсолютных, так и соответственно относительных, удельных значений этого и других экспортёров (таблица 10) [252].

Таблица 10 – Величина и структура распределяемых тарифных квот на экспорт зерновых в Красноярском крае за 2021-2025 гг. (составлено автором по [163, 165, 164, 160, 162])

Наименование	Размер тарифной квоты, т					Удельный вес в итоге, %				
	год					год				
	2021	2022	2023	2024	2025	2021	2022	2023	2024	2025
ООО "Красноярск Зерно"	16236	-	-	10	5231	56,40	-	-	0,08	64,80
ООО "Торговая компания "Просторы Сибири"	8465	11333	-	2313	465	29,40	49,60	-	18,15	5,76
ООО "Изумруд Агро"	4087	11514	4609	4909	1799	14,20	50,40	100,00	38,51	22,28
ООО СП "Премьер"	-	-	-	566	292	-	-	-	4,44	3,62
ООО "СХП "Дары Малиновки"	-	-	-	3164	-	-	-	-	24,82	-
ООО "Премьер"	-	-	-	552	-	-	-	-	4,33	-
ООО "Сибирский экспорт"	-	-	-	1232	-	-	-	-	9,67	-
ООО "СЗК"	-	-	-	-	286	-	-	-	-	3,54
Итого	28788	22847	4609	12746	8073	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Формально ООО «Красноярск Зерно» имела наибольший удельный вес в структуре распределяемых тарифных квот на экспорт зерна на начало и конец анализируемого временного диапазона – 56,40% в первом случае и 64,80% во втором. Однако, в 2022-2023 гг. компания и вовсе не имела за собой разрешения на экспорт зерновых, а в 2024 г. доля юрлица составила 0,08% от значения на всю область.

Обращает на себя внимание и нестабильность непосредственно субъект-

ного состава – в 2023 г. квоту на экспорт из состава заинтересованных компаний получило лишь одно юридическое лицо – ООО «Изумруд Агро» в то время как годом позже квоты имели уже 7 юридических лиц, доля некоторых из которых была весьма существенна (ООО «СХП «Дары Малиновки» - 24,82%, ООО «Торговая компания «Просторы Сибири» - 18,15%) [252].

Следует, однако, признать, что обозначенная характеристика в той или иной степени присуща и большинству других регионов. Так, экспорт зерновой продукции из житницы СФО – Алтайского края – то не осуществляло ни одно юридическое лицо, сотрудничая с экспортёрами из других регионов (2023 г.), то в составе одного-двух предприятий (2022 и 2021 гг.), то в количестве 5 юридических лиц. При этом из пяти юридических лиц, наделенных квотами на экспорт в 2024 г. зерна, только две организации (ООО «Терминал-Барнаул» и АО «Меркурий») получили свою квоту и на 2025 г. (57,44% и 24,01% соответственно) [252].

Таким образом, экспортный зерновой потенциал сибирского региона, определяемый существенным профицитом соответствующей продукции, реализуется преимущественно за счёт производителей и трейдеров Новосибирской и Омской областей. Однако, при рассмотрении субъектного состава даже этих регионов, можно сделать вывод о том, что выход на экспортные рынки для большинства мелких и средних зернопроизводителей требует расширения информационной, финансовой и других видов поддержки, компании не могут закрепиться хоть на сколько-нибудь длительный срок в сфере экспортных поставок зерна [252].

Предпринимательская, в т.ч. внешнеэкономическая, деятельность по своей природе сопряжена с риском банкротства, постоянной изменчивостью количества хозяйствующих субъектов. В то же время, выводы и рекомендации, формируемые из адаптируемой автором теории производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов, ориентируясь на достаточно длительный период времени, предполагают относительную стабильность обозначенных факторов. Выходом из сложившегося противоречия может стать

ориентация в формировании соответствующих экспортных решений преимущественно на устоявшихся игроках, лидеров зернового рынка Сибири.

Резервы наращивания производственных возможностей регионального производства и последующего экспорта зернопродуктов, дальнейшего смещения вправо по оси, иллюстрирующей производство и экспорт зернопродуктов, кроются, прежде всего, в максимально полном использовании всех имеющихся в распоряжении ресурсов – средств производства, рабочей силы и других производственных факторов. Сформировавшийся в результате квотирования баланс производства и экспорта зерна и зернопродуктов носит безусловно нерыночный, искажённый характер. С другой стороны, искажающее воздействие имеет вполне определённую мотивацию государства, сводящуюся к укреплению позиций в рамках продовольственной безопасности, гарантированию внутреннего потребления, развитию других производств, в частности, животноводческих. В условиях изменения внешней среды, неуправляемых факторов, кривая производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов будет аккумулировать в себе эти изменения. В частности, в условиях неудовлетворительного прогноза урожая зерновых пороговое значение квоты может быть уменьшено, при благоприятных прогнозах – увеличено. Однако, как уже отмечалось, ресурсы, капитальные затраты (CAPEX) для расширения и временного сворачивания производства продуктов глубокой переработки зерна не обладают такой же гибкостью, подвижностью. Реализация проектов глубокой переработки зерна требует, в общем случае, более стабильной, понятной и предсказуемой аграрной и финансовой политики государства.

Теория производственных возможностей и построенная на её основе кривая оперируют, как уже указывалось, понятиями неэффективности и нереализуемости, неосуществимости (точки Н и I соответственно). Однако, учитывая отраслевую специфику, возникает вопрос: «Так ли уж нереально возникновение точки I в условиях наличия высоких переходящих запасов зерна?». Теория производственных возможностей фактор наличия и динамики запасов продукции не принимает во внимание.

В условиях зернового рынка выход за пределы границы производственных возможностей является, по нашему мнению, вполне возможным. И дело не в том, что в данном случае имеющиеся ресурсы будут использоваться максимально эффективно (такая ситуация не приведёт к выходу за пределы линии трансформации, поскольку будет означать движение по непосредственным точкам линии трансформации), но в том, что продажа более высоких объёмов зерна и зернопродуктов будет осуществляться за счёт использования сформированных в предшествующие периоды запасов зерна.

Верно и обратное – ситуация неэффективности, сопровождающаяся недоиспользованием имеющегося потенциала, будет приводить к аккумулярованию, накоплению всё более и более значительных запасов зерна, которые, в свою очередь, вполне могут быть реализованы в последующие периоды благодаря хорошей сохраняемости зерна.

Определяющим фактором для экспорта, тем не менее, будет оставаться фактор производства, а точнее профицитности регионального производства, но периодические возникающие отклонения от «идеальной» кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов остаются возможными. Обозначенные отклонения носят преимущественно негативный характер, определяясь недостатком трудовых ресурсов, несовершенством материально-технической базы.

Таким образом, лишь только конкретные сочетания, точки на кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов, показывают наиболее эффективные варианты, возможности наилучшего потребления имеющихся ресурсов для производства и экспорта зерна и зернопродуктов. Необходимо лишь, учитывая «потолок» квоты, выбрать нужную их комбинацию. Непосредственно это делать необходимо уже по смещённой вправо кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов. «Платой» за осуществлённый выбор будут так называемые вменённые или скрытые издержки – цена отказа от альтернативного варианта использования ресурсов, вопрос определения размера которой, по причине сво-

ей сложности и многогранности, требует отдельного рассмотрения, приводимого далее.

2.2. Экономические последствия смещения кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов

Квотирование зернового экспорта обусловило появление на рисунке 8 «зоны» неэффективности J, что для региональных экспортёров есть не что иное, как несостоявшийся экспорт, недополученная выручка от реализации зерна. Предпринятое далее развитие теории производственных возможностей, выразившееся в представленном на рисунке 9 смещении кривой производственных возможностей вправо по оси абсцисс, привело, в свою очередь, к появлению зоны дополнительной выручки K, определяясь тем, что высвобожденные с зоны J ресурсы никуда не делись и были перенаправлены на производство и экспорт зернопродуктов в границах зоны K. Сопоставление площадей обозначенных зон J и K будет давать возможность делать выводы о расширении или, напротив, сворачивании экспорта зерна в первом случае и зернопродуктов – во втором. Однако выручка, в т.ч. экспортная, являясь одним из важнейших экономических показателей деятельности хозяйствующих субъектов, как минимум, не в полной мере служит мериллом эффективности, символизируя, по нашему мнению, скорее масштаб деятельности, нисколько не умаляя значимости последнего.

Целевой, максимизируемой функцией деятельности любой коммерческой организации является прибыль как положительный результат от сопоставления доходов с расходами. Принимая во внимание данное обстоятельство, простое соотнесение площадей зон J и K в целях определения эффекта и эффективности регионального экспорта зерна и зернопродуктов становится методически неполноценным, поскольку не учитывает феномен дополнительно возникающих на уровне отдельных коммерческих организаций – производителей и экспортёров – расходов, в т.ч. неизбежно возникающих при развитии материально-

технической базы дополнительных амортизационных отчислений, увеличившихся расходов на выплату процентного вознаграждения (поскольку реализация инвестиционных проектов получения продуктов переработки зерна, как минимум, в большом числе случаев будет опираться на кредитные средства), упущенной в силу временной растянутости проектов выгоды, совершенно различной маржинальности бизнеса (рентабельности продаж или продукции по валовой прибыли). Только сопоставляя величины всех без исключения доходов и расходов, в т.ч. неявных при первом рассмотрении, можно делать экономически обоснованные выводы об экономической привлекательности проектов перехода в переработку зерна, в т.ч. глубокую. Иными словами, спускаясь на микроуровень, уровень отдельно взятого экспортёра или группы взаимосвязанных предприятий, мы должны сопоставлять не площади зон J и K, а величины формируемого с зон J и K финансового результата.

Квотирование зернового экспорта актуализирует проблематику определения размера вменённых издержек, поскольку экономическая теория в этой ситуации ограничивается верными лишь с теоретической, но неудовлетворительными с практической точки зрения утверждениями, что величина вменённых издержек «определяется пользой, стоимостью или количеством тех благ, которые принесены в жертву при выборе других (альтернативных) благ» [123].

Тем не менее, принимая представленное высказывание как основу и развивая его, мы должны определиться с тем, что именно «принесено в жертву». Принимать «жертвой» экспортную выручку можно, но только если мы проводим анализ на уровне экономики страны или региона. Если же мы принимаем, как в текущий момент, уровень отдельной организации, то показатель не приемлем – целью, строго говоря, является максимизация прибыли, а не выручки. Но, в рамках исходной информационной базы анализа (рисунок 9), мы имеем в наличии показатель именно экспорта, а если применять более точную формулировку – выручку с экспортных продаж. В силу этого мы вполне можем определить размер финансового результата, умножая величину экспортной выручки на рентабельность продаж (в долях единицы), что и даёт нам требуемую вели-

чину вменённых издержек – цену осуществленного выбора, упущенную выгоду (как прибыль, а не как выручку – экспорт). Использоваться должен именно показатель рентабельности продаж, а не производства (продукции), т.к. «извлекать» размер прибыли в данном расчёте мы должны будем именно с продаж, каковыми экспорт и является (в отличие от себестоимости в расчёте по показателю рентабельности производства (продукции)).

Полученный результат даёт нам значение на одной чаше весов определения эффективности экспорта зерна и зернопродуктов на микроуровне. На второй чаше весов должен находиться финансовый результат, получаемый в результате переработки зерна с последующим экспортом созданных зерновых продуктов. Этот финансовый результат также является вменёнными издержками, альтернативной стоимостью, но рассматриваемой уже с позиции другой крайности, второго варианта (переработки).

В этом случае аналогично определённый финансовый результат (экспортная выручка умножить на рентабельность продаж в долях единицы) дополнительно корректируется на сумму прироста амортизационных отчислений с основных средств и нематериальных активов, задействованных в проектах переработки экспортируемого зерна, а также на сумму дополнительно возникающих процентных расходов, образующихся по тем же в своей экономической сути причинам.

Расчёт суммы амортизационных отчислений базируется на первом этапе на определении физического перечня, а также стоимости необходимого оборудования, технологических линий, на втором – на применении к величине стоимостного баланса группы требуемых внеоборотных активов нормы амортизационных отчислений.

Определение суммы процентных расходов является более трудоёмким. Расчёт базируется на использовании метода пропорциональных зависимостей. На первом этапе, посредством составления прогнозного отчёта о финансовых результатах, прогнозируется размер чистой прибыли на следующий период с учётом предложенного мероприятия. На втором этапе составляется прогноз ак-

тивов и пассивов по форме бухгалтерского баланса в результате чего будет установлен факт несхождения баланса, как раз и являющий собой сумму необходимого финансирования. Но общее финансирование может быть закрыто не только кредитом, но и другими источниками – спонтанным ростом кредиторской задолженности, увеличением капитала собственников и т.д. С учётом этих обстоятельств на третьем этапе и осуществляется расчёт суммы кредита - кратко- и/или долгосрочного, или их комбинации, что важно с позиции потенциального давления на показатели платёжеспособности, финансовой устойчивости. На четвертом этапе мы можем получить приблизительную сумму процентных расходов, применяя соответствующую процентную ставку к сумме кредитного финансирования (или, при условии более сложных расчётов, используя схемы аннуитетных платежей, финансирования траншами и др.). Сумма может уточняться за счёт реализации нескольких последовательных расчётов (итераций), всё более и более уточняющих итоговую сумму с учётом эффекта обратной финансовой связи, изложение сути которого не является предметом настоящего исследования.

Обозначенные факторы являются основными, но могут дополняться и рядом других. В частности, чашу весов в пользу проектов переработки зерна, в т.ч. глубокой, могут усилить меры государственной поддержки, поскольку для государства такие проекты могут означать не только бюджетный эффект в виде дополнительных налогов, но и социальный в виде дополнительных рабочих мест, научно-технический – в виде развития материально-технической и научной базы перерабатывающих производств. С другой стороны, более отдаленные перспективы проектов переработки зерна можно учесть в виде дисконтированной, временной стоимости средств, направляемых на проекты переработки зерна.

Возвращаясь к условному примеру таблицы 7, определим вменённые издержки регионального производства и экспорта зерна и зернопродуктов при каждом последовательном переходе к новой производственно-экспортной альтернативе, исследуя переход как от зерна к зернопродуктам, так и наоборот – от

зернопродуктов к зерну (таблица 11).

Таблица 11 – Вменённые издержки производства и экспорта каждой дополнительной единицы зерна и зернопродуктов при смене производственно-экспортных альтернатив

Вариант перехода от экспорта зерна к экспорту зернопродуктов	Потери выпуска и экспорта зерна при выпуске и экспорте дополнительной единицы зернопродуктов	Вариант перехода от экспорта зернопродуктов к экспорту зерна	Потери выпуска и экспорта зернопродуктов при выпуске и экспорте дополнительной единицы зерна
От А к В	$\frac{Y_6 - Y_5}{X_1}$	От В к А	$\frac{X_1}{Y_6 - Y_5}$
От В к С	$\frac{Y_5 - Y_4}{X_2 - X_1}$	От С к В	$\frac{X_2 - X_1}{Y_5 - Y_4}$
От С к D	$\frac{Y_4 - Y_3}{X_3 - X_2}$	От D к С	$\frac{X_3 - X_2}{Y_4 - Y_3}$
От D к E	$\frac{Y_3 - Y_2}{X_4 - X_3}$	От E к D	$\frac{X_4 - X_3}{Y_3 - Y_2}$
От E к F	$\frac{Y_2 - Y_1}{X_5 - X_4}$	От F к E	$\frac{X_5 - X_4}{Y_2 - Y_1}$
От F к G	$\frac{Y_1}{X_6 - X_5}$	От G к F	$\frac{X_6 - X_5}{Y_1}$

По данным таблицы можно проследить, что переход от варианта А к варианту В, создавая на рынке одну единицу зернопродуктов (X_1), приводит к сокращению предложения на одну единицу зерна (точнее, на величину $Y_6 - Y_5$), формируя потерю («цену» перехода) в размере $\frac{Y_6 - Y_5}{X_1}$. «Ценой» перехода от варианта В к С будет уже соотношение $\frac{Y_5 - Y_4}{X_2 - X_1}$, от С к D – соотношение $\frac{Y_4 - Y_3}{X_3 - X_2}$, и т.д. «Реанимация» экспорта зерна в размере Y_1 будет иметь следствием сокращение экспорта в размере $(X_6 - X_5)$, формируя «цену» $\frac{X_6 - X_5}{Y_1}$, и далее по аналогии.

Проследив за изменениями вменённых издержек регионального произ-

водства и последующего экспорта зерна и зернопродуктов, можно заключить, что каждая следующая ступень в производстве и экспорте одного из этих продуктов принуждает жертвовать всё более значительным количеством ресурсов под потенциальное производство и экспорт другого продукта. Это, в свою очередь, подтверждает, что на зерновом рынке также действует так называемый закон возрастающих вменённых издержек, свидетельствующий о том, что по мере наращивания производства и экспорта любой продукции, будь то зерно или продукт глубокой переработки зерна, вменённые издержки каждой новой его единицы также увеличиваются.

Ключевой причиной обозначенной закономерности служит неоднородность, неполная взаимозаменяемость факторов производства и экспорта зерна и зернопродуктов: необходимы разные средства производства, применяются различные технологии, в проектах переработки зерна, тем более глубокой, задействуются работники более высокой квалификации. В условиях полной занятости и ограниченности необходимых ресурсов смена производственно-экспортных альтернатив заставляет задействовать в новом производстве, например, в проектах глубокой переработки зерна, всё менее и менее приспособленные для поставленных целей ресурсы. На каждую дополнительно создаваемую единицу зерновой продукции становится необходимым отвлекать всё больше и больше соответствующего производства, что и объясняет вынужденность всё большего сокращения альтернативного производства. Рассматривая ситуацию вынужденного, хотя экономически, стратегически и более перспективного, смещения фокуса зернопроизводителей и трейдеров в пользу переработки и последующего экспорта переработанной зерновой продукции, необходимо отметить, что это требует всё более высокой квалификации работников, всё более эффективных технологических решений, реализуемых при этом в условиях возрастающей финансовой нагрузки. Иными словами, потребность в ресурсах всех видов существенно увеличивается, а сокращение производства и экспорта зерна находит своё отражение в пусть и менее выраженном, но увеличении производства и экспорта зернопродуктов. Неоднородность преобразова-

ния факторов производства из разных сфер приводит к тому, что граница производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов имеет именно форму кривой с закруглёнными концами, а не прямой линии, как теоретически могло бы быть в ситуации полной взаимозаменяемости используемых ресурсов.

Кривая производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов отражает максимум их производства и экспорта при условии полного использования имеющихся ресурсов и технологий. Отток сельского населения провоцирует недоиспользование ресурсов, а значит и ситуацию неэффективности – нахождение вне, а точнее под кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов. Однако, в общем случае, в общетеоретическом построении, с течением времени наличные ресурсы и технологии всё-таки увеличиваются и совершенствуются, приводя к смещению кривой производственных возможностей регионального экспорта, её разрастанию, расширению по обеим осям. Но, как было обозначено выше, в ситуации российского экспорта зерна, мы имеем в наличии некий «потолок» квоты экспорта зерна, что делает применение общей теории границ производственных возможностей требующим адаптации – расширяться вверх кривая производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов не имеет возможности, остаётся только боковое движение, смещение кривой вправо по оси абсцисс (в условиях принятых обозначений анализируемой системы координат).

Введение государством «потолка» квоты привело, в рамках ранее принятых допущений, к невозможности осуществления экспорта зерна в размерах от Y_4 до Y_6 , исключило из рассмотрения точки А, В и С на исходной кривой трансформации, но создало возможности для вариантов производства и экспорта зернопродуктов в условных величинах X_7 и X_8 . Это будет иметь ряд значимых следствий, также вносящих соответствующие коррективы в общее построение кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов, поскольку искажает исходную модель теории производствен-

ных возможностей.

Искажающее теоретически саморегулируемые процессы зернового рынка воздействие государства в виде квотирования экспортных поставок зерна приводит, во-первых, к полной невозможности первых трёх вариантов перехода, представленных в таблице 11, причём как в части перехода от экспорта зерна к экспорту зернопродуктов, так и в части перехода от экспорта зернопродуктов к экспорту зерна.

Во-вторых, происходит существенная корректировка итоговых значений в расчётах как потерь выпуска и экспорта зерна при выпуске и экспорте дополнительной единицы зернопродуктов, искусственно занижая значение, поскольку в новых условиях расчёт принимает вид $\frac{Y_1}{X_8 - X_5}$, а не $\frac{Y_1}{X_6 - X_5}$ (значение знаменателя в расчёте становится больше), так и потерь выпуска и экспорта зернопродуктов при выпуске и экспорте дополнительной единицы зерна, искусственно завышая значение, поскольку новый расчёт принимает вид $\frac{X_8 - X_5}{Y_1}$, а не $\frac{X_6 - X_5}{Y_1}$ (числитель становится существенно больше по сравнению с исходным вариантом).

Необходимость существенной корректировки теоретических положений, как следствие искажающего рыночные процессы вмешательства государства, прослеживается не только в части вменённых издержек и изменения формы кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов. Экономические последствия квотирования зернового экспорта можно проследить также посредством рассмотрения основ маржинального (предельного) анализа. Теория маржинального анализа, являющаяся значимой составляющей экономического анализа в целом, также в своей основе не использует никаких ранее упоминавшихся «потолков», ограничений на производство квотируемого, экспортируемого зерна.

Именно объём производства квотируемого, экспортируемого зерна государство формально не ограничивает, однако в наращивании производства зерна

свыше установленного квотой уровня нет никакого экономического смысла, т.к., во-первых, внутренний региональный рынок насыщен и дополнительные продажи затруднительны или даже вовсе невозможны, во-вторых, экспортные поставки свыше разрешенного объёма в установленный период времени запрещены за исключением случаев пересмотра размера квоты, её перераспределения между производителями.

В этих условиях, следует различать запас финансовой прочности, рассчитанный по общей теории маржинального анализа, и запас финансовой прочности, ограниченный объёмом тарифной квоты на экспорт зерна. Возможная ситуация отечественного зернопроизводителя состоит в том, что произвести продукции он может больше, чем на то есть «разрешение» государства. В первом случае запас финансовой прочности можно назвать фактическим (формула 7), во втором – доступным (формула 8). Если же производитель зерна имеет объём производства зерновой продукции для внутреннего и внешнего рынков меньше внутренних продаж плюс квоты, то размеры фактического и доступного запаса финансовой прочности совпадают:

$$\text{ЗФП} = Q_{\phi} - \text{ТБ}, \quad (7)$$

$$\text{ЗФП}_{\text{кв}} = Q_{\phi(\text{кв})} - \text{ТБ}, \quad (8)$$

$$Q_{\phi} = Q_{\phi(\text{вн})} + Q_{\phi(\text{эксп})}, \quad (9)$$

$$Q_{\phi(\text{кв})} = Q_{\phi(\text{вн})} + Q_{\phi(\text{эксп} \leq \text{кв})}, \quad (10)$$

где ЗФП – запас финансовой прочности, млн руб.;

$\text{ЗФП}_{\text{кв}}$ – запас финансовой прочности при производстве котируемой зерновой продукции, млн руб.;

Q_{ϕ} – фактический объём производства зерновой продукции, млн руб.;

ТБ – точка безубыточности, млн руб.;

$Q_{ф(кв)}$ – фактический объём производства зерновой продукции с учётом ограничений на экспорт зерновой продукции, млн руб.;

$Q_{ф(вн)}$ – фактический объём производства зерновой продукции, реализуемой внутри страны, млн руб.;

$Q_{ф(эксп)}$ – фактический объём производства зерновой продукции, реализованной на экспорт (в условиях отсутствия квотирования), млн руб.;

$Q_{ф(кв)}$ – фактический объём производства зерновой продукции внутри страны и за рубежом с учётом ограничения (квоты) на экспорт зерновой продукции, млн руб.;

$Q_{ф(эксп \leq кв)}$ – фактический объём экспортируемой зерновой продукции в пределах (меньше либо равно) квоты на экспорт, млн руб. [252].

Формальным выражением «потолка», вводимого квотированием зернового экспорта, является разница между величинами запаса финансовой прочности по моделям (7) и (8), значения которых для ведущего зернового экспортёра Новосибирской области – АО «Новосибирскхлебопродукт» - представлены в таблице 12.

Таблица 12 – Сравнительный анализ влияния структуры производства и экспорта зерна и зернопродуктов на запас финансовой прочности АО «Новосибирскхлебопродукт», млн руб. (составлено автором)

Наименование показателя	Факт 2023 г.	Сохранение прежней структуры производства и экспорта	Расширение производства и экспорта зернопродуктов
Выручка	13936	12542,4	16723,2
Себестоимость	8791	7911,9	10549,2
Валовая прибыль	5145	4630,5	6174
Постоянные расходы	4575	4575	5032,5
Валовая рентабельность продаж, доли единицы	0,37	0,37	0,37
Порог рентабельности	12392,07	12392,07	13631,28
Запас фин. прочности: - в денежном выражении	1543,93	150,33	3091,92
- в относительном (процентном) выражении	11,08	1,20	18,49

Сопоставление результирующих значений запаса финансовой прочности в относительном выражении по столбцам 2 и 3 свидетельствует о том, что введение квотирования может крайне резко, с 11,08 до 1,20%, может сократить анализируемый показатель, что обусловлено относительно низкой представленностью продуктов зернопереработки в структуре экспортных продаж АО «Новосибирсклебопродукт». Однако, вступив в партнёрские отношения с рядом других юридических лиц и учредив ООО «Русское масло», основной продукцией которого являются, соответственно, уже продукты именно зернопереработки, организация достигает, даже в условиях высоких единовременных капитальных затрат, формальным выражением чего является, как уже отмечалось, прирост постоянных затрат (через амортизационные отчисления и дополнительные процентные расходы), роста выручки, валовой прибыли, и, как следствие, укрепляет величину запаса финансовой прочности как в денежном, так и относительном (процентном) выражениях. Это подтверждает ранее обозначенную гипотезу о том, что смещение структуры зернового производства в пользу продуктов с более высокой добавленной стоимостью позволяет преодолевать ограничения, накладываемые политикой государства по квотированию экспортных поставок зерна и свидетельствует не только о теоретической, но и практической значимости представленных моделей.

Подвергая критике искажающее влияние государства на рыночные процессы в зерновом секторе экономики, необходимым представляется обозначить и положительное влияние государственного вмешательства, сводящееся к вынужденной корректировке хозяйственными субъектами так называемого «сегодняшнего» выбора. Дилемма выбора в каждый момент времени состоит в том, что пусть и под давлением, но выбирая путь более высокотехнологичного производства, решения сопутствующих задач экспорта переработанной продукции, зерновой сектор страны, региона, создаёт для себя по итогу более благоприятные перспективы развития, расширения продаж, в т.ч. и прежде всего экспортных, что труднее в повседневном плане, но более оправдано по сравнению с другой альтернативой – продажей непереработанного, низкокачественного по

сути сырья с невысокой добавленной стоимостью в расчёте на более простые пути заработка, «лёгкие» деньги. Последний вариант безусловно приемлем в краткосрочной перспективе, но является тупиковым в долгосрочной. Учёт не только текущих, но и средне-, долгосрочных перспектив требует развития средств производства, проведения научно-технических исследований, повышения квалификации, развития системы образования, являющихся неизменными спутниками развития зернового сектора на инновационной основе.

По совокупности сделанных замечаний можно сделать вывод, что вынужденная в силу введения механизма квотирования переориентация зернового сектора на производство продукции с высокой добавленной стоимостью – мера, генерирующая новые задачи и вызовы, но при успешном их разрешении создающая ещё более выдающиеся перспективы развития, расширения. Формирование в зерновом секторе структуры своего производства в каждый текущий момент предопределяет его будущие производственные, рыночные возможности.

Рассматривая экономические последствия изменения структуры регионального производства и экспорта зерна и зернопродуктов, следует учитывать, что российский экспорт зерновой продукции осуществляется в страны преимущественно с низкой покупательной способностью населения, невысоким социально-экономическим развитием, в некоторых случаях неустойчивым политическим режимом. Фактически возникает противоречие, потому что, с одной стороны, смещение кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов постепенно реформирует экспорт в пользу более дорогостоящей продукции переработки зерна, с другой стороны, гарантированных предпосылок к тому, что страны, покупающие российские зернопродукты, будут иметь всё более благоприятные экономические перспективы, нет. Это, в свою очередь, отнюдь не означает, что ранее обозначенная вынужденность, но также и целесообразность постепенной смены структуры российского экспорта зерновой продукции в пользу продуктов с более высокой добавленной стоимостью сводится на нет. Это означает, по нашему мнению, необходимость формирования более гибких условий продаж российского зерна и зер-

нопродуктов.

Основные риски, но в тоже время и возможности наращивания российского экспорта зерновых, в т.ч. более высоких переделов, связаны с поиском компромиссного решения между риском и доходностью. Решение принимается на основе сопоставления выгод, получаемых от расширения продаж, с затратами, в т.ч. неявными, которые может понести экспортер в этом случае.

Наиболее выраженное влияние на величину экспортных продаж оказывают общая экономическая ситуация, качество и цена продукции, но также так называемая кредитная политика экспортера. За исключением последнего, все обозначенные факторы находятся преимущественно вне пределов компетенции экспортёров. Под кредитной политикой следует понимать, естественно, не собственно банковскую деятельность, а политику продаж продукции, в нашем случае – зерновой. С кредитной политикой тесно связано понятие стандартов кредитоспособности. Под последними понимается та совокупность требований, выдерживание которых является обязательным для осуществления сделки, продаж. В свою очередь, ослабление стандартов кредитоспособности, т.е. иными словами, упрощение требований к покупателям российской зерновой продукции, приводит к повышению спроса, а значит и росту экспорта. Следует согласиться, что нами уже делалось указание на и без того высокие риски торгового сотрудничества с рядом стран Африки, Ближнего Востока. Риски действительно ещё более возрастают, но расширение экспортных продаж требует нахождения того «водораздела», прохождение которого уже и свидетельствует о превышении рисков над выгодами. На чаше весов с одной стороны – дополнительно возникающие продажи и прибыль, с другой – сначала сомнительная, но потом и безнадежная дебиторская задолженность. Определение конкретных составляющих каждой чаши весов и есть задача последующей части исследования.

Требования, которые предъявляют экспортёры к покупателям своей продукции, могут оказать значительное влияние на объёмы продаж. Если другие экспортёры постоянно облегчают условия покупки их продукции, это может

иметь достаточно негативные последствия. Продажа с рассрочкой платежа, в т.ч. покупателям с неоднозначной покупательной способностью, является одним из наиболее значимых факторов наращивания экспорта зерна и зернопродуктов. В рамках решения задачи максимизации экспортных продаж экспортёрам в общем случае необходимо снижать предъявляемые к покупателям требования до тех пор, пока рентабельность продаж на таких условиях всё ещё превышает дополнительные издержки. К последним необходимо отнести расходы вследствие возросшей маркетинговой, аналитической, юридической работы. Для дальнейшего изложения предположим, что обозначенные расходы учтены после расчёта финансового результата от дополнительных продаж, что позволит нам говорить об «очищенной» от этих расходов, но всё равно валовой рентабельности (маржинальности). Учёта требуют издержки, возникающие как результат бухгалтерского признания безнадёжных долгов – в силу своей специфики они должны быть рассмотрены отдельно.

В соответствии с теорией управленческого учёта и анализа, а также экономики предприятия, следует различать понятия «расходы», «затраты» и «издержки». В первом случае следует говорить о той части затрат, которые должны быть отнесены непосредственно на реализованную продукцию. Категория «затрат» оперирует всей суммой средств, направленных, например, на закупку товаров. Расчёт же издержек даёт нам возможность учитывать, что экспортёр направляет определённую часть своих средств в дебиторскую задолженность, поскольку осуществляет экспорт с рассрочкой платежа, вместо того, чтобы использовать их по какому-то другому направлению. В этом случае, дополнительный экспорт, но поскольку деньги ещё не поступили, то и дополнительная дебиторская задолженность, является следствием увеличения, во-первых, объёма реализации, во-вторых, среднего периода инкассации дебиторской задолженности. Важно принимать во внимание, что поскольку данной мерой (снижение стандартов кредитоспособности) привлекаются новые, но менее платёже-, кредитоспособные покупатели, то, логично предположить, и получение денег за поставленный им товар будет происходить медленнее. На практике,

смягчение условий поставок для одних клиентов может приводить к тому, что и проверенные покупатели будут относиться к соблюдению сроков платежей менее ответственно.

Для получения экономического обоснования целесообразности ослабления условий продаж, на которых будет осуществляться экспорт зерна и/или зернопродуктов, требуется информация о значении рентабельности дополнительных объёмов продаж, прогнозное значение увеличения спроса на зерновую продукцию, прирост среднего срока инкассации дебиторской задолженности и размер альтернативной доходности (рентабельности). В рамках более простых расчётов, мы исходим из того, что наращивание производства и последующего экспорта не будет требовать расширения материально-технической базы и будет достигнуто на имеющихся производственных мощностях (иначе будет требоваться также учёт возросших постоянных расходов).

Рассмотрим условный пример определения целесообразности ослабления условий экспортных продаж зерна и зернопродуктов. Введем ряд исходных допущений по значениям ключевых показателей, изменение которых позволяет моделировать ситуацию отдельно взятой организации-экспортера. Валовую рентабельность продаж примем равной 20% (в дальнейших расчётах 0,2, т.е. с каждого рубля продаж экспортёр имеет в среднем 20 коп. валовой прибыли). Текущий объём экспортных продаж составляет 1 млрд руб. и, не принимая во внимание ценовой фактор, объективных предпосылок для наращивания значения продаж на существующих рынках не прослеживается. Существующие покупатели рассчитываются в срок в среднем 1 мес. и, несмотря на то, что новым покупателям мы предоставляем срок 2 мес. (это и есть ослабление стандартов кредитоспособности), будут придерживаться такой платёжной дисциплины и далее (ситуация общего роста периода инкассации дебиторской задолженности также будет рассмотрена). По оценке экспертов рынка, потенциал прироста продаж составляет 25%, что доведёт значение экспорта до 1,25 млрд руб. Заключительным фактором, который необходимо принять во внимание, является процент альтернативной доходности. В качестве меры последней могут быть

приняты различные базы, один из наиболее распространенных вариантов - размер ключевой ставки, равный на момент проведения исследования 21% (в расчётах 0,21).

Наличие всего массива требуемой, обозначенной информации делает решение задачи определения целесообразности ослабления стандартов кредитоспособности в некотором роде технической. Её решение может быть реализовано на многовариантной основе, например, в среде Microsoft Excel.

Прежде всего, следует различать дополнительную выручку (дополнительный экспорт) и дополнительную прибыль:

- дополнительная выручка:

$$1250 - 1000 = 250 \text{ (млн руб.)};$$

- дополнительная прибыль:

$$250 \times 0,2 = 50 \text{ (млн руб.)}.$$

По условиям «старые» покупатели рассчитывались в среднем за 1 мес., т.е. количество оборотов дебиторской задолженности составляло 12 (12 мес. делить на 1), но «новые» покупатели рассчитываются за 2 мес., т.е. количество оборотов дополнительной дебиторской задолженности меньше и равно 6 (12 мес. / 2 мес.).

Соответственно дополнительная дебиторская задолженность будет рассчитана исходя из этого значения коэффициента оборачиваемости, а не по значению для «старых» покупателей:

$$250 / 6 = 41,67 \text{ (млн руб.)}.$$

Но, если организация осуществила продажи с отсрочкой платежа, т.е. в кредит, на сумму в 1 руб., имея валовую рентабельность в 20% (0,2), то непосредственно она направила в эти продажи не 1 руб., а 80 коп. (материалы, сырьё, оплата труда и т.д.). Это имеет значение, потому что инвестиции в дебиторскую задолженность и непосредственно дебиторская задолженность – не одно и то же. Разница между ними – это ожидание прибыли, но ещё неполучившая своего воплощения прибыль. Поэтому инвестиции с дебиторскую задолженность в обозначенных условиях:

$$41,67 \times 0,8 = 33,33 \text{ (млн руб.)}$$

Т.е., осуществив дополнительные продажи, экспорт, организация формально отвлекла из оборота 33,33 млн руб., с которых могла иметь сумму дополнительного дохода, в обозначенных условиях равного:

$$33,33 \times 0,21 = 7 \text{ (млн руб.)}$$

Вследствие очевидного превышения прибыли с дополнительных продаж над суммой необходимой прибыли с дополнительных инвестиций в дебиторскую задолженность (50 млн руб. против 7 млн руб.), экспортёру в обозначенных условиях явно целесообразно снижать так называемые стандарты кредитоспособности, т.е. требования к потенциальным покупателям российского зерна и зернопродуктов. Оптимальная политика в данном контексте будет выражаться в ослаблении требований до тех пор, пока предельная прибыль с дополнительных продаж не станет равной прибыли от средств, отвлечённых с требуемой доходностью в дебиторскую задолженность, необходимую для создания этих продаж. Вместе с тем, мы подходим к тому, что по мере ослабления стандартов кредитоспособности, повышается и общий риск, риск элементарного невозврата средств. В представленном изложении риск дефолта партнёров - покупателей российского зерна и зернопродуктов был временно проигнорирован, что, учитывая специфику покупателей российского зерна и зернопродуктов, не оправдано.

Риск дефолта партнёров, потерь по безнадёжным долгам в общем случае устанавливается в относительном, процентном выражении от суммы дополнительных продаж на основе ретроспективных значений (продаж и потерь соответственно). Очевидно, что прорабатывая ситуацию регионального экспорта зерна и, особенно, зернопродуктов в страны с неоднозначной покупательной способностью необходимо закладывать более высокий процент потерь.

Введение фактора риска дефолта результаты обозначенных выше расчётов корректируем представленным ниже образом (рассмотрим условные ситуации риска дефолта 10% и 20% при неизменности всех прочих условий):

- финансовый результат в условиях риска дефолта в размере 10% от до-

полнительных продаж:

$$50 - 250 \times 0,1 - 7 = 18 \text{ (млн руб.)};$$

- финансовый результат в условиях риска дефолта в размере 20% от дополнительных продаж:

$$50 - 250 \times 0,2 - 7 = -7 \text{ (млн руб.)};$$

Предельную величину риска дефолта (X) при прочих равных условиях можно было рассчитать по следующему алгоритму:

$$50 - 250 \times X - 7 = 0,$$

$$43 = 250 \times X,$$

$$X = 43 / 250 = 0,172 \text{ (17,2\%)}.$$

Значение в 17,2% означает, что каждый шестой рубль дополнительных экспортных продаж подвергается в обозначенных допущениях риску невозврата, причём именно полного непогашения, т.е. потери, а не более отдалённой оплаты, что также будет рассмотрено.

Обозначенные процедуры, сформированные заключения свидетельствуют о том, что плано-аналитическая работа в организациях-экспортёрах должна быть реализована на максимально высоком профессиональном уровне. Более того, риск невозвратных продаж может иметь место не только по новым покупателям, он может / должен закладываться и по существующим направлениям продаж.

Предложенная мера носит избирательный характер, поскольку более длительный срок погашения дебиторской задолженности (2 мес.) предлагается только новым покупателям российского зерна и зернопродуктов, по новым направлениям. Выше уже делалась ремарка о том, что существующие покупатели в этом случае могут быть справедливо недовольны этой избирательностью, замедляя и свои расчёты тоже. Компания-экспортёр, стремясь к расширению своих продаж, может пойти по пути удлинения своих временных требований для всех существующих покупателей, что, в общем случае, создаёт дополнительную привлекательность и для потенциально новых клиентов. Существующие же покупатели расширяют в более благоприятных условиях объёмы заку-

паемого зерна и зернопродуктов. Представим, иными словами, экономическое обоснование расширения экспортных продаж за счёт увеличения периода кредитования (среднего срока погашения дебиторской задолженности). Выгода экспортера – в расширении продаж, наращивании прибыли; выгода покупателя – в более комфортных условиях расчёта за приобретённую продукцию.

Временные аспекты осуществления взаимоотношений продавца и покупателя экспортного товара базируются на неких устоявшихся практиках. Одним из инструментов экспортёра, позволяющих повысить спрос на продукцию, является период, предоставляемый покупателю для расчёта за поставленную продукцию. Общее построение выполняемых расчётов принципиально такое же – необходимо сопоставить прибыль, возникающую от дополнительных продаж, с так называемой «требуемой», минимальной прибылью от дополнительных инвестиций в дебиторскую задолженность, расчёт которой, однако, имеет ряд отличительных особенностей.

Модифицируем ранее представленный условный пример в той части, что срок предоставления рассрочки за поставленную продукцию увеличивается с 1 до 2 мес. при том, что текущий средний срок погашения дебиторской задолженности равен 1 мес. Прирост продаж принимаем равным 15% от исходного значения в 1 млрд руб., что эквивалентно 150 млн руб. При уже упоминавшейся валовой рентабельности продаж 20%, дополнительная прибыль составит:

$$150 \times 0,2 = 30 \text{ (млн руб.)}.$$

При анализе второй чаши весов необходимо помнить, что дополнительная дебиторская задолженность состоит из двух частей.

Первая часть приросшей дебиторской задолженности возникла именно на новых продажах. Поскольку в новых условиях коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности сокращается с исходных 12 до 6 оборотов, дополнительная дебиторская задолженность, связанная именно с новыми продажами, будет равна:

$$30 / 6 = 5 \text{ (млн руб.)},$$

но инвестиции в дебиторскую задолженность будут ниже в соответствии

с долей переменных затрат в выручке:

$$5 \times 0,8 = 4 \text{ (млн руб.)}$$

Вторая часть дополнительной дебиторской задолженности возникла вследствие более медленного погашения дебиторской задолженности уже существовавших дебиторов. В прежних условиях сумма дебиторской задолженности равнялась:

$$1000 / 12 = 83,33 \text{ (млн руб.)}$$

но в новых условиях возрастает до:

$$1000 / 6 = 166,67 \text{ (млн руб.)}$$

Соответственно, прирост дебиторской задолженности на «старых» покупателях составит:

$$166,67 - 83,33 = 83,34 \text{ (млн руб.)}$$

Таким образом, в соответствии с теорией маржинального (предельного) анализа, инвестиции в эту часть дополнительной дебиторской задолженности составят 83,34 млн руб., поскольку увеличение переменных издержек как причина роста дебиторской задолженности будет иметь отношение только к новым продажам. В целом суммарные инвестиции в дополнительную дебиторскую задолженность составят:

$$4 + 83,34 = 87,34 \text{ (млн руб.)}$$

требуемая прибыль от которых равна:

$$87,34 \times 0,21 = 18,34 \text{ (млн руб.)}$$

В условиях принятых допущений, сопоставление дополнительно возникающей прибыли (30 млн руб.) существенно превышает издержки, связанные с дополнительным отвлечением средств в дебиторскую задолженность (18,34 млн руб.), свидетельствуя об эффективности мер.

Отметим, однако, что существенная часть ($83,34 / 87,34 \times 100 = 95,42\%$) прироста дополнительного инвестирования поступает от первоначальных покупателей, совершающих в новых условиях свои платежи медленнее, чем до внедрения мероприятия. Отмеченным фактом мы желаем указать на неоднозначность цели достижения расширения экспортных продаж едва ли не любыми

ми средствами. Чрезмерно «увлекшись» данной возможностью наращивания экспорта, мы в общем-то усугубляем и без того непростую практическую задачу кризиса системы платежей, возникшую как следствие недружественных мер стран коллективного Запада. Задача расширения регионального экспорта зерна и зернопродуктов носит оптимизационный характер поиска компромисса между собственно наращиванием количественного показателя экспорта и дальнейшим возвращением заработанных средств в российскую юрисдикцию.

Таким образом, нами установлено, что квотирование зернового экспорта, создав ситуацию сдвига кривой производственных возможностей регионального экспорта приводит к сокращению числа возможных сочетаний производства и дальнейшего экспорта зерна и зернопродуктов, искажает расчёт выпуска и экспорта зернопродуктов при выпуске и экспорте дополнительной единицы зерна, равно как и потерь выпуска и экспорта зерна при выпуске и экспорте дополнительной единицы зернопродуктов, по-иному определяет расчёт запаса финансовой прочности в маргинальном анализе. Смещение кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов вынуждает более дифференцировано подходить к вопросам расширения продаж, для чего могут быть использованы такие меры как снижение стандартов кредитоспособности, изменение сроков расчёта за поставленную продукцию. Решение в каждом конкретном случае принимается на основе сопоставления суммы прибыли возникающей с дополнительных продаж с суммой издержек, в т.ч. неявных (альтернативных), связанных с существенным ростом отвлечения средств в дебиторскую задолженность иностранных покупателей. Сопоставление выгод и потерь целесообразнее реализовывать в многовариантных расчётах и на периодической основе, поскольку должно приниматься во внимание достаточно большое количество в т.ч. внешних по своей экономической сути факторов (ключевая ставка, экономическое положение страны-импортера и др.). Расширение экспорта в страны со сложным экономическим положением усиливает риски последующего их взыскания.

2.3. Интересы государства в расширении регионального экспорта зерна и зернопродуктов

На первый взгляд, интересы государства в части развития, расширения экспорта зерна и зернопродуктов состоят в максимизации абсолютных значений экспорта. И действительно, чем больше экспорт, тем более результативной можно считать соответствующую политику органов власти. Вместе с тем, односторонность представленного подхода вскрывается при моделировании следующего примера. Допустим, одним регионом осуществлен экспорт зерновой продукции на сумму 1000 ден. ед. при понесённых прямых материальных затратах в сумме 800 ден. ед., что означает получение добавленной стоимости в размере 200 ден. ед. Другой регион осуществил экспорт на сумму 1100 ден. ед. при материальных затратах в 1000 ден. ед., т.е. добавленная стоимость в этом варианте равна 100 ден. ед. Второй из рассмотренных регионов получил более высокий размер результата – экспорта, но зададимся вопросом – является ли результат эффектом? В первом регионе осталась добавленная стоимость в 200 ден. ед., что больше соответствующей величины второго региона – 100 ден. ед. Как видим, ситуация уже не столь однозначна – продукции вывезено больше, но развития регион получил меньше.

Проводя аналогию с коммерческой организацией, целью деятельности которой является максимизация прибыли, можно утверждать, что целью деятельности руководства экспортоориентированного региона в рассматриваемом нами контексте следует считать максимизацию добавленной стоимости от осуществленного экспорта. Совершенно различным будет вклад в региональное развитие экспорта переработанного леса и мебели, металла и металлоконструкций, нефти и бензина, зерна и зернопродуктов. Дополнительная добавленная стоимость включает в себя возросшую оплату труда и дополнительные социальные отчисления, амортизацию по дополнительно введённым основным фондам, прирост прибыли. Таким образом, в регионе с более высокой добавленной стоимостью осуществляются развитие трудовых ресурсов, укрепление и

расширение материально-технической базы, происходит экономическое развитие предприятий региона, растёт инвестиционная привлекательность, импульс к развитию получают и сопутствующие виды предпринимательской деятельности.

Принимая добавленную стоимость как свидетельство, формальное выражение развития экспорта региона, необходимо указать, что это абсолютный показатель со всеми свойственными ему недостатками. Рассмотрим – является ли более эффективным третий регион, осуществивший экспорт на сумму 2000 ден. ед. в условиях материальных затрат в размере 1700 ден. ед., т.е. сформировавший новую добавленную стоимость в 300 ден. ед. Опираясь на новое значение добавленной стоимости, третий регион следует признать безоговорочным лидером, но, сравнивая третий и первый регионы, мы можем констатировать, что третий регион имеет добавленную стоимость в 1,5 раза больше (300 против 200), но в условиях в 2 раза большей величины самого экспорта (2000 против 1000) и понесённых материальных затрат (1700 против 800).

Обозначенные факты возвращают нас к необходимости рассмотрения вопроса измерения эффективности экспорта – добавленную стоимость более оправданно соотносить с самим экспортом или понесёнными при этом материальными затратами? Не в пользу первого варианта расчёта свидетельствует то обстоятельство, что прирост добавленной стоимости, т.е. числителя, фактически тут же имеет место и в приросте самого экспорта, т.е. знаменателя. Иными словами, часть эффекта «скрадывается». Сопоставление же добавленной стоимости с материальными затратами обозначенного недостатка лишено, поскольку соотносятся независимые друг от друга величины.

Таким образом, применительно к экспорту зерновой продукции, нами осуществлено принципиально важное разграничение категорий результата, эффекта и эффективности, под которыми мы будем подразумевать непосредственно экспорт, добавленную стоимость и эффективность экспорта по добавленной стоимости. Свообразными аналогами представленных величин для практики «обычной», не обязательно экспортоориентированной коммерческой

организации будут являться выручка, прибыль и рентабельность производства.

Уточнение сущностных характеристик результата, эффекта и эффективности регионального экспорта зерна и зернопродуктов представляет собой значимое развитие научно-теоретической основы исследуемого вопроса, требуя, однако, дальнейшего развития и практического инструментария, направленного на формализованное представление максимально управляемых в повседневной управленческой деятельности факторов.

Решение поставленной задачи может быть организовано по-разному. Одним из подходов является агрегирование в рамках информационного массива максимально большого количества переменных, последующее проведение корреляционно-регрессионного анализа и формирование уравнения регрессии, определяющего вероятностную, стохастическую взаимосвязь результирующего показателя и влияющих переменных. Не отрицая данной возможности, отметим, тем не менее, что данный подход должен быть реализован тогда и только тогда, когда были исчерпаны все возможности построения детерминированных факторных моделей, т.е. тех моделей результирующего показателя, которые отражают именно чёткий, формализованный характер взаимосвязей, а не, как уже указывалось, вероятностный. Нет никакой ни научной, ни практической нужды в построении каких-либо гипотетических, теоретических конструкций, когда инструменты экономико-математического моделирования не задействованы в той степени, какой они заслуживают по причине своего формализованного, экономико-математического обоснования.

Результирующим показателем эффективности регионального экспорта зерна и зернопродуктов мы принимаем отношение добавленной в процессе производства и экспорта зерна и зернопродуктов стоимости к материальным затратам, требуемым для создания этой стоимости:

$$\text{ЭЭДС} = \frac{\text{ДС}}{\text{МЗ}}, \quad (11)$$

где ЭЭДС – эффективность экспорта по добавленной стоимости;

ДС – добавленная стоимость, млн руб.;

МЗ – материальные затраты, млн руб.

Формализуем также наше понимание добавленной стоимости:

$$ДС = ОТ + СО + АО + ПЗ + ЕВІТ, \quad (12)$$

где ОТ – оплата труда, млн руб.;

СО – социальные отчисления, млн руб.;

АО – амортизационные отчисления, млн руб.;

ПЗ – прочие затраты, млн руб.;

ЕВІТ – прибыль до выплаты процентов и налогов, млн руб.

Использование нами прибыли до выплаты процентов и налогов, а не других видов прибыли, например, прибыли до налогообложения или чистой прибыли, обусловлено стремлением к исключению внешних по своей сути к операционным процессам производителей и экспортёров зерновой продукции факторов финансовой нагрузки (проценты к уплате) и налогообложения (в части налогообложения прибыли).

Существенным преимуществом оценки эффективности экспорта по обозначенным показателям является их общедоступность, поскольку все они прямо или опосредовано могут быть получены из внешней отчётности экспортёров, независимо от того как эта отчётность составляется – по федеральным (российским) или международным стандартам. Не имеющим прямого выражения в российской финансовой отчётности является только показатель ЕВІТ, но его можно получить увеличением прибыли до налогообложения на сумму процентов к уплате.

Дальнейшее развитие аналитического, управленческого инструментария нами предлагается осуществить посредством применения приёма аналитического расширения, суть которого состоит во введении в исходную модель эффективности экспорта по добавленной стоимости ключевых управляемых пе-

ременных. Сама по себе модель результирующего показателя (11) также является пригодной для проведения факторного анализа, поскольку даёт возможность, посредством применения способа цепных подстановок, определить влияние фактора добавленной стоимости и материальных затрат. Но представленные показатели являются абсолютными и имеют слабый информационный, аналитический потенциал.

Количество вводимых переменных произвольно и определяется лишь аналитической ценностью, наличием, равно как и отсутствием, смысла в формируемых соотношениях. Проиллюстрируем высказывание в рамках попытки формирования двухфакторной модели эффективности экспорта по добавленной стоимости путём введения показателя экспорта. Введение данного показателя в общем случае оправдано, т.к. он отражает, как уже указывалось, результат экспортной деятельности. Однако, забегая вперёд, отметим, что важен не столько сам вводимый показатель, сколько формируемое с его помощью соотношение. Итак, за счёт введения показателя экспорта зерна и зернопродуктов мы получаем следующую модель эффективности экспорта по добавленной стоимости:

$$\text{ЭЭДС} = \frac{\text{ДС}}{\text{Э}} \times \frac{\text{Э}}{\text{МЗ}}, \quad (13)$$

где Э – экспорт зерна и зернопродуктов, млн руб.

Значения экспорта (Э) в представленной модели (13) перечеркнуты, означая возможность их взаимного сокращения, что, в свою очередь, подтверждает правильность построения модели, т.к. возвращает нас к модели (11).

Принимая отношение добавленной стоимости к непосредственной величине экспорта как рентабельность экспорта по добавленной стоимости, а также учитывая, что экспорт в своём представлении через добавленную стоимость есть сумма материальных затрат и собственно добавленной стоимости, целевой показатель принимает следующий вид:

$$\begin{aligned} \text{ЭЭДС} &= \left(\frac{\text{ДС}}{\text{Э}} \right) \times \left(\frac{\text{МЗ} + \text{ОТ} + \text{СО} + \text{АО} + \text{ПЗ} + \text{ЕВИТ}}{\text{МЗ}} \right) = \\ &= R_{\text{э,дс}} \times \left(\frac{\text{МЗ}}{\text{МЗ}} + \frac{\text{ОТ} + \text{СО} + \text{АО} + \text{ПЗ} + \text{ЕВИТ}}{\text{МЗ}} \right) = R_{\text{э,дс}} \times (1 + \text{ЭЭДС}) \end{aligned} \quad (14)$$

где $R_{\text{э,дс}}$ – рентабельность экспорта по добавленной стоимости, доли единицы.

Осуществим дальнейшие преобразования с целью упрощения представления интересующего нас показателя:

$$\text{ЭЭДС} = R_{\text{э,дс}} + R_{\text{э,дс}} \times \text{ЭЭДС}, \quad (15)$$

$$\text{ЭЭДС} - R_{\text{э,дс}} \times \text{ЭЭДС} = R_{\text{э,дс}}, \quad (16)$$

$$\text{ЭЭДС} \times (1 - R_{\text{э,дс}}) = R_{\text{э,дс}}, \quad (17)$$

$$\text{ЭЭДС} = \frac{R_{\text{э,дс}}}{1 - R_{\text{э,дс}}}. \quad (18)$$

Таким образом, вводимый нами показатель эффективности экспорта по добавленной стоимости есть величина, непосредственно зависящая от рентабельности экспорта, но превышающая её значение. Так, при рентабельности экспорта по добавленной стоимости 20% (0,2), эффективность экспорта по добавленной стоимости составит:

$$\frac{0,2}{1 - 0,2} = \frac{0,2}{0,8} = 0,25 \text{ (25\%)}. \quad (19)$$

Рост рентабельности экспорта по добавленной стоимости создаёт предпосылки для опережающего роста эффективности экспорта по добавленной стоимости. Например, увеличение рентабельности экспорта по добавленной стоимости в 2 раза, до 40% (0,4), увеличит эффективность экспорта по добавленной стоимости до:

$$\frac{0,4}{1 - 0,4} = \frac{0,4}{0,6} = 0,67 \text{ (67\%)}. \quad (20)$$

Расширение исходной модели до многофакторной допускает возможность неединичного введения новых факторов. Так, исходная модель (11) может быть расширена за счёт введения факторов экспорта, суммы активов, являющихся воплощением имущественного потенциала экспортёров зерна региона, а также их собственного капитала, что, как будет показано далее, характеризует финансовую зависимость производителей, трейдеров от внешнего финансирования:

$$\text{ЭЭДС} = \frac{\text{ДС}}{\text{Э}} \times \frac{\text{Э}}{\text{А}} \times \frac{\text{А}}{\text{СК}} \times \frac{\text{СК}}{\text{МЗ}}, \quad (19)$$

где А – среднегодовая величина активов (имущества) экспортёров, млн руб.;

СК – средняя величина собственного капитала экспортёров, млн руб.

Преимущества модели (19) по сравнению с моделью (13) состоят, прежде всего, в её более обширном наполнении: целевая функция ставится в зависимость от 4 управляемых переменных, каждая из которых имеет очевидное экономическое наполнение:

- рентабельность экспорта (первая дробь) характеризует величину отдачи в виде добавленной стоимости с каждого рубля экспортных продаж. Важно отметить, что добавленная стоимость – «сборный» показатель, а значит возникают возможности для глубокой детализации в части трудовой, инвестиционной (через амортизацию), экономической (через прибыль) составляющих;

- коэффициент оборачиваемости активов (вторая дробь) иллюстрирует количество оборотов активов, задействованных в экспортной деятельности зерновых организаций региона. Активы, как известно из действующей формы бухгалтерского баланса, могут быть представлены как сумма внеоборотных и оборотных активов, что даёт возможность углубить анализ в части получения оценок оборачиваемости внеоборотных активов, прежде всего, основных фондов, и оборотных активов. Вместе с тем, обозначенное углубление анализа существенно усложнит процедурную часть проводимого анализа (если он не автома-

тизирован, не «оцифрован»), поскольку приведёт к преобразованию мультипликативной модели в смешанную, необходимости реализации анализа не через относительно простой способ абсолютных разниц, а через более трудоёмкий способ цепных подстановок;

- мультипликатор капитала (третья дробь), как показатель, обратный коэффициенту автономии (финансовой независимости), даёт представление о степени зависимости зерновых организаций, трейдеров от внешнего финансирования. Для упрощения понимания экономической сути мультипликатор капитала может быть преобразован в коэффициент автономии, но это, однако, усложнит процедурную часть проводимого анализа, т.к. приведёт к формированию не мультипликативной, а кратной факторной модели;

- покрытие собственным капиталом материальных затрат (четвёртая дробь) уже одним своим фактом появления в модели в некотором смысле расставляет приоритеты финансирования: текущая деятельность, материальные затраты должны покрываться собственными средствами организаций, расширение же капитальной базы – в т.ч. за счёт кредитного и в целом внешнего финансирования.

Если не реализовывать те преобразования, которые были обозначены при рассмотрении второй и третьей дробей, то модель останется мультипликативной, а значит факторный анализ может быть реализован способом абсолютных разниц.

Построение факторной модели эффективности экспорта по добавленной стоимости, как уже указывалось, вариативно. Это означает возможность смены одного показателя другим, детализация. Например, в модели (19) может быть использована не величина активов, а среднегодовая сумма запасов (с вынужденной корректировкой расчёта по второму и третьему соотношениям), на что тоже есть, как будет показано ниже, своё экономическое обоснование.

Высокие переходящие запасы на современном этапе составляют одну из характерных черт зернового сектора Российской Федерации, фактически абсорбируя в своей итоговой величине не востребованную, нереализованную ни

внутри страны, ни за рубежом часть зерновой продукции, являясь при этом, согласно формуле товарного баланса, одним из факторов дальнейшего наращивания экспорта.

Зерно и продукты на его основе характеризуются потенциально хорошей сохраняемостью, высокой запасопригодностью, что согласуется с исключительно большой ролью хлеба и хлебобулочных изделий в рационе питания большинства россиян. Продовольственная безопасность определяется прежде всего готовностью к производству зерна в размере, в соответствии с «Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации», 95% годового потребления всех его видов.

Природные явления последних лет, наблюдаемые на территории Российской Федерации, не имели негативных катастрофических последствий, что, однако, не исключает их в принципе. Засухи, наводнения и другие природные катаклизмы с достаточно низкой вероятностью приведут к отсутствию урожая как такового. Продовольственная безопасность определяется, по нашему мнению, не только динамическим показателем годового производства, но и статическим показателем уровня запасов по состоянию на начало года, которого должно быть достаточно для обеспечения потребления в течение заданного периода времени. Сформированные в Российской Федерации запасы зерна позволяли в последние годы обеспечить внутреннее потребление в течение практически полного года (рисунок 11).

Несмотря на выраженную вариабельность полученных значений, нетрудно проследить также и общую повышательную тенденцию количества дней потребления зерна в стране, обеспеченных ранее сформированными запасами – по итогам последних 5 лет анализируемого временного диапазона значение колебалось вокруг годового уровня и составило 369 дн. по итогам 2021 г.

Задача наращивания экспорта имеет оптимизационный характер и предполагает поиск определённого компромисса между стремлением к обеспечению гарантированного минимума запасов и продажей излишков зерна и зернопродуктов. Высокие урожаи отдельных лет оцениваются положительно, поскольку

создают основу для формирования существенного запаса. Но обеспеченность зерном в 437 дней, фиксированная за 2018 г., также в некотором роде избыточна.

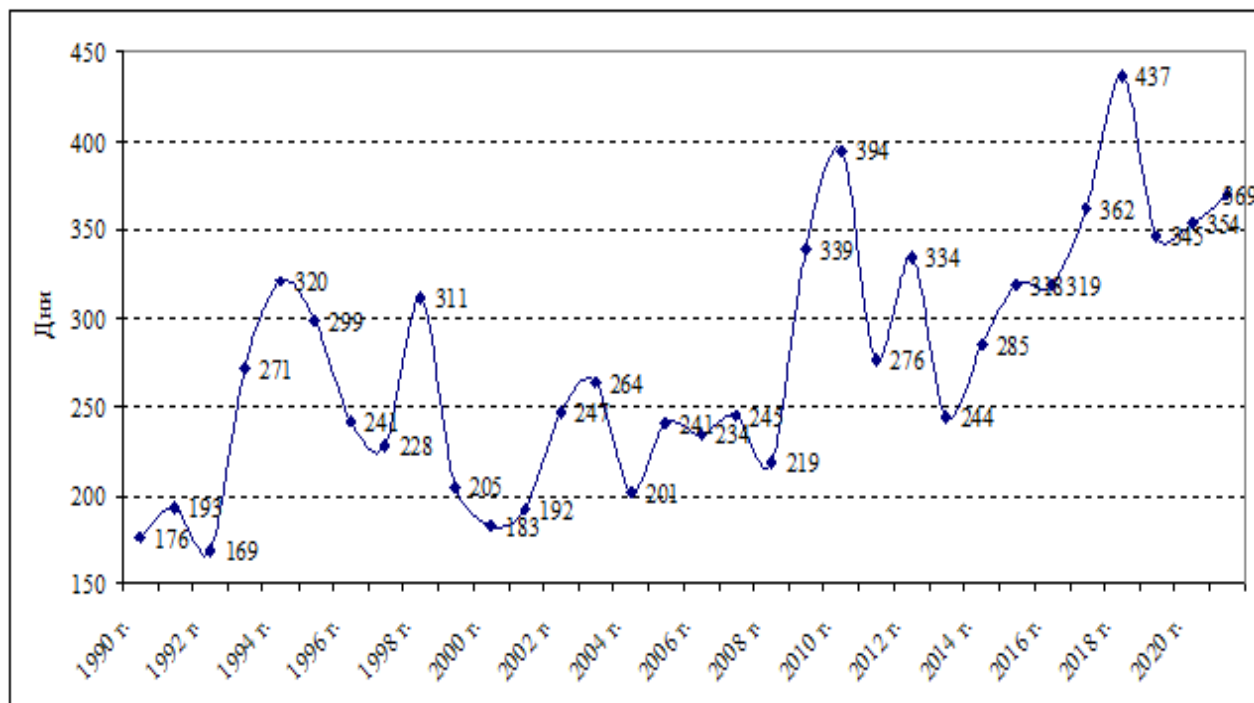

Рисунок 11 – Обеспеченность запасами зерна в Российской Федерации в 1990-2021 гг., дни (расчитано автором по данным Росстата)

Соискателем предлагается использование не только 95%-го уровня продовольственной независимости по отношению к величине годового потребления (в соответствии с «Доктриной продовольственной безопасности»), но и определение уровня формируемых запасов зерна, которого, как уже указывалось, должно быть достаточно для обеспечения потребления в течение предусмотренного периода времени.

Решение задачи формирования и непосредственной реализации на практике моделей управления запасами зерновой продукции имеет в своей основе использование уже существующего инструментария складской, транспортной логистики, но также требует учёта современной тенденции цифровизации международной торговли, сезонного характера операционных процессов зернового производства.

Несмотря на по-прежнему небольшую часть проводимых через Национальную товарную биржу (НТБ) торгов зерновыми, составивших по итогам 2024 г. 1,3 млн т – менее 1% объёма производства, перспектива оцифровки движения зерна, в т.ч. на экспорт, безусловна. Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.04.2025 г. №581 с 1 мая 2025 г. запущен масштабный проект по цифровизации перевозки зерна, в рамках которого будет налажено информационное взаимодействие государственных систем ГИС ЭПД, ФГИС «Зерно», АИС Налог 3. Минсельхозом России в рамках интеграции различных информационных систем инициировано информационное взаимодействие ФГИС «Зерно» и НТБ. Биржевая торговля продукцией АПК находится в сфере интересов ФАС России, представитель которой на Всероссийском зерновом форуме 2025 г. Ю.Е. Кокунова определила соответствующие биржевые механизмы значимым инструментом формирования экспортных пошлин. Интерес к проекту зерновой биржи БРИКС фиксируется со стороны зарубежных партнёров, в частности, Восточноафриканского зернового совета.

Разработанные в академической среде модели управления запасами в своём исходном построении лишь в самых общих чертах допускают сезонную составляющую зернового производства, предполагая, в частности, относительную равномерность поступления запасов, что, очевидно, не характерно для зернового производства, поскольку сбор урожая зерновой продукции происходит в относительно короткий промежуток времени. Обозначенные аспекты свидетельствуют о практической целесообразности адаптации существующих моделей управления запасами под задачи специфического в целом их образования, усложняемые при этом требованиями продовольственной безопасности.

Модель (19) давала возможность представить результирующий показатель эффективности экспорта по добавленной стоимости через рентабельность экспорта по добавленной стоимости, коэффициент оборачиваемости активов (или, как вариант, запасов), мультипликатор капитала (или отношение запасов к собственному капиталу), а также покрытие собственным капиталом материальных затрат. При необходимости акцент в проводимом анализе, разработке по-

следующих управленческих решений может быть смещён в пользу других аспектов, характеризуемых моделью (20):

$$\text{ЭЭДС} = \frac{\text{ДС}}{\text{Э}} \times \frac{\text{Э}}{\text{П}} \times \frac{\text{П}}{\text{ОФ}} \times \frac{\text{ОФ}}{\text{МЗ}}, \quad (20)$$

где П – производство зерна и зернопродуктов в регионе, млн руб.;

ОФ – среднегодовая величина основных фондов экспортёров, млн руб.

В модель (20) введены два новых показателя, но новых соотношений – три:

- доля экспорта в совокупном производстве зерновой продукции региона (вторая дробь). Развитие экспорта на региональном уровне, как очевидно, будет сопровождаться ростом показателя;

- фондоотдача (третье соотношение). Нарращивание эффективности экспорта по добавленной стоимости предполагает увеличение отдачи в виде экспортных продаж с каждого рубля, вложенного экспортёрами в основные фонды;

- соотношение среднегодовой стоимости основных фондов с материальными затратами (четвертое соотношение) фактически является «требованием» ко всё большей фондовооружённости производства зерна и зернопродуктов.

Представленные вариации расчёта показателя эффективности экспорта по добавленной стоимости дают возможность выбора соответствующего инструментария управленческих решений, включая решения по финансированию, обновлению материально-технической базы, интенсификации её использования, доказывая, что выбранный показатель имеет не только научно-теоретическую обоснованность, но и практическую реализуемость.

В целом, по результатам второй главы диссертационного исследования, можно сделать вывод, что, несмотря на искажающие рыночные процессы вмешательство государства, выражающееся в квотировании экспортных поставок зерна, имеет и положительные последствия, состоящие в вынужденном для производителей и трейдеров смещении внимания с производства и экспорта

зерновой продукции низких переделов в пользу зернопродуктов с более высокой добавленной стоимостью. Потери прибыли, обусловленные появлением зоны неэффективности на кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов, должны быть сопоставлены с дополнительно генерируемой прибылью в зоне дополнительной производства и экспорта зернопродуктов, скорректированной на дополнительные затраты, в т.ч. неявные. Не способствуют отработанности экспортной региональной политики нестабильность субъектного состава экспортёров, неустойчивость размера выделяемой на экспортёров региона квоты, продолжающаяся неадекватность размера установленной квоты потенциалу региона. Квотирование зернового экспорта сокращает количество возможных вариантов сочетаний одновременного производства зерна и зернопродуктов, корректирует ряд положений маржинального анализа. Решение задач расширения продаж зернопродуктов, а не зерна, требует применения вариативных расчётов по сопоставлению прибыли, альтернативных издержек. Расчёт эффективности экспорта предлагается осуществлять, опираясь на показатель добавленной стоимости и производные от него факторные модели.

3. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЭКСПОРТА ЗЕРНА И ЗЕРНОПРОДУКТОВ

3.1. Анализ динамики, состава и структуры аграрного экспорта Российской Федерации

В условиях внешнеполитических сложностей аграрный экспорт Российской Федерации выгодно отличается однонаправленной динамикой его увеличения – за период с 2019 по 2023 г. экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) увеличился, по данным «Российских статистических ежегодников» [191, 192, 193, 194, 195], ссылающихся, в свою очередь, на ФТС России, с 24,84 до 43,10 млрд долл. США, т.е. на 18,26 млрд долл. США или 73,51% (рисунок 12).

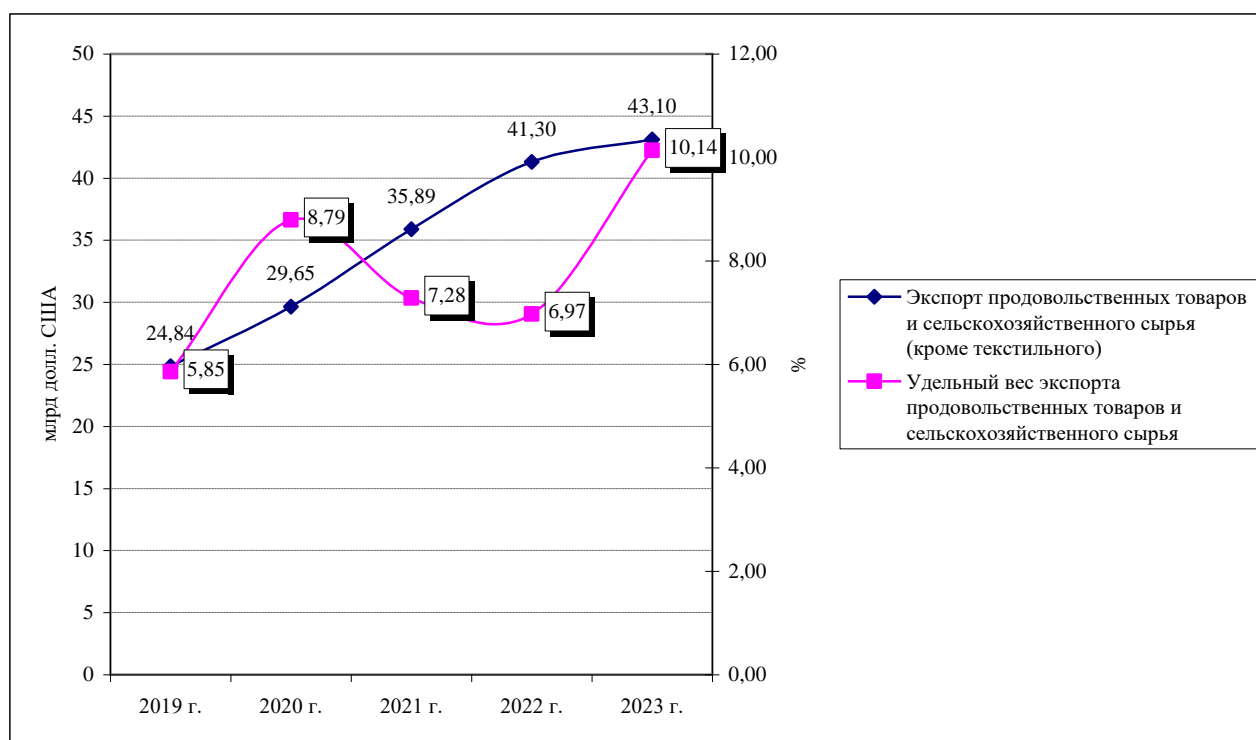

Рисунок 12 – Динамика величины и удельного веса экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) в общей его величине в РФ за 2019-2023 гг. (составлено по [191, 192, 193, 194, 195])

Общая величина экспорта Российской Федерации в анализируемом временном диапазоне 2019-2023 гг., напротив, характеризовалась существенной неустойчивостью динамики. Так, по итогам 2020 г. экспорт Российской Федерации снизился с 424,26 до 337,3 млрд долл. США, т.е. на 86,96 млрд долл. США или 20,50%, в 2021 г. показатель увеличился до 492,91 млрд долл. США, т.е. на 155,61 млрд долл. США или 46,13%, в 2022 г. – до максимальных 592,5 млрд долл. США, т.е. на 99,59 млрд долл. США или 20,20%, но снизился в 2023 г. до 425,1 млрд долл. США, т.е. на 167,4 млрд долл. США или 28,25%. Вследствие этого, колеблемой была и доля аграрного экспорта – в 2020 г. анализируемая величина составила 8,79%, что означает прирост в 2,94 процентных пункта (п.п.) против значения годом ранее в 5,85%, в 2021 и 2022 гг. показатель сокращался сначала до 7,28% (на 1,51 п.п.), затем до 6,97% (на 1,31 п.п.), но превысил по итогам 2023 г. знаковый уровень в 10%, составив 10,14% соответственно.

Федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза Российской Федерации, далее также ФГБУ «Агроэкспорт», предлагает разделять весь аграрный экспорт на следующим товарным позициям: зерновые, масложировая продукция, продукция пищевой и перерабатывающей промышленности, рыба и рыбопродукты, мясная и молочная продукция, а также прочая продукция АПК. ФГБУ «Агроэкспорт» установлено, что темпы роста российского экспорта сельскохозяйственной продукции по обозначенным группам существенно варьировались (2024 г. к 2020 г.):

- зерновые: 12,0%;
- масложировая продукция: 15,7%;
- продукция пищевой и перерабатывающей промышленности: 4,4%;
- рыба и рыбопродукты: -2,0%;
- мясная и молочная продукция: 16,9%;
- прочая продукция АПК: 8,5% [284].

Несмотря на обозначенные различия в динамике, структура российского аграрного экспорта за период с 2020 по 2024 гг. кардинальных изменений не

претерпела (рисунок 13), по-прежнему характеризуюсь существенным преобладанием в структуре экспорта зерновых (+4 п.п.), продукции масложировой отрасли (+4 п.п.), прирост доли которых компенсировал сокращение удельного веса продукции пищевой и перерабатывающей промышленности (-3 п.п.), рыбы и морепродуктов (-6 п.п.) в условиях относительной стабильности значений удельного веса других групп – мясной и молочной продукции (+1 п.п.), а также прочей продукции АПК (изменений при сопоставлении крайних значений не имеется).

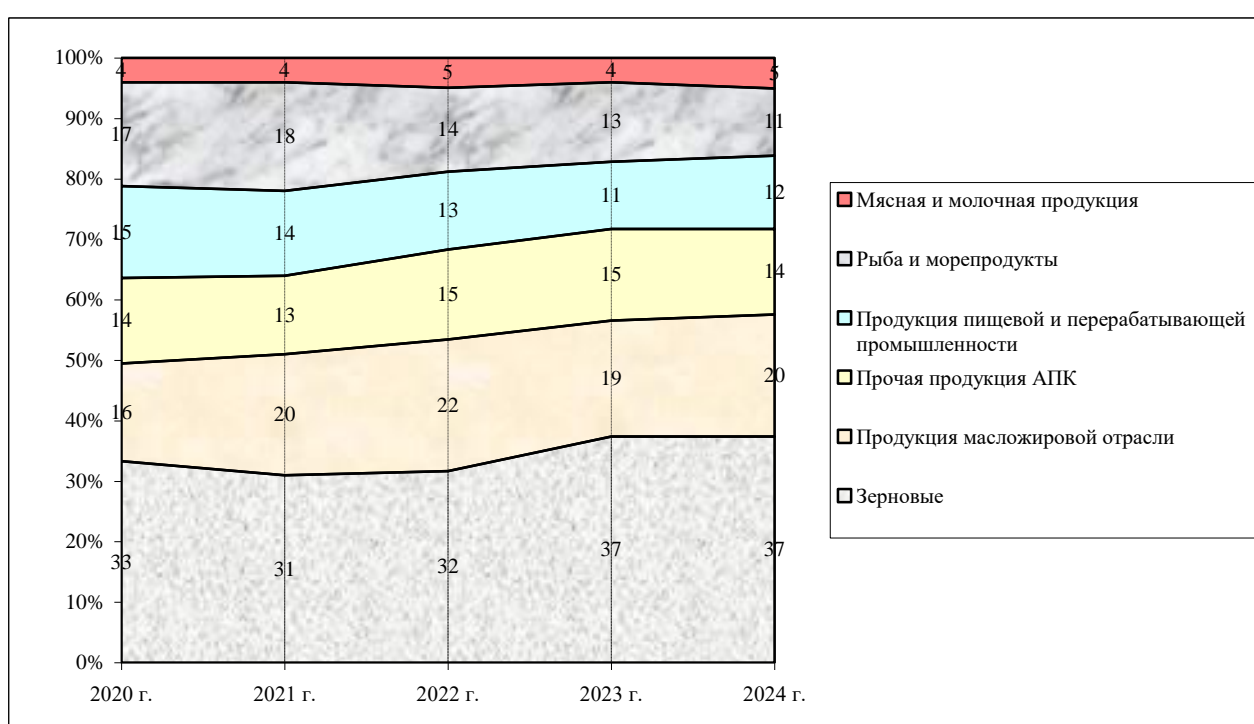

Рисунок 13 – Динамика структуры аграрного экспорта Российской Федерации за период 2020-2024 гг., % [4, 5, 6, 7, 8]

В территориальном аспекте экспортные поставки, как и в предшествующие периоды, отличаются достаточно высокой концентрацией – на 10 основных субъектов, обозначенных ниже, приходится 2/3 всего аграрного экспорта. ТОП-10 регионов в порядке убывания включает (2024 г.): г. Москва (8892 млн долл. США, 20,44%), Ростовская область (7211 млн долл. США, 16,58%), Краснодарский край (2606 млн долл. США, 5,99%), Московская область (2276 млн

долл. США, 5,23%), Приморский край (1859 млн долл. США, 4,27%), Калининградская область (1469 млн долл. США, 3,38%), Белгородская область (1379 млн долл. США, 3,17%), Липецкая область (957 млн долл. США, 2,2%), Курская область (940 млн долл. США, 2,17%), г. Санкт-Петербург (880 млн долл. США, 2,02%).

В целом к регионам-лидерам, формальным критерием чего является объём регионального аграрного экспорта в 800 млн долл. США и больше, по итогам 2024 г. отнесено 13 субъектов Российской Федерации, чей вклад в совокупный экспорт страны составил 71,7% от общего итога.

К значимым регионам, по методике Федерального центра «Агроэкспорт», отнесено 16 субъектов Российской Федерации – они обеспечивают экспорт аграрной продукции в интервале значений от 300 до 800 млн долл. США. Доля субъектов названной группы в совокупном итоге составила в 2024 г. 18,7%.

Так называемые «регионы с умеренным объёмом экспорта» должны обеспечивать последний в размере от 50 до 300 млн долл. США. Таковых в Российской Федерации существенно больше – 24. Однако, наибольшее число субъектов Российской Федерации относятся к «регионам, не ориентированным на экспорт» продукции АПК – 36 субъектов Российской Федерации обеспечивают аграрный экспорт в размере менее 50 млн долл. США.

В соответствии с критериями, определенными ФГБУ «Агроэкспорт», ни один из регионов СФО к регионам-лидерам не относится. «Значимыми» в части российского аграрного экспорта из состава субъектов СФО являются Омская и Новосибирская области, Алтайский край, а также Кемеровская область-Кузбасс. К регионам с умеренным объёмом экспорта отнесены Томская и Иркутская области, а также Красноярский край. Все республики, входящие в состав СФО, - Тыва, Хакасия и Алтай – определены как «регионы, не ориентированные на экспорт продукции АПК».

Вместе с тем, регионы СФО имеют значимый потенциал увеличения экспорта продукции АПК, о чём свидетельствует вхождение ряда субъектов СФО в ряд рейтингов. Так, Новосибирская область вошла по итогам 2024 г. в ТОП-10

регионов страны (9 место, значение 387 млн долл. США) по увеличению абсолютного объёма аграрного экспорта. Республики Хакасия и Тыва заняли 5-е и 6-е места в ТОП-10 рейтинга регионов-лидеров по Российской Федерации в целом по среднегодовому темпу роста – названные регионы обеспечили прирост экспорта в 51% и 50% соответственно.

В целом за период с 2020 по 2024 г. «регионы, не ориентированные на экспорт продукции АПК», обеспечили среднегодовой темп роста экспорта продукции АПК в размере 13%, что является максимумом в разрезе групп. С одной стороны, этот феномен можно объяснить эффектом низкой базы. С другой стороны, это может свидетельствовать и о наличии потенциала дальнейшего наращивания аграрного экспорта.

Регионы-лидеры обеспечили среднегодовой темп роста в 9,3%, что определяется постепенным исчерпанием возможностей быстрого роста. Однако, зависимость потенциала дальнейшего роста на сопоставлении двух обозначенных групп не так линейна, поскольку регионы с умеренным объемом экспорта обеспечили наименьший среднегодовой темп роста экспорта – 7,5%. Более перспективным может являться направление роста экспорта в группе значимых регионов, где анализируемое значение составило 9,7%.

В оценке ФГБУ «Агроэкспорт» высокие темпы роста (более 40%) аграрного экспорта прослеживаются только в Республиках Тыва и Хакасия, умеренные (от 15 до 40%) – в Новосибирской области и Республике Алтай. Низкие темпы роста характерны для всех остальных субъектов СФО.

Таким образом, совпадение положительных характеристик в оценках как уже сложившегося объёма экспорта аграрной продукции, так и ближайших его перспектив, имеет место, при прочих равных условиях, только для Новосибирской области.

Значимой характеристикой структуры аграрного экспорта является его диверсифицированность, для оценки которой используют индекс Херфиндаля-Хиршмана (менее 0,45 – низкоконцентрированный экспорт; от 0,45 до 0,7 – умеренно-концентрированный экспорт; более 0,7 – высококонцентрированный

экспорт). В целом для аграрного экспорта Российской Федерации значение индекса составляет 0,23, получая таким образом характеристику низкоконцентрированного экспорта и определяясь тем, что экспорт зерновых дополняется зарубежными поставками рыбы и морепродуктов, продукции пищевой и перерабатывающей промышленности, продукции масложировой отрасли и др.

Из состава субъектов СФО сразу три региона входят в ТОП-10 регионов России по минимальному значению индекса – Иркутская и Томская области со значениями 0,26, а также Омская область, чье значение составляет 0,27. В первом случае получение обозначенного значения обусловлено относительной развитостью экспорта зерновых, продукции масложировой отрасли, пищевой и перерабатывающей промышленности, а также прочей продукции АПК; в ситуации Томской области – мясной и молочной продукции, продукции масложировой отрасли, пищевой и перерабатывающей промышленности, прочей продукции АПК; Омской области – зерновых, продуктов пищевой, перерабатывающей промышленности, прочей продукции АПК [4, 5, 6, 7, 8].

Наименее диверсифицирован аграрный экспорт Кемеровской области-Кузбасса – значение индекса Херфиндаля-Хиршмана составило в данном регионе 0,77, определяясь обширной представленностью в структуре аграрного экспорта преимущественно продукцией пищевой и перерабатывающей промышленности.

Аграрный экспорт Республик Алтай и Хакасия характеризуется как умеренно-концентрированный (значения индекса Херфиндаля-Хиршмана 0,67 и 0,59 соответственно), поскольку в первом случае аграрный экспорт почти на 80% представлен зерновыми, во втором случае – прочей продукцией АПК, а также зерновыми.

Аграрный экспорт Республики Тыва близок к границе перехода от низкоконцентрированного к умеренно-концентрированному экспорту – значение индекса Херфиндаля-Хиршмана равно 0,43 – регион экспортирует, прежде всего, продукцию пищевой и перерабатывающей промышленности, прочую продукцию АПК.

Одинаковые значения обозначенного индекса (0,28) имеют Новосибирская область и Алтайский край. Однако, при относительном равенстве относительных значений экспорта продукции пищевой и перерабатывающей промышленности, а также прочей продукции АПК, в Новосибирской области более развит экспорт зерновых против экспорта масложировой отрасли Алтайского края.

Красноярский край имеет во многом схожие параметры для расчёта индекса Херфиндаля-Хиршмана, равного для региона 0,29 – в структуре экспорта данного региона, прежде всего, зерновые, но также продукция пищевой и перерабатывающей промышленности, прочая продукция, наличие продаж за рубеж продукции масложировой отрасли.

В целом, аграрный экспорт регионов СФО, за исключением Кемеровской области-Кузбасса, характеризуется неизменным присутствием в своём составе зерновой продукции, позволяя не только получать дополнительную валютную выручку, но и сокращая риски концентрации на ограниченном перечне сельскохозяйственной продукции.

Осуществим оценку прироста аграрного экспорта регионов СФО за период с 2020 по 2024 гг. с детализацией «вклада» 2023 г. (таблица 13).

Таблица 13 – Прирост аграрного экспорта регионов СФО [4, 5, 6, 7, 8]

Субъект СФО	Прирост экспорта за 2020-2024 гг., млн долл. США	Среднегодовой темп роста, %	Прирост экспорта за 2024 г. по сравнению с 2023 г., %
Новосибирская область	387,2	18	15
Кемеровская область	195,8	14	-2
Алтайский край	189,2	12	-3
Омская область	179,1	14	-8
Красноярский край	48,6	13	-15
Республика Хакасия	31,1	51	209
Республика Алтай	28,3	25	-6
Томская область	14,1	7	-25
Иркутская область	10,7	5	-29
Республика Тыва	0,8	50	-28

По данным таблицы можно констатировать, что темпы роста аграрного экспорта не только замедлились (в Новосибирской области 15% против 18% в

целом за период), но и приняли в 2024 г. отрицательные значения (Кемеровская область: -2%, Алтайский край: -3%; Омская область: -8%; Красноярский край: -15% и др.). Экстремально высокое значение Республики Хакасия определяется, как уже указывалось, эффектом низкой базы.

Уже отмечавшиеся факторы геополитики, появление категории «недружественных» стран, при этом не только являвшихся потребителями зерновой продукции нашей страны в прошлые временные периоды, но отчасти продолжающие оставаться таковыми и на текущий момент, актуализируют смещение фокуса проводимого анализа также в контекст географического распределения аграрного экспорта Российской Федерации.

Условно гарантированным экспорт аграрной продукции в текущих условиях может считаться только в те государства, которые разделяют политическую волю Президента России Владимира Владимировича Путина, Правительства нашей страны и её народа. Институциональным воплощением содружества стран, имеющих схожие геополитические установки, можно считать, прежде всего, БРИКС – межгосударственное объединение десяти государств: Бразилии, России, Индии, Китая, ЮАР, Египта, Ирана, ОАЭ, Саудовской Аравии и Эфиопии.

Представленные ниже результаты базируются на выполненном ФГБУ «Агроэкспорт» исследовании «БРИКС. Обзор сектора АПК» [44], информационной основой для которого послужили, в свою очередь, помимо прочих, данные ИТС Trade Map – сайт «Торговая статистика для развития международного бизнеса» [274]. Уточнение информационной базы имеет значение, т.к., во-первых, доступ к части информации Росстата и ФТС за периоды, начиная с 2022 г., ограничен, во-вторых, имеются некоторые расхождения в значениях показателей (например, не одинаковы значения экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) и экспорта продукции АПК в «Российских статистических ежегодниках» [191, 192, 193, 194, 195] и исследовании «БРИКС. Обзор сектора АПК» [44]), в-третьих, статистика ИТС Trade Map формируется для Российской Федерации в текущих условиях и

начиная с 2022 г. на основе так называемых зеркальных данных – данных, представленных партнёрами.

На основе данных рисунка 14 можно констатировать, что доля стран БРИКС, куда поставляется продукция российского АПК, за исследуемый период увеличилась с 26,77% до 34,86%, т.е. на 8,09 п.п.

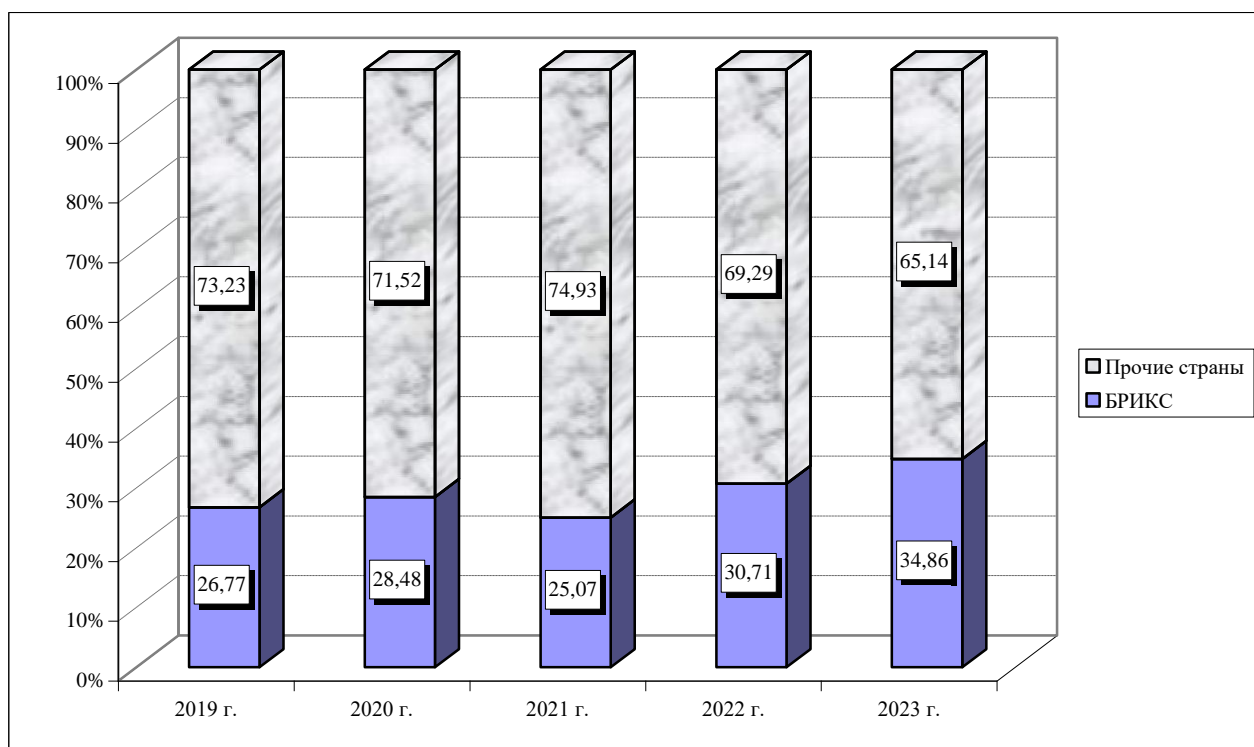

Рисунок 14 – Структура экспорта продукции АПК Российской Федерации в разрезе стран БРИКС и прочих стран, % [44]

Важно отметить, что экспортные поставки аграрной продукции в страны БРИКС даже без учёта фактора расширения состава имели исключительно однонаправленную динамику роста; в отличие от динамики экспорта в прочие страны, где в 2023 г. значение сократилось с 29,1 до 28,4 млрд долл. США [44], т.е. на 0,7 млрд долл. США или 2,41%.

Динамика благоприятна, но в то же время 2/3 (65,14%) российского аграрного экспорта всё ещё приходится на страны, не являющиеся членами БРИКС, даже с учётом нового с 2024 г. состава участников объединения. Это делает практически целесообразным углубление структурного анализа аграрно-

го экспорта по основным товарным наименованиям в следующих аналитических разрезах:

- а) экспорт продукции АПК России в целом (таблица 14);
- б) экспорт продукции АПК России в страны БРИКС (таблица 15);
- в) экспорт продукции АПК России в прочие страны (таблица 16).

Основные товарные позиции в структуре российского аграрного экспорта систематизированы в таблице 14 в порядке убывания значимости в 2023 г.

Таблица 14 – Структура экспорта продукции АПК России за 2019-2023 гг., % (рассчитано по [44])

Наименование товарной позиции	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Изменение: 2023 г. к 2019 г.
Пшеница	25,18	27,14	24,24	25,87	30,25	5,07
Масло подсолнечное	8,67	9,31	10,89	11,18	9,97	1,30
Рыба мороженая	11,84	9,37	8,01	7,60	6,25	-5,59
Ракообразные	6,22	5,54	7,26	3,50	3,95	-2,27
Кукуруза	2,43	2,32	2,76	2,86	3,70	1,27
Масло рапсовое	2,02	1,94	2,69	3,35	3,69	1,67
Ячмень	3,00	3,60	3,44	2,70	2,96	-0,04
Шоколадные кондитерские изделия	2,83	2,42	2,35	1,84	1,80	-1,03
Горох	0,54	0,57	1,03	0,98	1,79	1,25
Филе рыбы и прочее мясо рыбы	1,79	1,62	1,89	2,23	1,66	-0,13
Прочие продукты	35,49	36,18	35,43	37,89	33,99	-1,50
Итого	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	0,00

Пшеница являлась основной товарной позицией российского аграрного экспорта на всём протяжении анализируемого временного диапазона 2019-2023 гг. При этом абсолютные значения экспорта пшеницы имели однонаправленную динамику роста, что объясняет факт снижения доли в 2021 г. более интенсивным ростом экспортных поставок по другим товарным группам. В целом за период удельный вес пшеницы в совокупном аграрном экспорте Российской Федерации увеличился на 5,07 п.п., достигнув в 2023 г. значения 30,25%.

Доля подсолнечного масла в совокупном экспорте аграрной продукции России колебалась в интервале от минимальных 8,67% по итогам 2019 г. до

максимальных 11,18%, зафиксированных по итогам 2022 г., снизившись в 2023 г. до 9,97%, что на 1,3 п.п. ниже исходного значения.

Всё менее значимой является доля в российском экспорте мороженой рыбы – если в 2019 г. удельный вес группы составлял 11,84%, то по итогам 2023 г. значение сократилось до 6,25%, т.е. на 5,59 п.п., имея в своей основе как опережающий рост экспорта по другим группам (2021-22 гг.), так и непосредственное снижение (2020, 2023 гг.).

Доля ракообразных в структуре экспортных продаж Российской Федерации сократилась на 2,27 п.п. – с исходных 6,22% в 2019 г. до 3,95% в 2023 г. При этом в 2021 г. удельный вес товарной позиции достигал максимальных 7,26%, определяясь максимальным значением поставок – 2664,1 млн долл. США.

Экспортные поставки кукурузы по итогам 2023 г. достигли 1610,9 млн долл. США, что в 2,61 раза больше исходного значения 2019 г., когда были осуществлены поставки на сумму 617,6 млн долл. США, определив увеличение доли группы с 2,43% до 3,70% (+1,27 п.п.).

Близкие исходные и конечные значения, темпы динамики фиксируются в рамках экспорта рапсового масла – с 514,2 млн долл. США в 2019 г. до 1605,1 млн долл. США в 2023 г., с 2,02% в 2019 г. до 3,69% в 2023 г. (+1,67 п.п.). Прирост экспортных поставок фиксировался в каждый год анализируемого временного диапазона.

За исключением 2022 г., экспортные поставки ячменя увеличивались каждый год, обеспечив достижение уровня в 1289,4 млн долл. США по итогам 2023 г. (против 764 млн долл. США в 2019 г.). Резких колебаний в значениях доли ячменя в структуре экспортных продаж не зафиксировано – значение составляло в среднем чуть больше 3% (2,96% по итогам 2023 г.).

Доля гороха как ключевой для России зернобобовой культуры достигла в 2023 г. в структуре экспорта продукции АПК России максимальных 1,79%, определяясь непрерывным ростом соответствующих поставок, рост которых крайне значителен – с 137,3 млн долл. США в 2019 г. до 780,4 млн долл. США в

2023 г. (в 5,68 раза).

Относительная стабильность величины экспортных поставок шоколадных кондитерских изделий, произведённых в Российской Федерации (720 млн долл. США в 2019 г. и 781,3 млн долл. США в 2023 г.) в условиях роста совокупного экспорта продукции АПК обусловили сокращение доли группы с 2,83% (2019 г.) до 1,80% (2023 г.), т.е. на 1,03 п.п.

Резких изменений не претерпело и значение удельного веса доли рыбного филе и прочего мяса рыбы – доля группы снизилась на 0,13 п.п., с 1,79% до 1,66%, несмотря на непосредственное увеличение экспорта по обозначенной группе с 455,1 млн долл. США (2019 г.) до 721,9 млн долл. США (2023 г.).

Более трети аграрного экспорта России (33,99% в 2023 г.) по-прежнему приходится на товарные позиции, не обозначенные в представленной таблице. Основу совокупного экспорта составляет зерновые – пшеница, кукуруза и ячмень.

Рассмотрение экспорта продукции АПК в страны БРИКС выявило ряд изменений в составе основных товарных позиций (таблица 15).

Таблица 15 – Структура экспорта продукции АПК России за 2019-2023 гг. в страны БРИКС, % (рассчитано по [44])

Наименование товарной позиции	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Изменение: 2023 г. к 2019 г.
Пшеница	22,99	27,94	33,64	33,69	23,80	0,81
Масло подсолнечное	16,41	16,16	19,80	16,94	18,93	2,53
Масло рапсовое	2,49	2,92	4,30	7,46	9,82	7,33
Рыба мороженая	19,40	13,81	5,23	6,44	7,50	-11,90
Ракообразные	4,33	3,94	6,15	4,75	6,41	2,08
Кукуруза	5,79	3,82	3,40	4,16	5,15	-0,65
Соевые бобы	3,12	3,93	3,25	4,70	3,97	0,85
Ячмень	6,81	8,51	6,33	4,79	3,81	-2,99
Мясо птицы	2,60	3,40	3,71	4,39	3,13	0,54
Масло соевое	2,73	3,18	2,46	3,16	3,11	0,38
Прочие продукты	13,33	12,40	11,73	9,55	14,37	1,04
Итого	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	0,00

Изменений по составу и очередности первых двух лидеров рейтинга не

произошло – в страны БРИКС экспортируются, прежде всего, пшеница и масло подсолнечное. Однако, следует обратить внимание на существенный разрыв значений удельного веса обозначенных групп в совокупном экспорте страны и экспорте в страны БРИКС. Особенно показательным является, по нашему мнению, разрыв значений по подсолнечному маслу, доля которого в экспорте в страны БРИКС возрастает до 18,93% (см. 2023 г.) в то время как в совокупном экспорте доля группы равна в 2023 г. 9,97%. Превышение значений в рамках структуры экспорта в страны БРИКС над соответствующими значениями в совокупном экспорте прослеживается для подсолнечного масла на всём протяжении анализируемого периода. В части пшеницы преобладание рынков стран БРИКС имело место не всегда, а только в 2020-2022 гг., свидетельствуя о ситуативности выбора приоритетных рынков.

Экспорт в страны БРИКС рапсового масла увеличился в 8,75 раза – с 170 млн долл. США (2,49% в итоге) по итогам 2019 г. до 1487,4 млн долл. США (9,82%, прирост 7,33 п.п.), характеризуясь ежегодным существенным увеличением.

Экспорт мороженой рыбы в страны БРИКС существенно просел в 2020 и 2021 гг., до 1188 и 478,5 млн долл. США соответственно против 1325,6 млн долл. США по итогам 2019 г., но увеличился в 2022 г. до 828,1 млн долл. США и 1136,6 млн долл. США в 2023 г. В условиях общего увеличения аграрного экспорта Российской Федерации доля группы достигала по итогам 2021 г. минимальных 5,23% против исходных, максимальных 19,40% по итогам 2019 г. Дальнейший рост экспорта обозначенной продукции позволил довести долю группы в 2023 г. до 7,50%, что, однако, на 11,90 п.п. меньше исходного значения.

Рост экспорта из Российской Федерации ракообразных не в каждый период был опережающим по отношению к общей динамике, но, тем не менее, позволил довести долю группы до 6,41% по итогам 2023 г., что на 2,08 п.п. больше значения за 2019 г., равного 4,33%.

Доля кукурузы в структуре аграрного экспорта в страны БРИКС выше,

чем в совокупном экспорте (в 2023 г.: 5,15% против 3,70%) и формально не претерпела существенных изменений, поскольку сокращение доли составило лишь 0,65 п.п. Однако, дополнение сопоставления крайних значений рассмотрением ещё и промежуточных значений выявляет «проседание» экспорта кукурузы в страны БРИКС в 2020-2021 гг., сменившееся резким наращиванием экспортных поставок в 2022 и 2023 гг.

Экспорт соевых бобов в страны БРИКС в денежном выражении увеличился с исходных 213,5 млн долл. США по итогам 2019 г. до 603,7 млн долл. США в 2022 г., немного сократившись, до 601,5 млн долл. США, в 2023 г. В целом опережающая динамика экспорта соевых бобов в страны БРИКС позволила довести долю группы на конец анализируемого периода до 3,97%, что на 0,85 п.п. больше исходного значения 2019 г., равно 3,12%.

Экспортные поставки ячменя в страны БРИКС не имели однонаправленной динамики даже на протяжении любого последовательного двухлетнего периода, составив, тем не менее, 465,2 млн долл. США в 2019 г. и 577,9 млн долл. США в 2023 г. В этих условиях доля ячменя в структуре экспорта продукции АПК в страны БРИКС колебалась от минимальных 3,81% в 2023 г. до максимальных 8,51% в 2020 г.

Разнородность динамики прослеживается в значениях экспортных поставок в страны БРИКС по мясу птицы, соевому маслу. Тем не менее, доля первой группы выросла с 2,60% в 2019 г. до 3,13% в 2023 г., второй – с 2,73% до 3,11%.

Следует обратить внимание и на существенное расхождение доли прочих продуктов в структуре экспорта в страны БРИКС, которая составила в 2023 г. 14,37% в то время как в совокупном экспорте значение никогда не было менее 1/3 (33,99% в 2023 г.). Значение в 14,37% также следует признать существенным, что, однако, не мешает сделать вывод о более концентрированном в страны БРИКС экспорте российской аграрной продукции. При этом интересующая нас в контексте настоящего исследования зерновая продукция имеет несколько меньший вес – на долю пшеницы, кукурузы и ячменя приходится в данном аналитическом разрезе уже 32,76%. Обозначенные аспекты свидетельствуют о том,

что экспорт аграрной, в т.ч. зерновой продукции, несмотря на ряд позитивных тенденций, всё ещё крайне зависим от экспорта соответствующей продукции и во множество других стран, не являющихся членами межгосударственного объединения.

Выполняя переход к анализу структуры экспорта продукции АПК в прочие страны, мы также обнаруживаем некоторые изменения в составе товарных позиций ТОП-10 аграрного экспорта Российской Федерации в прочие, вне БРИКС, страны (таблица 16).

Таблица 16 – Структура экспорта продукции АПК России за 2019-2023 гг. в прочие страны, % (рассчитано по [44])

Наименование товарной позиции	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Изменение: 2023 г. к 2019 г.
Пшеница	25,98	26,83	21,12	22,42	33,69	7,71
Рыба мороженая	9,06	7,59	8,93	8,11	5,58	-3,48
Масло подсолнечное	5,83	6,58	7,93	8,63	5,18	-0,65
Кукуруза	1,19	1,72	2,55	2,29	2,93	1,74
Ракообразные	6,91	6,18	7,63	2,95	2,63	-4,28
Ячмень	1,60	1,64	2,48	1,78	2,51	0,90
Шоколадные кондитерские изделия	2,93	2,55	2,55	2,48	2,47	-0,46
Филе рыбы и прочее мясо рыбы	2,43	2,24	2,49	3,21	2,39	-0,04
Мучные кондитерские изделия	2,15	1,96	1,92	2,20	2,11	-0,04
Сахар свекловичный и тростниковый	1,46	2,16	0,94	0,62	1,77	0,31
Прочие продукты	40,45	40,54	41,46	45,30	38,74	-1,72
Итого	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	0,00

Не все страны вне БРИКС являются «недружественными», но, тем менее, риски очевидно возрастают, тем более, риски экспорта слабодиверсифицированного по товарам и странам. Экспорт продукции АПК в прочие страны по итогам 2023 г. сконцентрирован более чем на 1/3 (33,69%) на пшенице, а с учётом доли кукурузы (2,93%) и ячменя (2,51%) экспорт продукции АПК Российской Федерации – преимущественно зерновой (39,13%).

Экспорт пшеницы в анализируемом временном диапазоне имел одина-

правленную динамику роста, достигнув по итогам 2023 г. значения в 9558,9 млн долл. США, почти в 2 раза превысив исходное значение 2019 г., равное 4835,1 млн долл. США. Несмотря на повышательную тенденцию на всём протяжении анализируемого периода, доля пшеницы в аграрном экспорте претерпевала существенные колебания – от минимальных 21,12% в 2021 г. до максимальных 33,69% в 2023 г. В целом доля пшеницы в аграрном экспорте выросла на 7,71 п.п., в т.ч. на 11,27 п.п. за 2023 г.

Экспорт мороженой рыбы в прочие страны отличался существенной вариабельностью как абсолютных (денежных) значений, так и относительных величин, в первом случае принимая значения от минимальных 1584,6 млн долл. США по итогам 2023 г. до максимальных 2460,3 млн долл. США в 2021 г., во втором случае – от минимальных 5,58% 2023 г. до максимальных 9,06% 2019 г. (сокращение составило, соответственно, 3,48 п.п.).

Продажи в прочие страны российского подсолнечного масла, как и мороженой рыбы, просели именно в 2023 г., составив 1469,8 млн долл. США против 2511 млн долл. США годом ранее, что и повлекло за собой снижение доли до 5,18%, что на 3,45 п.п. меньше значения годом ранее и 0,65 п.п. меньше исходного значения.

Удельный вес кукурузы в экспорте РФ в прочие страны достиг в 2023 г. 2,93% (+1,74 п.п.), что является максимальным в анализируемом временном диапазоне, определяясь увеличением непосредственных значений экспорта кукурузы с 221,7 млн долл. США в 2019 г. до 831,2 млн долл. США в 2023 г.

Доля ракообразных в структуре аграрных экспортных продаж в прочие страны снизилась на 4,28 п.п. – с 6,91% в 2019 г. до 2,63% по итогам 2023 г., что стало следствием сокращения в 2022-2023 гг. экспорта данной продукции. При этом в 2021 г. доля ракообразных в структуре экспорта в прочие страны достигала 7,63%.

Поставки ячменя в страны вне БРИКС характеризуются общей повышательной тенденцией – с 298,7 млн долл. США в 2019 г. до 711,5 млн долл. США в 2023 г., обеспечив достижение данной культурой доли в итоге в размере

2,51% (+0,90 п.п.).

Значения экспорта в прочие страны шоколадных кондитерских изделий, а также филе рыбы и прочего мяса рыбы, достигли в 2023 г. сопоставимых значений – 699,5 и 677,5 млн долл. США соответственно. Однако, исходная база, значения 2019 г. были неодинаковы – 545,3 и 452,1 млн долл. США соответственно. Рост имел место в обоих случаях, но он был не таким выраженным, как по всем группам, что и привело к сокращению относительных значений до 2,47% (-0,46 п.п.) и 2,39% (-0,04 п.п.) по итогам 2023 г.

В целом сообразной общим тенденциям была динамика экспорта мучных кондитерских изделий – их доля сократилась с исходных в 2019 г. 2,15% до 2,11% в 2023 г. (-0,04 п.п.).

Поставки сахара свекловичного и тростникового, экспортируемого из Российской Федерации в прочие страны, превысили по итогам 2023 г. 0,5 млрд долл. США, составив 501,7 млн долл. США, позволив довести долю группы до 1,77% (+0,31 п.п.).

Сокращение доли «прочих продуктов» в структуре экспортных продаж в прочие страны до 38,74% по итогам 2023 г. против исходных 40,45% (-1,72 п.п.) и 45,30% (-6,56 п.п.) является формализованным подтверждением роста концентрации продаж на обозначенных выше 10 товарных группах аграрного экспорта России в прочие страны.

По результатам структурного анализа продукции АПК в прочие страны можно констатировать безусловный приоритет зерновой продукции, прежде всего, пшеницы, значимость для российского экспорта продаж мороженой рыбы и масла подсолнечного.

Принимая во внимание, что поставки на экспорт во всё ещё определяющей степени географически направлены на страны вне блока БРИКС, высокую значимость имеет определение конкретного состава стран – покупателей российской продукции АПК, их динамического распределения в структуре экспорта АПК России. Результаты обозначенного анализа представлены в таблице 17.

Таблица 17 – Структура экспортных продаж продукции АПК России по группам стран-импортёров за 2019-2023 гг., % (рассчитано по [44])

Страна	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Изменение: 2023 г. к 2019 г.
1. Китай	46,79	45,97	36,95	38,67	50,26	3,47
2. Египет	21,50	22,73	20,05	17,64	16,56	-4,95
3. Иран	17,69	13,58	29,19	26,48	14,76	-2,92
4. Индия	3,41	4,64	3,51	5,96	7,36	3,95
5. Саудовская Аравия	5,08	8,03	7,47	7,96	6,59	1,51
6. ОАЭ	3,57	2,64	1,18	1,38	2,01	-1,56
7. Бразилия	0,39	0,83	0,52	1,00	1,35	0,97
8. ЮАР	1,38	1,43	0,31	0,77	1,10	-0,27
9. Эфиопия	0,19	0,13	0,84	0,14	0,00	-0,19
Итого БРИКС	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	0,00
1. Турция	13,38	14,48	15,70	17,37	17,47	4,09
2. Казахстан	9,97	9,54	10,02	11,68	11,63	1,65
3. Беларусь	7,46	6,56	6,64	9,57	9,69	2,23
4. Южная Корея	8,35	8,08	8,95	7,97	6,54	-1,82
5. Узбекистан	2,49	3,17	2,91	3,37	3,38	0,90
6. Алжир	0,73	0,67	1,22	2,40	2,95	2,22
7. Азербайджан	3,33	3,20	2,61	2,95	2,59	-0,73
8. Нидерланды	5,75	4,87	6,04	2,93	2,49	-3,26
9. Бангладеш	2,91	2,02	1,06	0,46	2,49	-0,42
10. Латвия	2,21	2,26	2,48	2,57	2,37	0,17
Прочие страны	43,42	45,16	42,37	38,72	38,39	-5,03
Итого вне БРИКС	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	0,00

Китайская Народная Республика (КНР) продолжает оставаться наиболее крупным потребителем экспортируемой Российской Федерацией аграрной продукции – на её долю в анализируемом периоде приходилось от минимальных 36,95% (2021 г.) до максимальных 50,26% (2023 г.) экспортных поставок. В целом за период доля названной страны увеличилась на 3,47 п.п.

Поставки продукции АПК в Египет в относительном выражении сократились по итогам 2023 г. до 16,56%, что на 4,95 п.п. ниже исходного значения 2019 г. (21,50%), однако, обозначенное снижение лишь в 2021 г. сопровождалось непосредственным снижением поставок в эту страну, основной причиной сокращения был более интенсивный рост экспорта в другие страны.

Аграрный экспорт России в Иран в 2021-2022 гг. имел удельный вес даже больше значения Египта – 29,19 и 26,48% против 20,05 и 17,64%, имея в своей

основе резкое наращивание российского экспорта в эту страну. Однако, за стремительным ростом 2021-2022 гг. (особенно по итогам 2021 г. – в 2 раза), произошло также резкое и сокращение – поставки в 2023 г. сократились с 3404,4 млн долл. США до 2236,6 млн долл. США, определив падение доли страны до 14,76% - на 2,92 п.п. меньше исходного уровня, но на 11,72 п.п. меньше значения за 2022 г.

Доля экспортных продаж аграрной продукции России в Индию выросла, несмотря на разнонаправленную динамику, с 3,41% в 2019 г. до 7,36% в 2023 г., т.е. на 3,95 п.п., что является наиболее крупным приростом в разрезе стран БРИКС в анализируемом периоде.

Существенной (более 5%) следует считать и долю экспорта аграрной продукции в Саудовскую Аравию. В отдельные периоды, например, 2020, 2022 гг. доля Саудовской Аравии в структуре экспортных продаж в страны БРИКС составляла 8%, (8,03% в 2020 г. и 7,96% в 2022 г.), однако, по состоянию на конец анализируемого периода удельный вес названной страны сократился до 6,59%, что, однако, всё равно выше исходного уровня в 5,08%.

Поставки в ОАЭ продукции АПК из Российской Федерации не устойчивы, колеблясь в диапазоне от минимальных 107,7 млн долл. США (2021 г.) до максимальных 304,9 млн долл. США в 2023 г. Несмотря на увеличение экспорта в ОАЭ в 2023 г. по отношению к 2019 г. (304,9 млн долл. США против 244,2 млн долл. США) удельный вес страны снизился на 1,56 п.п. – с 3,57% до 2,01%.

Экспорт продукции АПК в Бразилию увеличились кратно – с 26,5 млн долл. США в 2019 г. до 205,3 млн долл. США в 2023 г., однако, доля Бразилии в итоге остаётся невысокой – 1,35%.

Поставки продукции АПК России в ЮАР ещё менее значимы – 1,10% по итогам 2023 г. – 167,3 млн долл. США, что является максимальным значением в абсолютном (денежном) выражении.

Отгрузки экспортной аграрной продукции в Эфиопию в 2019-2022 гг. не составляли и 1% экспорта в страны БРИКС, в 2023 г. не осуществлялись вовсе [44].

Таким образом, даже с учётом того, что членами БРИКС по-прежнему является относительно небольшое количество стран, формируя девять направлений экспорта, концентрация в 50% на одной стране (КНР) и 81,58% - на трех странах (КНР, Египет, Иран), свидетельствует о низкой страновой диверсифицированности аграрного экспорта Российской Федерации.

Вне БРИКС основным экспортёром продукции российских аграриев является Турция, на долю которой приходилось в 2023 г. 17,47% аграрного экспорта в прочие страны. Доля названной страны имела постоянную динамику наращивания абсолютных и относительных величин.

Рассматривая значимость, роль следующих стран-импортёров российской продукции АПК – Казахстана и Беларуси – необходимо упомянуть, что эти страны не являются членами БРИКС, но являются участниками другого интеграционного объединения – ЕАЭС, что также является положительной характеристикой в части налаженности делового взаимодействия.

Экспорт в Казахстан лишь в 2023 г. имел тенденцию сокращения (с 3398,4 млн долл. США до 3299,1 млн долл. США), однако в целом за период 2019-2023 гг. доля названной страны выросла с 9,97% до 11,63%, т.е. на 1,65 п.п.

Сокращение по итогам 2023 г. зафиксировано и по экспорту российской продукции АПК в Беларусь – с 2784 млн долл. США до 2750,3 млн долл. США, что в условиях сокращения и общего размера экспорта продукции АПК в страны вне БРИКС не привело к росту значения удельного веса. Напротив, удельный вес Беларуси в 2023 г. достиг 9,69%, увеличившись на 0,12 п.п. по отношению к 2022 г. и на 2,23 п.п. по отношению к 2019 г.

В Южную Корею экспорт продукции АПК России не имел однозначной динамики, поскольку в период 2020-2021 гг. поставки ежегодно увеличивались, достигнув максимальных 2467 млн долл. США против 1554,9 млн долл. США в 2019 г., но сокращались как в 2022 г. (до 2318,1 млн долл. США), так и в 2023 г. (до 1854,4 млн долл. США) вследствие чего удельный Южной Кореи в 2023 г. составил 6,54%, что на 1,82 п.п. меньше значения за 2019 г.

Поставки аграрной продукции страны в Узбекистан выросли в анализиру-

емом периоде более чем в 2 раза – с 462,8 млн долл. США в 2019 г. до 960 млн долл. США в 2023 г., что привело к росту доли страны до 3,38% (+0,90 п.п.).

Ещё большая интенсивность роста зафиксирована по поставкам в Алжир – с 136,3 млн долл. США в 2019 г. до 837,5 млн долл. США (в 6,14 раза), что обусловило увеличение удельного веса названной страны до 2,95% (+2,22 п.п.).

Доля Азербайджана сократилась в аграрном экспорте в прочие страны до 2,59% (-0,73 п.п.) несмотря на то, что в целом за период абсолютные значения экспорта выросли с 619,6 млн долл. США в 2019 г. до 736 млн долл. США в 2023 г.

В равной доле, по 2,49%, в структуре аграрного экспорта Российской Федерации в прочие страны представлены Нидерланды и Бангладеш. Однако, если в первом случае сокращение значимости страны на 3,26 п.п. (с исходных 5,75%) обусловлено непосредственным сокращением экспорта (с 1070,2 млн долл. США до 707,8 млн долл. США), то во втором, напротив, увеличением – с 541,5 млн долл. США в 2019 г. до 706,4 млн долл. США в 2023 г. (увеличения показателя доли не произошло по причине более выраженного роста по группе всех иных стран).

В условиях антироссийской риторики прибалтийских государств, в 2019-2023 гг. поставки аграрной продукции осуществлялись в Латвию, доля которой даже выросла на 0,17 п.п., до 2,37%.

На рассмотренные вне БРИКС страны в 2023 г. стало приходиться уже 61,61% (100 – 38,39) аграрного экспорта России вне стран БРИКС против 56,58% (100 – 43,42) по итогам 2019 г., что свидетельствует о росте значимости рассмотренных стран в аграрном экспорте России в страны вне БРИКС. Прежде всего, речь идёт о Турции, Казахстане и Беларуси.

В целом по результатам анализа аграрного экспорта Российской Федерации определено, что в его основе находится прежде всего зерновой экспорт, представленный, в свою очередь, преимущественно пшеницей, но включающий также кукурузу и ячмень. Установлена высокая концентрация аграрного экспорта на ограниченном числе стран как в рамках объединения БРИКС, так и

вне его. Выявленные факты высокой роли зерновой продукции в обеспечении совокупного аграрного экспорта Российской Федерации свидетельствуют о необходимости углубления проводимого анализа в части детализации количественных и качественных характеристик современного зернового экспорта России.

3.2. Структурно-динамический анализ зернового экспорта Российской Федерации

Зерновые культуры, как известно, включают хлебные (злаковые) и зернобобовые. Выше было определено, что в структуре аграрного экспорта преобладают такие злаковые культуры как пшеница, ячмень и кукуруза. Однако, собственно злаковые культуры, экспортируемые из Российской Федерации, включают в себя более обширную номенклатуру товаров (таблица 18).

Таблица 18 – Динамика экспорта из Российской Федерации злаковой продукции в стоимостном выражении в 2020-2024 гг., млн долл. США [274]

Наименование товарной позиции	Значение, млн долл. США					Темп роста, %	
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024 г. / 2020 г.	2024 г. / 2023 г.
Пшеница и меслин	7918,29	7301,69	8829,11	11874,06	8863,75	109,41	72,96
Ячмень	898,89	966,77	583,74	1163,60	868,58	96,63	74,65
Кукуруза	395,24	694,21	835,07	1200,90	533,62	135,01	44,43
Гречиха, просо и семена канареечника; прочие злаки	40,56	63,08	104,93	129,90	107,01	263,85	82,38
Овес	14,53	49,03	34,88	38,75	60,34	415,42	155,74
Рожь	1,79	21,07	66,43	29,38	20,17	1125,45	68,65
Рис	67,17	71,47	34,60	23,52	11,69	17,40	49,70
Сорго зерновое	4,01	6,79	9,50	5,94	1,44	35,99	24,33
Итого	9340,48	9174,11	10498,27	14466,04	10266,59	109,92	70,97

Как следует из представленной таблицы, динамика экспорта из Российской Федерации злаковых культур не была однонаправленной, позволив, тем не менее, в целом за исследуемый период увеличить поставки до 10266,59 млн

долл. США, что на 9,92% больше исходного значения, но на 29,03% меньше значения годом ранее.

Пшеница, являясь основной злаковой культурой, преимущественно и задавала отмеченную динамику, что выражается в близких значениях динамики – увеличение в целом за период с 7918,29 млн долл. США (2020 г.) до 8863,75 млн долл. США (2024 г.), т.е. на 9,41%, что, однако также ниже максимального значения, зафиксированного по итогам 2023 г. и равного 11874,06 млн долл. США на 27,04%.

Поставки за рубеж ячменя в 2023 г. достигали максимальных 1163,60 млн долл. США, однако, достигнутый уровень не был удержан по итогам 2024 г. – сокращение составило более $\frac{1}{4}$ (25,35%), до значения в 868,58 млн долл. США, что ниже и исходного значения 2020 г. в 898,89 млн долл. США.

Ещё более резкий, на 55,57%, провал зафиксирован по итогам 2024 г. в поставках кукурузы, величина которой составила 533,62 млн долл. США, что, однако, больше исходного значения 2020 г., равного 395,24 млн долл. США.

Экспортные поставки гречихи, проса, семян канареечника, а также прочих злаков в 2024 г. достигли значения в 263,85% от исходного уровня (107,01 против 40,56 млн долл. США), однако для современной истории зафиксированы по итогам предыдущего, 2023, года – 129,90 млн долл. США.

Определяющий вклад в наращивание экспорта овса с 14,53 до 60,34 млн долл. США, т.е. в 4,15 раза, был обусловлен увеличением поставок в 2021 г., когда последние выросли до 49,03 млн долл. США. «Проседание» экспорта овса в 2022 г. до 34,88 млн долл. США было компенсировано дальнейшим ростом, в т.ч. в размере 155,74% по итогам 2024 г. Овес, таким образом, - единственная злаковая культура, экспорт которой из Российской Федерации не сократился по итогам 2024 г. в денежном выражении.

Более, чем в 11 раз (1125,45%) увеличился экспорт ржи – с 1,79 млн долл. США по итогам 2020 г. до 20,17 млн долл. США в 2024 г. при том, что в 2023 г. экспорт культура достигал максимальных 29,38 млн долл. США (сокращение в 2024 г. по отношению к 2023 г. составило 31,35%).

Третий год подряд сокращается экспорт из Российской Федерации риса, достигнув в 2024 г. 17,40% значения за 2020 г. при том, что в 2021 г. значение экспорта было ещё больше – 71,47 млн долл. США против 67,17 млн долл. США годом ранее. В последний период анализируемого временного диапазона, 2024 г., сокращение составило более чем наполовину – 50,30%.

Поставки сорго зернового по итогам 2024 г. составили 35,99% от исходного значения (1,44 против 4,01 млн долл. США) и 24,33% от значения прошлого года (5,94 млн долл. США).

Таким образом, динамика экспорта злаковой продукции из Российской Федерации характеризуется существенной вариабельностью, что, однако, не нашло значимого, при сопоставлении крайних значений, отражения в динамике структуры экспорта злаковой продукции Российской Федерации (таблица 19).

Таблица 19 – Структура экспорта злаковой продукции из Российской Федерации по наименованиям в 2020-2024 гг., % [274]

Наименование товарной позиции	Значение, %					Изменение, п.п.	
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024 г. / 2020 г.	2024 г. / 2023 г.
Пшеница и меслин	84,77	79,59	84,10	82,08	84,39	-0,39	2,31
Ячмень	9,62	10,54	5,56	8,04	8,46	-1,16	0,42
Кукуруза	4,23	7,57	7,95	8,30	5,20	0,97	-3,10
Гречиха, просо и семена канаречника; прочие злаки	0,43	0,69	1,00	0,90	1,04	0,61	0,14
Овес	0,16	0,53	0,33	0,27	0,59	0,43	0,32
Рожь	0,02	0,23	0,63	0,20	0,20	0,18	-0,01
Рис	0,72	0,78	0,33	0,16	0,11	-0,61	-0,05
Сорго зерновое	0,04	0,07	0,09	0,04	0,01	-0,03	-0,03
Итого	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	0,00	0,00

Так, удельный вес пшеницы и меслина сократился всего на 0,39 п.п. Наиболее заметные структурные изменения можно проследить в 2021, 2022 и 2024 гг., когда доля товарной позиции претерпевала наиболее выраженные изменения (-5,18 п.п., +4,51 п.п. и +2,31 п.п. соответственно).

Доля ячменя в структуре экспортных поставок злаковой продукции дости-

гала в 2021 г. максимальных 10,54%, однако, уже годом позже она снизилась до минимальных 5,56%, т.е. на 4,98 п.п., определяясь резким сокращением поставок в условиях общего их роста (см. выше). В целом же, доля культуры в экспорте злаков снизилась на 1,16 п.п. при том, что в последний год анализируемого временного диапазона значение дои выросло на 0,42 п.п.

Удельный вес кукурузы в экспорте злаков по итогам 2024 г. вырос по отношению к 2020 г. на 0,97 п.п. (5,20% против 4,23%), но снизился на 3,10 п.п. по отношению к 2023 г. (8,30%).

Максимальное значение экспорта гречихи, проса, семян канареечника и прочих злаков было достигнуто, как указывалось выше, в 2023 г., однако максимальная доля культуры зафиксирована по итогам 2024 г. (1,04%), что объясняется менее интенсивным сокращением абсолютной величины по сравнению с итоговым значением.

Доля каждой из всех иных злаковых культур в совокупном экспорте, равно как и их суммы, не достигала в 2024 г. и 1%. Максимум среди значений-минимумов характерен для овса – 0,59%. Вместе с тем, в отдельные периоды доля иных культур и была несколько выше, чем по итогам 2024 г. (рожь: 0,63% в 2022 г.; рис: 0,78% в 2021 г.; сорго зерновое: 0,09% в 2022 г.).

Дополним анализ зернового экспорта получением оценок также и в натуральном выражении, что позволит нам исключить влияние ценового фактора на динамику результирующего показателя экспорта злаковой продукции Российской Федерации. Прежде всего, обратим внимание на различие значений темпов роста по общей величине экспорта злаков – по итогам 2024 г. по отношению к 2020 г. значение темпа роста в физическом, натуральном выражении ниже 100%, составив 82,52%, в то время как в денежном, как уже указывалось, равно 109,92%. Т.е. рост экспорта был достигнут в условиях сокращения физического объёма за счёт увеличения цены поставляемой злаковой продукции (таблица 20).

Таблица 20 – Динамика экспорта из Российской Федерации зерновой продукции в натуральном выражении в 2020-2024 гг., тыс. т [274]

Наименование товарной позиции	Значение, тыс. т					Темп роста, %	
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024 г. / 2020 г.	2024 г. / 2023 г.
Пшеница и меслин	37267,01	27366,37	22227,93	36038,56	30224,03	81,10	83,87
Ячмень	4963,40	3962,67	1716,22	4672,21	3711,32	74,77	79,43
Кукуруза	2289,27	2936,35	2484,53	4028,54	2364,57	103,29	58,70
Гречиха, просо и семена канареечника; прочие злаки	102,76	137,39	183,96	306,04	309,94	301,62	101,27
Овес	76,15	198,95	142,68	185,73	274,03	359,85	147,55
Рожь	11,84	113,20	207,72	150,67	128,89	1088,93	85,54
Рис	144,93	132,02	49,47	34,66	13,86	9,56	39,98
Сорго зерновое	17,95	24,01	29,32	18,45	4,14	23,07	22,45
Итого	44873,32	34870,96	27041,82	45434,85	37030,79	82,52	81,50

Если же сравнивать темпы роста в натуральном и стоимостном выражении при исследовании динамики 2024 г. по отношению к 2023 г., то фиксируется уже превышение значения по физическим единицам измерения над стоимостными, т.е. вывод корректируется – физически продаётся всё больше в условиях меньшей цены или меньшей выраженности её динамики.

Основу обозначенных изменений задаёт, что логично в условиях его значимости, экспорт пшеницы. Озвученные выводы в полной мере присущи этому направлению экспорта – в стоимостном выражении экспорт пшеницы и меслина вырос в 2024 г. по отношению к 2020 г. на 9,41% (темп роста 109,41%), сократился в физическом на 18,90% (100 – 81,10); темп роста экспорта пшеницы и меслина в 2024 г. по отношению к 2023 г. в размере 83,87% в натуральном выражении сопровождался более выраженным в своём сокращении темпом роста экспорта в стоимостном выражении – 72,96%.

В целом аналогичные выводы, но с поправкой на конкретные числовые значения, можно сделать по таким экспортным позициям как ячмень, кукуруза, рожь, причём как в паре 2024/2020 гг., так и в паре 2024/2023 гг.

В части гречихи, проса, семян канареечника и прочих зерновых культур отмечавшееся выше наращивание экспортных продаж в паре 2024/2020 гг. со-

проводилось более выраженным влиянием фактора физического объёма (263,85% - общий рост против 301,62% - темп роста в физическом выражении). При рассмотрении же изменений за последний год выявлено более выраженное влияние фактора физического объёма.

На рост экспортных поставок овса благоприятное воздействие оказывали факторы как физического объёма, так и цен.

Сопоставление рассчитанных значений по рису и сорго зерновому выявляет ещё более негативную характеристику экспортных поставок этих культур, т.к. в физическом выражении экспорт ещё более сократился, не компенсируясь тем самым даже более высокими ценами.

Выполним оценку географических, страновых направлений российского экспорта злаков с сортировкой от наибольшего к наименьшему по 2024 г. (таблица 21).

Таблица 21 – Структура экспорта злаковой продукции Российской Федерации по странам в 2020-2024 гг., % [274]

Страна	Значение, %					Изменение, п.п.	
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024 г. / 2020 г.	2024 г. / 2023 г.
Египет	21,89	18,76	20,62	17,59	29,78	7,89	12,19
Турция	19,21	25,45	29,12	23,13	14,16	-5,04	-8,96
Саудовская Аравия	2,53	4,20	9,80	6,02	10,48	7,95	4,46
Кения	1,63	1,09	1,49	3,21	4,93	3,30	1,72
Китай	0,50	0,87	0,82	2,23	4,23	3,73	1,99
Казахстан	1,18	2,56	3,47	2,99	4,12	2,94	1,14
Израиль	0,06	0,06	0,06	3,40	4,06	4,00	0,66
Пакистан	3,23	1,55	3,13	4,56	3,70	0,47	-0,86
Индонезия	0,18	0,05	0,12	1,97	3,70	3,52	1,73
Азербайджан	3,55	3,45	3,56	1,94	2,76	-0,80	0,82
Прочие страны	46,04	41,97	27,81	32,96	18,08	-27,96	-14,88
Итого	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	0,00	0,00

Указание на способ группировки данных таблицы позволяет акцентировать внимание на том, что Египет не является безусловным лидером российского экспорта злаковых, поскольку таковым по итогам 2021-2023 гг. следует считать Турцию. Тем не менее, доля Египта в российском экспорте злаков выросла

в целом за анализируемый период с 21,89% в 2020 г. до максимальных по итогам 2024 г. 29,78% (+7,89 п.п.), принимая в то же время и более низкие значения, например, 17,59% по итогам 2023 г.

Необходимо отметить, что «проседание» удельных вес Египта и Турции по итогам 2023 г. обусловлено не непосредственным сокращением величины экспорта, а резким, с 2,93 до 4,79 млрд долл. США, ростом экспорта в «прочие страны».

По итогам 2022 г. удельный вес Турции в экспортных поставках злаковых достигал максимальных 29,12%, снизившись в следующем году до 23,13% (-5,99 п.п.), но достигнув годом позже минимальных 14,16% (-8,96 п.п.) в силу более чем двукратного непосредственного сокращения поставок (с 3,36 до 1,45 млрд долл. США).

Удельный вес Саудовской Аравии за исследуемый период увеличился до 10,48% по итогам 2024 г., увеличившись в целом за период с 2,53% на 7,95 п.п., в т.ч. на 4,46 п.п. за последний год.

Доля трёх названных стран в российском экспорте злаков была определяющей и в предшествующие годы, особенно, по итогам 2022 г.: 59,53%. По итогам 2024 г. на Египет, Турцию и Саудовскую Аравию приходится 54,43%, что на 7,68 п.п. больше значения годом ранее (46,75%).

Значимый удельный вес в структуре экспорта злаков имеет сразу ряд стран – Кения, Китай, Казахстан и Израиль, на которые в 2024 г. приходилось 4,93, 4,23, 4,12 и 4,06, в сумме 17,34% совокупных экспортных продаж злаков. Объединяющим названные страны признаком можно считать не только примерное сходство значений, но и примерно равные величины прироста анализируемых величин: 3,30, 3,73, 2,94 и 4,00 п.п. соответственно, существенная часть из которых была достигнута по итогам 2024 г.: 1,72, 1,99, 1,14 и 0,66 п.п. соответственно.

В равной относительной величине, по 3,70%, сложилась величина доли экспорта злаков в Пакистан и Индонезию, однако в первом случае удельный вес страны за последний год сократился (на 0,86 п.п., по причине непосредственно-

го сокращения закупок), то во втором случае – увеличился, на 1,73 п.п.

Азербайджан в 2023-2024 гг. закупал российские злаковые примерно в равных величинах (282-283 млн долл. США), что в условиях сокращения общей величины экспорта злаковых привело к росту доли страны до 2,76%, на 0,82 п.п., что, однако, меньше исходного уровня на 0,80 п.п.

Оценка сокращения доли прочих стран в совокупном экспорте злаковых, как основы зерновых, неоднозначна. С одной стороны, сокращение доли группы в целом за период на 27,96 п.п., в т.ч. на 14,88 п.п. за последний год, облегчает фокус на меньшем количестве стран, с другой стороны – это же является и недостатком, поскольку экспорт замыкается на более узком числе стран, делает его уязвимым.

Рассматривая структуру экспорта пшеницы и меслина, мы можем констатировать, что речь идет практически полностью о таких товарных наименованиях как «Прочие пшеница и меслин», а также «Прочая, пшеница твердая» (таблица 22).

Таблица 22 – Структура экспорта пшеницы и меслина из Российской Федерации по наименованиям в 2020-2024 гг., % [274]

Наименование товарной позиции	Значение, %					Изменение, п.п.	
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024 г. / 2020 г.	2024 г. / 2023 г.
Прочие пшеница и меслин (100199)	99,18	98,24	58,18	63,29	54,77	-44,42	-8,53
Прочая, пшеница твердая (100119)	0,49	0,85	40,60	36,03	44,20	43,71	8,17
Пшеница и меслин семенные (100191)	0,32	0,90	1,00	0,47	0,71	0,39	0,23
Пшеница твердая, семенная (100111)	0,01	0,01	0,03	0,21	0,23	0,22	0,02
Прочие пшеница и меслин (100190)	0,00	0,00	0,18	0,00	0,10	0,10	0,10
Пшеница твердая (100110)	0,00	0,00	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00
Итого	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	0,00	0,00

Как следует из представленной таблицы, прослеживается динамика изменения структуры экспорта пшеницы и меслина в пользу «прочей пшеницы

твёрдой» (+43,71 п.п. за весь анализируемый период, в т.ч. на 8,17 п.п. за последний анализируемый год), компенсирующее сокращение товарной позиции «Прочие пшеница и меслин» (100199) (с 99,18% по итогам 2020 г. до 54,77% по итогам 2024 г., т.е. на 44,42 п.п., в т.ч. на 8,53 п.п. за последний анализируемый год). Поставки иных наименований пшеницы в целом остаются незначительными.

Более половины (50,60%) экспорта пшеницы и меслина в 2024 г. приходилось на три страны – Египет, Турцию и Саудовскую Аравию (рисунок 15).

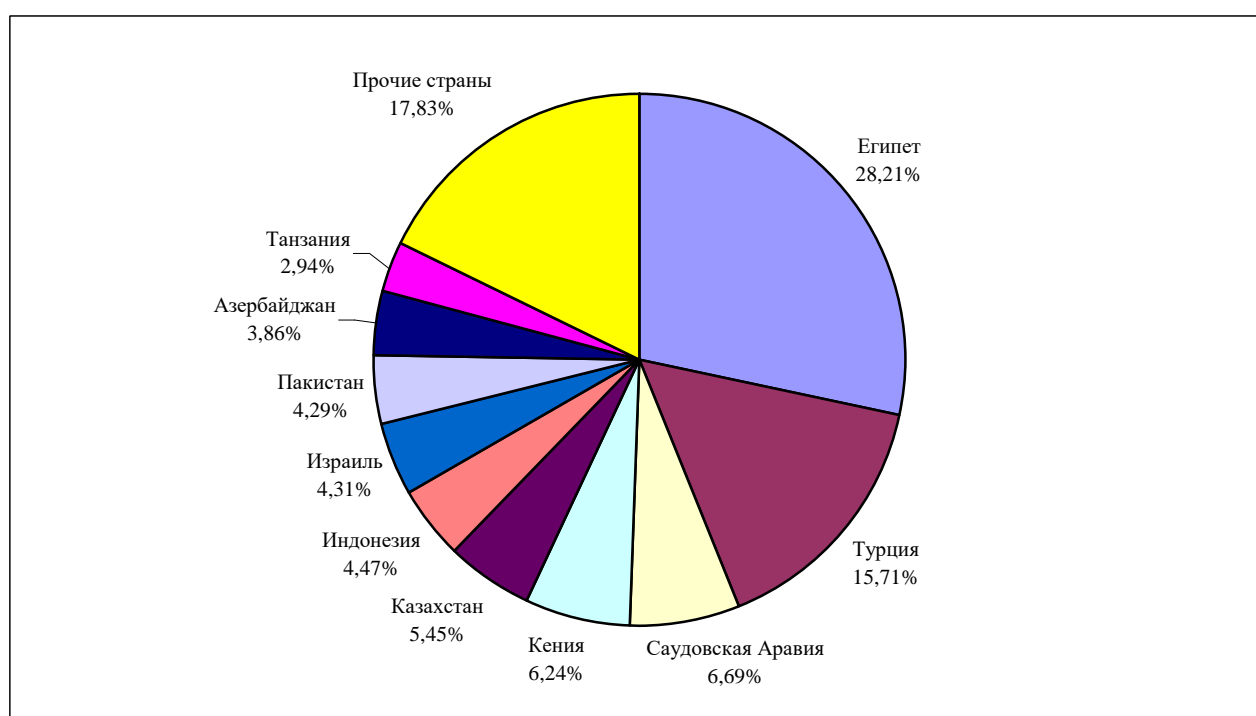

Рисунок 15 – Структура экспорта пшеницы и меслина из Российской Федерации в 2024 г., % [274]

Изменения, произошедшие при переходе от рассмотрения субъектного состава в рамках злаковых в целом к субъектному составу в рамках пшеницы характеризуются выбыванием по итогам 2024 г. из ТОП-10 Китая, занимавшего 5-е место в структуре экспорта злаковых, более высоким местом Индонезии (6-е против 9-го), вхождением в состав 10 ведущих покупателей российской пшеницы Танзании.

Ячмень, экспортируемый из Российской Федерации, включает ячмень се-

менной, а также ячмень прочий, однако доля семенного ячменя остаётся крайне незначительной, достигая в своём максимальном значении по итогам 2022 г. 1,37% (таблица 23).

Таблица 23 – Структура экспорта ячменя из Российской Федерации по наименованиям в 2020-2024 гг., % [274]

Наименование товарной позиции	Значение, %					Изменение, п.п.	
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024 г. / 2020 г.	2024 г. / 2023 г.
Ячмень прочий	99,80	99,76	98,63	99,88	99,65	-0,15	-0,23
Ячмень семенной	0,20	0,24	1,37	0,12	0,35	0,15	0,23
Итого	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	0,00	0,00

Российский экспорт ячменя в разрезе географических направлений (стран) характеризуются неустойчивостью состава, но прежде всего динамики значений. Тем не менее, агрегировано структуру экспорта ячменя из Российской Федерации по странам за 2023 и 2024 гг. можно представить следующим образом (рисунок 16; внутренний круг – 2023 г., внешний круг – 2024 г.).

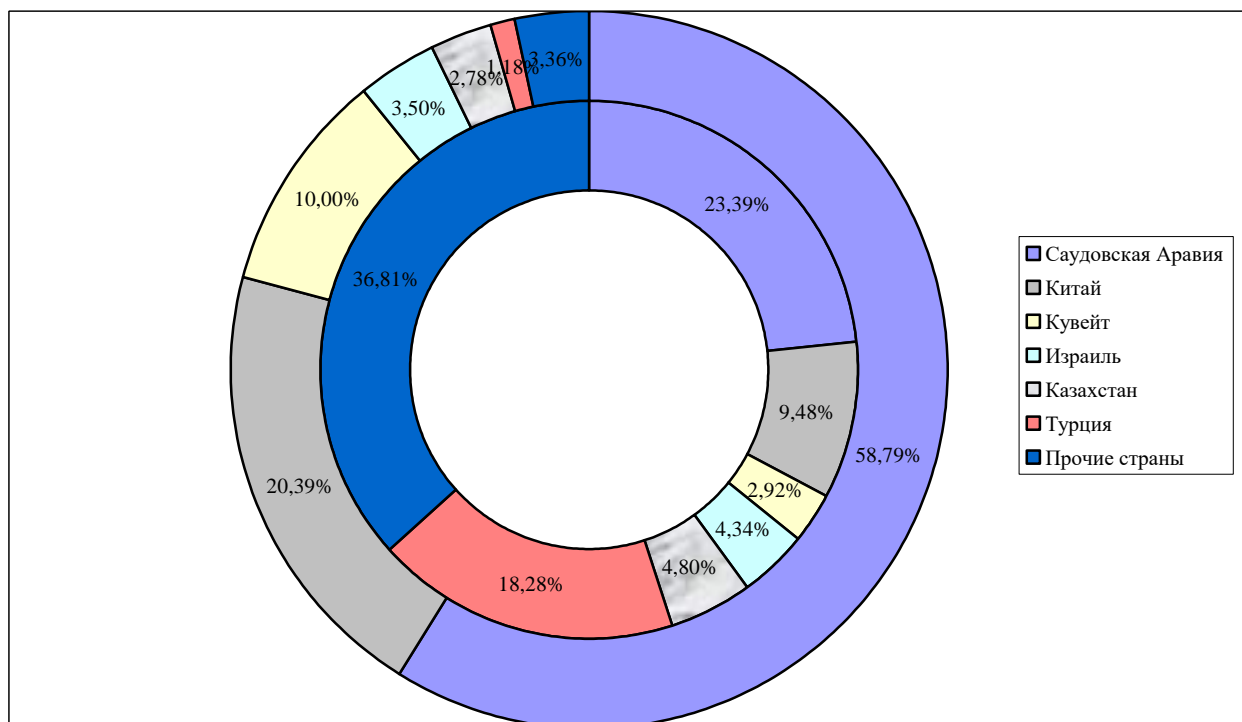

Рисунок 16 – Структура экспорта ячменя из Российской Федерации по странам в 2023-2024 гг., % [274]

По итогам 2024 г. совокупный экспорт из Российской Федерации ячменя сократился с 1163,60 до 868,58 млн долл. США, но в Саудовскую Аравию вырос с 272,16 до 510,63 млн долл. США, что и привело к приросту доли страны на 35,40 п.п. (с 23,39% до 58,79%). Аналогичная ситуация прослеживается по Китаю, куда поставки ячменя выросли с 110,29 до 177,09 млн долл. США, определив прирост с 9,48% до 20,39%, т.е. на 10,91 п.п., Кувейту – с 33,92 до 86,87 млн долл. США, создав прирост на 7,09 п.п. – с 2,92% до 10,00%.

Турция, куда поставки в 2023 г. составляли 18,28%, сократила закупки с 212,67 до 10,26 млн долл. США, что и привело к снижению доли страны до 1,18%, на 17,10 п.п. Доля Израиля и Казахстана уменьшилась на 0,84 п.п. и 2,02 п.п., до 3,50% и 2,78% соответственно вследствие непосредственного сокращения поставок.

На долю обозначенных стран в 2024 г. приходилось 96,64% (100 – 3,36) всех экспортных продаж ячменя Российской Федерацией в то время как годом ранее – «только» 63,19% (100 – 36,81), что свидетельствует о недиверсифицированности экспорта ячменя, концентрации рисков на ограниченном перечне покупателей, имеющих, как следствие, соответствующую рыночную власть, экономическое влияние.

Кукуруза, экспортируемая из Российской Федерации, включает семенную и прочую. Доля последней – определяющая (таблица 24).

Таблица 24 – Структура экспорта кукурузы из Российской Федерации по наименованиям в 2020-2024 гг., % [274]

Наименование товарной позиции	Значение, %					Изменение, п.п.	
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	24/20	24/23
Кукуруза прочая	98,77	99,12	99,54	99,37	97,87	-0,90	-1,50
Кукуруза семенная	1,23	0,88	0,46	0,63	2,13	0,90	1,50
Итого	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	0,00	0,00

Достижение по семенной кукурузе максимального в 2024 г. значения удельного веса в 2,13% определяется одновременным влиянием двух факторов:

во-первых, сокращением в 2024 г. экспорта прочей кукурузы с 1193,37 до 522,24 млн долл. США; во-вторых, непосредственном ростом экспорта семенной кукурузы с 7,53 до 11,37 млн долл. США.

Как и по ячменю, по кукурузе прослеживается вариабельность объёмов экспорта, концентрация на ограниченном числе стран, импортирующих данную продукцию (рисунок 17).

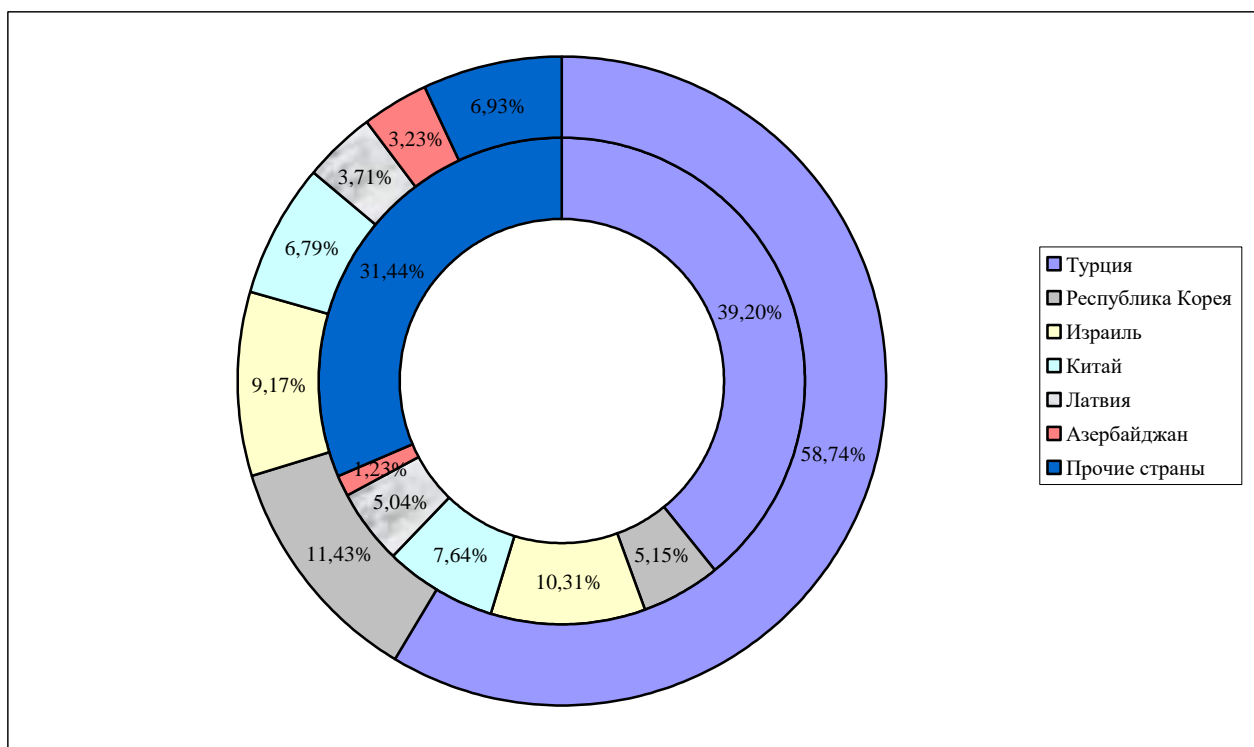

Рисунок 17 – Структура экспорта кукурузы из Российской Федерации по странам в 2023-2024 гг., % [274]

На четыре страны – Турцию, Республику Корея, Израиль и Китай – в 2024 г. приходилось 86,13% совокупного экспорта Российской Федерацией кукурузы (58,74%, 11,43%, 9,17% и 6,79% соответственно), хотя годом ранее на эти же страны приходилось лишь только 62,30% (39,20%, 5,15%, 10,31% и 7,64% соответственно). При этом каждая из обозначенных стран, а также следующая за ними Латвия, сократили закупку российской кукурузы. Таким образом, структурные изменения определяются не разной интенсивностью роста закупок, а разной интенсивностью их сокращения. Вместе с тем, в 2024 г. некоторые стра-

ны нарастили закупки кукурузы из России – Азербайджан (с 14,76 до 17,26 млн долл. США), Грузия (с 11,45 до 11,81 млн долл. США), Казахстан (с 4,41 до 4,45 млн долл. США), однако их доля остаётся высокой.

Предваряя переход к рассмотрению экспорта зернопродуктов из Российской Федерации, представим краткую оценочную характеристику экспорта гороха как основной, это отмечалось выше, зернобобовой культуры. Опираясь на данные ИТС Trade Map, экспорт из Российской Федерации по ТН ВЭД 070810 «Горох (*pisum sativum*), свежий или охлажденный» получил в 2020-2024 гг. следующее развитие (таблица 25).

Таблица 25 – Экспорт из Российской Федерации по ТН ВЭД 070810 Горох (*pisum sativum*), свежий или охлажденный в 2020-2024 гг., млн долл. США [274]

Наименование товарной позиции	Значение					Изменение	
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	24/20	24/23
Прочие бобовые, кроме гороха и фасоли, в стручках или очищенные, свежие или охлажденные	192	110	222	0	115	-77	115
Горох, свежий или охлажденный	185	176	49	557	43	-142	-514
Фасоль, свежая или охлажденная	13	4	15	3	1	-12	-2
Итого	390	290	286	560	159	-231	-401

Данные представленной таблицы свидетельствуют о том, что горох не является основной товарной позицией по группе зернобобовых на всём протяжении анализируемого временного периода, уступая в 2020, 2022 и 2024 г. позиции «Прочие бобовые, кроме гороха и фасоли». Тем не менее, ранее, при проведении анализа аграрного экспорта в целом, нами был установлен факт резкого роста продаж по товарной позиции «Горох» (см. таблицу 14). Обращение к данным представленной таблицы 25, а также детализация их по сервису ИТС Trade Map, позволяет считать этот «всплеск» разовым и не имеющим подкрепления прошлыми продажами (таблица 26).

Таблица 26 – Экспорт гороха из Российской Федерации в разрезе стран, млн долл. США [274]

Страна	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Кувейт	-	-	-	-	28
Армения	30	-	7	2	11
Казахстан	188	29	23	492	4
Монголия	-	-	-	36	-
Болгария	-	-	-	1	-
Кыргызстан	-	-	19	-	-
Государство Палестина	-	-	-	26	-
Объедин. Арабские Эмираты	-	85	-	-	-
Беларусь	-	1	-	-	-
Всего	218	115	49	557	43

Об относительной стабильности факта, но не суммы экспортных поставок можно говорить лишь применительно к Республике Казахстан, импортировавшей, в частности, в 2023 г. гороха на 492 млн долл. США, но сократившей покупки всего лишь годом позже до 4 млн долл. США – в 123 раза. Поставка в Кувейт максимальны в 2024 г. в межстрановом сопоставлении, но по данным таблицы можно проследить, что они также носят единичный характер.

Каждая страна, и Российская Федерация – не исключение, стремится экспортировать товары с более высокой добавленной стоимостью, создавая, как было доказано, импульс к расширению инвестиционной составляющей, интенсифицируя научно-технологическое развитие, улучшая социально-экономические показатели. Выполним далее анализ, как и в случае со злаковыми в целом, получая характеристики роста экспорта в стоимостном выражении, получив по этим данным структурные характеристики, оценив динамику экспорта продуктов переработки по натуральным измерителям, а представив структуру экспорта продуктов переработки зерна в контексте географической, страновой дифференциации.

Сопоставляя значения экспорта злаковых как определяющей части зерновых с представленными ниже значениями экспорта переработанной зерновой продукции, а именно, в соответствии с категорией ИТС Trade Map «11. Продук-

ция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмалы; инулин; пшеничная клейковина», приходится констатировать, что переработанная продукция всё ещё остаётся незначительной в своей величине при сравнении с «непереработанной», а общая динамика соответствующих экспортных продаж в фактически действовавших ценах неоднородна (таблица 27).

Таблица 27 – Динамика экспорта продукции мукомольно-крупяной промышленности и прочих продуктов переработки зерна в 2020-2024 гг., млн долл. США [274]

Наименование товарной позиции	Значение					Темп роста, %	
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	24/20	24/23
Солод, поджаренный или неподжаренный	71,05	137,03	135,94	158,18	130,74	184,02	82,65
Мука пшеничная или пшенично-ржаная	77,03	85,85	166,94	162,05	123,35	160,13	76,11
Зерно злаков, обработанное другими способами (шелушенное, плющенное, переработанное)	93,26	119,91	137,70	133,13	104,00	111,52	78,12
Мука тонкого и грубого помола, порошок, хлопья	9,32	3,41	2,14	9,41	20,06	215,18	213,32
Крупа, мука грубого помола и гранулы из зерна злаков	17,87	18,51	15,81	14,51	18,09	101,19	124,65
Крахмал, инулин	11,60	20,67	20,72	14,89	13,00	112,12	87,32
Клейковина пшеничная, сухая или сырая	68,42	77,03	79,80	61,90	11,04	16,14	17,83
Мука из зерна прочих злаков, кроме пшеничной или пшенично-ржаной	5,73	5,56	4,26	7,40	3,13	54,67	42,29
Мука тонкого и грубого помола и порошок из сушеных бобовых	0,50	0,81	0,54	0,30	0,55	109,80	180,59
Итого	354,77	468,78	563,85	561,78	423,95	119,50	75,47

Рассматривая динамику экспорта продукции мукомольно-крупяной промышленности и прочих продуктов переработки зерна, мы можем констатировать наличие некоторых схожих с динамикой экспорта злаковых тенденций. В частности, можно отметить, что в обоих случаях наличествует увеличение продаж в 2024 г. относительно значения 2020 г., но его же сокращение относительно 2023 г.

Общий рост экспорта продукции мукомольно-крупяной промышленности и прочих продуктов переработки зерна составил 119,50% к 2020 г., но 75,47% к 2023 г. Максимальный рост прослеживается по товарной позиции муки тонкого и грубого помола, порошка и хлопьев – 215,18%, при этом его рост практически полностью создан в 2024 г. – темп роста относительного 2023 г. равен 213,32%. Регресс, ухудшение экспортных значений мукомольно-крупяной промышленности и прочих продуктов переработки зерна прослеживаются по двум товарным наименованиям:

1) «Клейковина пшеничная, сухая или сырая». Значение за 2024 г. составило 16,14% от 2020 г. и 17,83% от 2023 г. Падение наличествует два последних временных периода;

2) «Мука из зерна прочих злаков, кроме пшеничной или пшенично-ржаной». Динамика разнонаправлена, но в целом за анализируемый период негативна – за весь период экспорт названной продукции сократился на 45,33%, за последний год – на 57,71%.

Высокие темпы роста экспорта демонстрируют поджаренный или неподжаренный солод – 184,02% за весь период, но 82,65% за последний год, а также мука пшеничная или пшенично-ржаная – 160,13% и 76,11% соответственно.

С поправкой на ценовой фактор темпы роста по следующим товарным позициям можно считать неудовлетворительными:

1) зерно злаков, обработанное другими способами (шелушенное, плющеное, переработанное) – за 2020-2024 гг. экспорт данной продукции увеличился всего на 11,52%, но снизился в 2024 г. на 21,88% (100 – 78,12);

2) крупа, мука грубого помола и гранулы из зерна злаков – прирост в фактически действовавших ценах составил 101,19%. При этом выход на значение выше 100% был обеспечен в 2024 г. годовым ростом в размере 124,65%;

3) крахмал, инулин – итоговый рост сложился в размере 112,12%. Часть более выраженного роста была «поглощена» в отрицательной динамике 2024 г. – темп роста 87,32%;

4) мука тонкого и грубого помола и порошок из сушеных бобовых –

109,80% и 180,59% соответственно, имеет место существенная вариабельность значений (особенно в 2021 и 2023 гг.).

Неоднородность динамики привела к структурным изменениям, ряд из которых можно расценивать как существенные (таблица 28).

Таблица 28 – Структура экспорта продуктов переработки зерна из Российской Федерации в 2020-2024 гг., % [274]

Наименование товарной позиции	Значение					Изменение, п.п	
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	24/20	24/23
Солод, поджаренный или неподжаренный	20,03	29,23	24,11	28,16	30,84	10,81	2,68
Мука пшеничная или пшенично-ржаная	21,71	18,31	29,61	28,85	29,09	7,38	0,25
Зерно злаков, обработанное другими способами (шелушенное, плющенное, переработанное)	26,29	25,58	24,42	23,70	24,53	-1,76	0,83
Мука тонкого и грубого помола, порошок, хлопья	2,63	0,73	0,38	1,67	4,73	2,10	3,06
Крупа, мука грубого помола и гранулы из зерна злаков	5,04	3,95	2,80	2,58	4,27	-0,77	1,68
Крахмал; инулин	3,27	4,41	3,67	2,65	3,07	-0,20	0,42
Клейковина пшеничная, сухая или сырая	19,29	16,43	14,15	11,02	2,60	-16,68	-8,42
Мука из зерна прочих злаков, кроме пшеничной или пшенично-ржаной	1,61	1,18	0,76	1,32	0,74	-0,88	-0,58
Мука тонкого и грубого помола и порошок из сушеных бобовых	0,14	0,17	0,10	0,05	0,13	-0,01	0,08
Итого	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	0,00	0,00

Наиболее значимым изменением структуры экспорта продукции мукомольно-крупяной промышленности следует считать сокращение с 19,29% в 2020 г. до 2,60% по итогам 2024 г., т.е. на 16,68 п.п., в т.ч. на 8,42 п.п. за последний год, доли пшеничной клейковины. Только часть однонаправленной тенденции сокращения удельного веса данного товара можно «списать» на более интенсивный рост по другим товарным группам. Это характерно для периода с 2020 по 2022 гг. Однако, уже в 2023 г. произошло сокращение экспорта (с 79,80 до 61,90 млн долл. США), которое в 2024 г. фактически перешло в паде-

ние (до 11,04 млн долл. США).

Основной экспортной позицией мукомольно-крупяной промышленности Российской Федерации следует считать солод, доля которого была максимальной в 2024 и 2021 гг. (30,84% и 29,23% соответственно). В целом прирост значимости товарной позиции составил 10,81 п.п., из которых примерно четверть приходится на заключительный период 2024 г. (2,68 п.п.).

Мука пшеничная или пшенично-ржаная была наиболее крупной статьёй экспорта российской мукомольно-крупяной промышленности в 2020, 2022 и 2023 гг., составляя от общей суммы экспорта 21,71%, 29,61% и 28,85% соответственно. Относительная стабильность доли товарной позиции по итогам 2022-2024 гг. в размере 29% в условиях нестабильности общей суммы экспорта является иллюстрацией того, что данная группа совокупные изменения во многом и создаёт (наряду с солодом и зерном злаков). В целом по муке пшеничной фиксируется сокращение удельного веса товарной позиции на 1,76 п.п. до 24,53% даже в условиях увеличения за последний год удельного веса на 0,83 п.п.

Удельный вес муки тонкого и грубого помола достиг максимума по итогам 2024 г. – 4,73%, что больше исходного значения на 2,10 п.п. и создано в т.ч. приростом за 2024 г. в размере 3,06 п.п., что позволяет нам обратить внимание на неоднородность динамики значений – в отдельные периоды, а именно в 2021-2022 гг. доля группы сокращалась, достигнув минимума в 2022 г. в размере 0,38%. По крайним значениям анализируемого временного диапазона можно сделать формализованный вывод о незначительности изменения удельного веса круп, муки грубого помола – 4,27% в 2024 г. против 5,04% в 2020 г. (-0,77 п.п.). Вместе с тем, в 2023 г. доля группы достигала минимальных 2,58%, увеличившись в дальнейшем на 1,68 п.п.

Доля крахмала и инулина в совокупном экспорте продукции мукомольно-крупяной промышленности колебалась в интервале от 3 до 4% и значимого влияния на общую структуру не имела (-0,20 п.п. за весь период).

В структуре экспортируемой Российской Федерацией продукции мукомольно-крупяной промышленности доля муки из зерна прочих злаков, кроме

пшеничной и пшенично-ржаной, на начало периода составляла 1,61%, на конец – 0,74%, т.е. сократилась на 0,88 п.п., в т.ч. за последний год на 0,58 п.п.

Мука тонкого и грубого помола и порошок из сушеных бобовых не составляла и 1% ни в один из периодов анализируемого временного интервала (0,13% в 2024 г.).

Таким образом, перечень экспортируемой продукции мукомольно-крупяной промышленности Российской Федерации преимущественно ограничен (по стоимости, не по составу) солодом, пшеничной или пшенично-ржаной мукой и обработанным зерном злаков – в 2024 г. на данные товарные позиции приходилось 84,46% всей переработанной зерновой продукции (продукции мукомольно-крупяной промышленности) [274].

Перейдём к оценке экспорта в натуральном выражении, чтобы оценить вклад физического объёма в совокупные изменения экспорта продукции мукомольно-крупяной промышленности (таблица 29).

Таблица 29 – Динамика экспорта продуктов переработки зерна из Российской Федерации в натуральном выражении в 2020-2024 гг., т [274]

Наименование товарной позиции	Значение					Темп роста, %	
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	24/20	24/23
1	2	3	4	5	6	7	8
Мука пшеничная или пшенично-ржаная	246634	258951	418461	525344	427635	173,39	81,40
Зерно злаков, обработанное другими способами (шелушеное, плющенное, переработанное)	159082	166657	273588	333588	246552	154,98	73,91
Солод, поджаренный или неподжаренный	180076	312578	192768	182378	222002	123,28	121,73
Крупа, мука грубого помола и гранулы из зерна злаков	37619	36426	26062	35070	61315	162,99	174,84
Крахмал, инулин	29332	49571	30757	27862	26984	92,00	96,85
Мука тонкого и грубого помола, порошок, хлопья	8580	2866	1161	5807	14670	170,98	252,63
Мука из зерна прочих злаков, кроме пшеничной или пшенично-ржаной	15613	14961	11507	21927	10955	70,17	49,96
Клейковина пшеничная, сухая или сырая	55623	53558	43476	28673	7236	13,01	25,24

1	2	3	4	5	6	7	8
Мука тонкого и грубого помола и порошок из сушеных бобовых	96	187	156	51	255	265,63	500,00
Итого	732655	895755	997936	1160700	1017604	138,89	87,67

В первую очередь необходимо отметить, что общие темпы роста в натуральном выражении выше темпов роста в стоимостном выражении, т.е. экспорт наращивался прежде всего физически (138,89% против 119,50% при сравнении 2024 г. с 2020 г. и 87,67% против 75,47% в сравнении 2024 г. с 2023 г.).

В экспорте солода увеличение физических параметров было одним из определяющих факторов в наращивании совокупных продаж в целом за период с 2020 по 2024 гг. (123,28% и 184,02% соответственно), но, что показательно, было недостаточным в 2024 г. по сравнению с 2023 г. – в физическом выражении экспорт солода вырос на 21,73%, но темп роста соответствующей части экспорта составил лишь 82,65%, т.е. в денежном выражении он сократился.

По пшеничной и пшенично-ржаной муке темпы роста экспорта в физическом выражении выше, чем в стоимостном (173,93% против 160,13% в паре 24/20 гг. и 81,40% против 76,11% в паре 24/23 гг.), что означает, что рост экспорта базировался, прежде всего, на наращивании количественных составляющих.

В части зерна злаков, обработанных другими способами, представленный вывод характерен только для пары 24/20 гг. (154,98% против 111,52%), но рассматривая пару 24/23 гг. мы можем констатировать и опережающее положительное влияние ценового фактора (см. 73,91% по количеству и 78,12% по стоимости).

По муке тонкого и грубого помола, порошку и хлопьям в целом мы видим усиление количественного фактора ценовым, но не наблюдаем этого в последний год.

Прежде всего, количественная природа роста прослеживается в наращивании экспорта круп, муки грубого помола и гранул из зерна злаков, муки то-

нового и грубого помола и порошков из сушеных бобовых, но ценовую – при рассмотрении товарной позиции по крахмалу и инулину (достигнут рост экспорта в условиях снижения физических объёмов), более сильное падение физических параметров экспорта по клейковине пшеничной при сравнении со стоимостными значениями (на 86,99% против 83,86%).

Полученные характеристики, как видно из результатов, однако, не мешают сделать заключение, что экспорт продуктов переработки носит прежде характер количественного, экстенсивного расширения.

Экспорт продукции мукомольно-крупяной промышленности концентрируется на всё более ограниченном числе стран, что, как уже указывалось, уменьшает «распыление», но и увеличивает риски (рисунок 18).

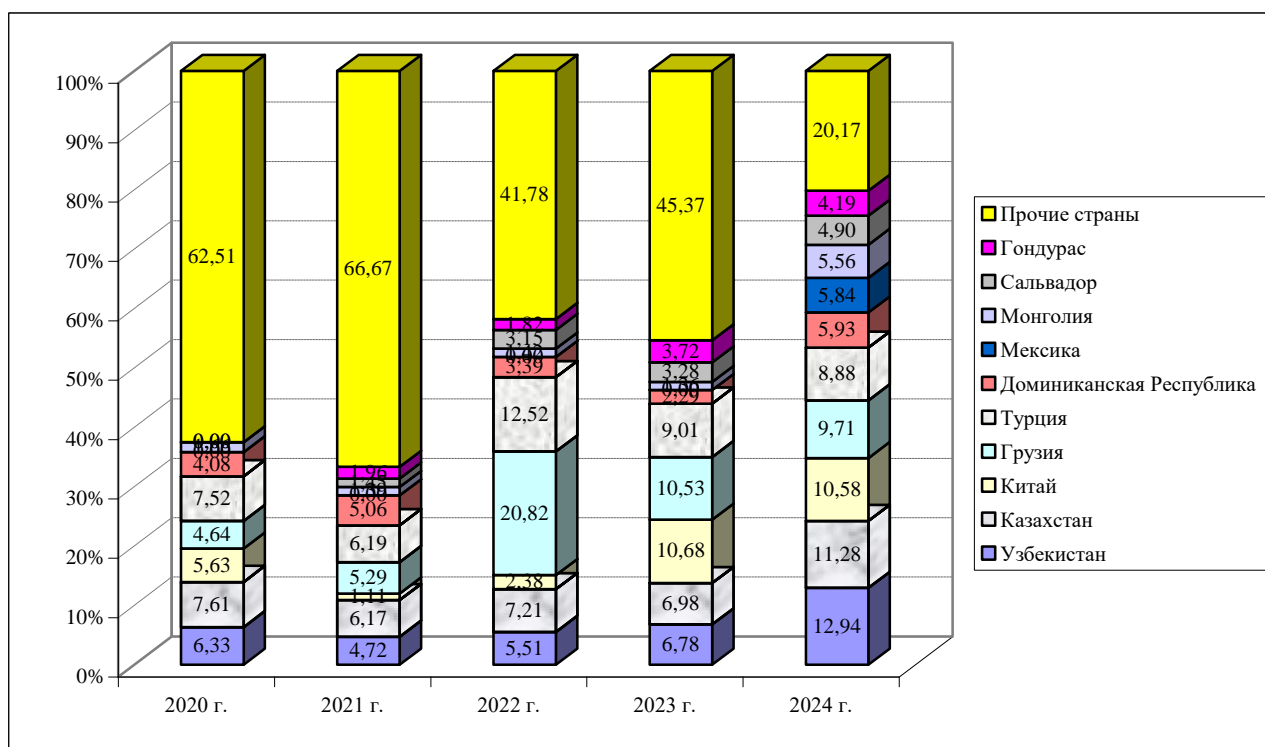

Рисунок 18 – Структура экспорта продукции мукомольно-крупяной промышленности Российской Федерации по странам в 2020-2024 гг., % [274]

Основным потребителем продукции мукомольно-крупяной промышленности Российской Федерации по итогам 2024 г. стал Узбекистан, доля которого выросла с 6,33% в 2020 г. до 12,94% в 2024 г., т.е. на 6,61 п.п., в т.ч. на 6,17 п.п.

в 2024 г. за счёт увеличения закупок с 38,07 до 54,88 млн долл. США в условиях снижения общей суммы экспорта продуктов переработки зерна (с 561,79 до 423,97 млн долл. США).

В отличие от Узбекистана, Казахстан ежегодно не наращивал импорт российской продукции мукомольно-крупяной промышленности (сокращение фиксируется в 2023 г.), но довел закупки до максимального в анализируемом интервале значения в 47,83 млн долл. США, что предопределило значение доли в 11,28% (прирост в 3,67 п.п. за весь период, 4,30 п.п. – за последний год).

Поставки продукции мукомольно-крупяной промышленности в Китай неустойчивы – в 2020 г. они составили 16,43 млн долл. США, в 2021 г. – 5,36 млн долл. США, т.е. в 3 раза меньше, но 13,40 млн долл. США в 2022 г., 60,02 млн долл. США в 2023 г. и 44,87 млн долл. США в 2024 г. В этих условиях арифметически закономерно, что доля названной страны колебалась в интервале от 1,11% (2021 г.) до 10,68% (2023 г.), сократившись до 10,58% в 2024 г.

Грузия остаётся значимым покупателем продукции мукомольно-крупяной промышленности Российской Федерации – 9,71% итогового экспорта продукции мукомольно-крупяной промышленности за 2024 г. Более того, в 2022 г. на данную страну приходилось 20,82% всей экспортируемой продукции мукомольно-крупяной промышленности.

Продукция мукомольно-крупяной промышленности ежегодно поставляется в Турцию. В 2024 г. доля Турции в совокупной экспорте мукомольно-крупяной промышленности изменилась незначительно, сократившись до 8,88%, т.е. на 0,13 п.п., но по отношению к исходному значению показатель увеличился на 1,36 п.п.

Поставки продукции мукомольно-крупяной промышленности достигли в 2024 г. своего исторического максимума – 25,14 млн долл. США, что отразилось в удельном весе этой страны в российском экспорте продукции мукомольно-крупяной промышленности в размере 5,93% в 2024 г. (+1,85 п.п., в т.ч. 3,64 п.п. за 2024 г.).

Как видно из представленного рисунка, существенными, значимыми по

итогах 2024 г. были поставки и в ряд других стран – Мексику, Монголию, Сальвадор, Гондурас. Поставки в Мексику в анализируемом периоде начались с 2024 г. и уже имеют столь высокую роль в российском экспорте, в Сальвадор и Гондурас – с 2021 г., будучи также значимыми.

Доля всех прочих стран в российском экспорте продукции мукомольно-крупяной промышленности сократилась до 20,17%, т.е. на 42,34 п.п., в т.ч. за последний год на 25,20 п.п. Оценка данного факта, как уже отмечалось, не однозначна, имея как положительные, так и отрицательные аспекты.

В целом же можно сделать вывод, что зерновой экспорт Российской Федерации, концентрируясь на поставках, прежде всего, пшеницы и меслина, а также ячменя и кукурузы, демонстрирует разнонаправленную динамику, имея в своей основе зачастую увеличение количественных параметров. Поставки осуществляются в целом в ограниченный перечень зарубежных стран, что усиливает риски экономического давления на нашу страну. Экспорт продукции переработки зерна также демонстрирует расширение, но сводится в основном к поставкам солода, пшеничной и пшенично-ржаной муки, а также обработанного зерна злаков. Неоднозначность достигнутых результатов свидетельствует о необходимости совершенствования экспортной зерновой политики, в т.ч. за счёт её развития на региональном уровне.

3.3. Ретроспектива проектов зернового экспорта России

Инвестиционные проекты, которые были реализованы в анализируемом временном периоде 2021-2023 гг., российскими экспортёрами зерна и продуктов глубокой переработки зерна (ГПЗ), характеризовались преимущественно негативными динамическими изменениями. Экспортно-ориентированные инвестиционные проекты ГПЗ российских зернопроизводителей, трейдеров сократились с 240 млрд руб. по итогам 2021 г. до 164 млрд руб., т.е. на 76 млрд руб. или 31,67%, в 2022 г. и продолжили своё падение в 2023 г., достигнув значения в 111 млрд руб., что на 53 млрд руб. или 32,32% меньше прошлогоднего значе-

ния и на 129 млрд руб. или 53,75% меньше значения за 2021 г., т.е. имеет место более чем двукратное падение (рисунок 19).

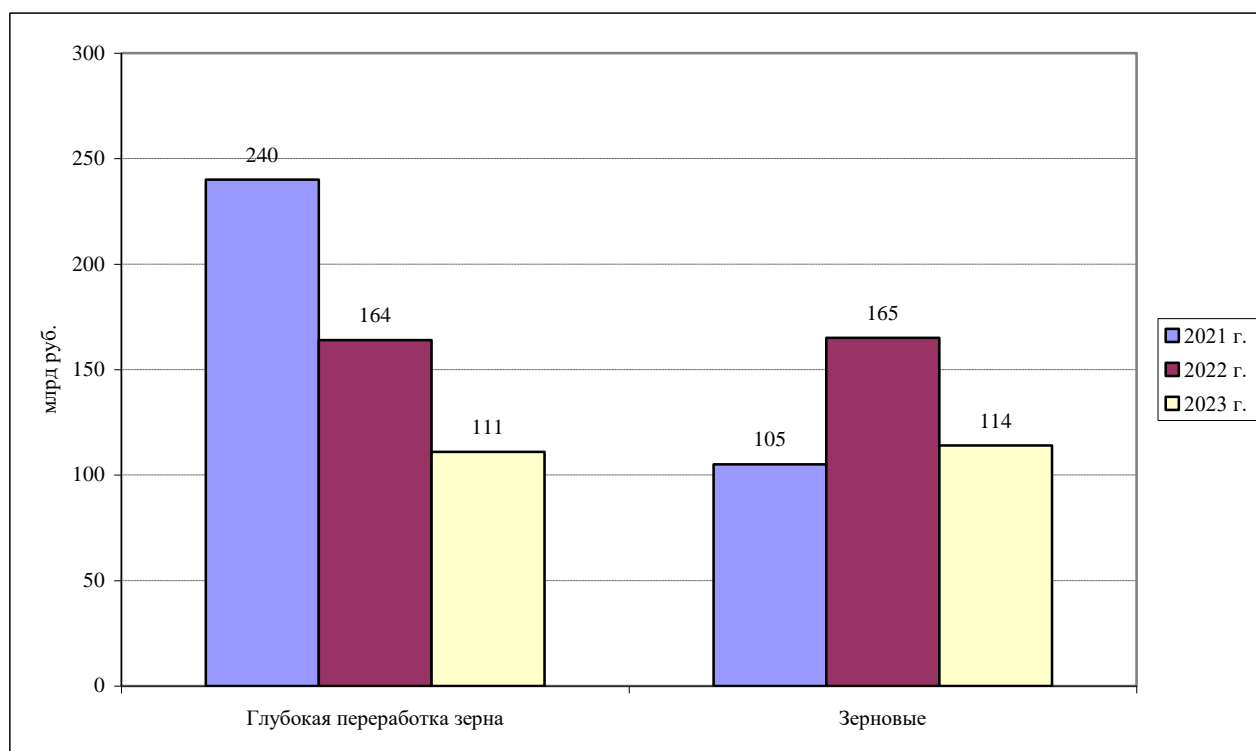

Рисунок 19 – Динамика инвестиций в экспортные проекты за 2021-2023 гг., млрд руб. [187, 188, 189]

Инвестиционные проекты российского АПК, ориентированные на расширение экспортных поставок, по данным «АгроЭкспорт», в исследуемом периоде в целом сократились с 1211 млрд руб. по итогам 2021 г. до 1127 млрд руб. в 2022 г., т.е. на 84 млрд руб. или 6,94% и до 1028 млрд руб. в 2023 г., т.е. на 99 млрд руб. или 8,78%, определив общее сокращение на 183 млрд руб. или 15,11%. Вкупе с выше охарактеризованными сокращениями суммы инвестиций в экспортные проекты ГПЗ это привело к резкому сокращению доли проектов ГПЗ в общем итоге – с 19,82% в 2021 г. до 14,55% (-5,27 п.п.) по итогам 2022 г. и до 10,80% (-3,75 п.п.) в 2023 г., определив общее сокращение в 9,02 п.п. (рисунок 20). Таким образом, сокращение инвестиционных проектов в сфере ГПЗ носило ещё более концентрированный характер, нежели в целом по экспорту продукции АПК России. И если в 2021 г. экспортные проекты в сфере ГПЗ

уступали по стоимости только экспортным проектам пищевой промышленности России (240 млрд руб. против 255 млрд руб.), то в 2022 г. и 2023 г. ещё и проектам мясной (195 и 161 млрд руб. соответственно), масложировой (171 и 169 млрд руб.) и зерновой (165 и 114 млрд руб.) отраслей.

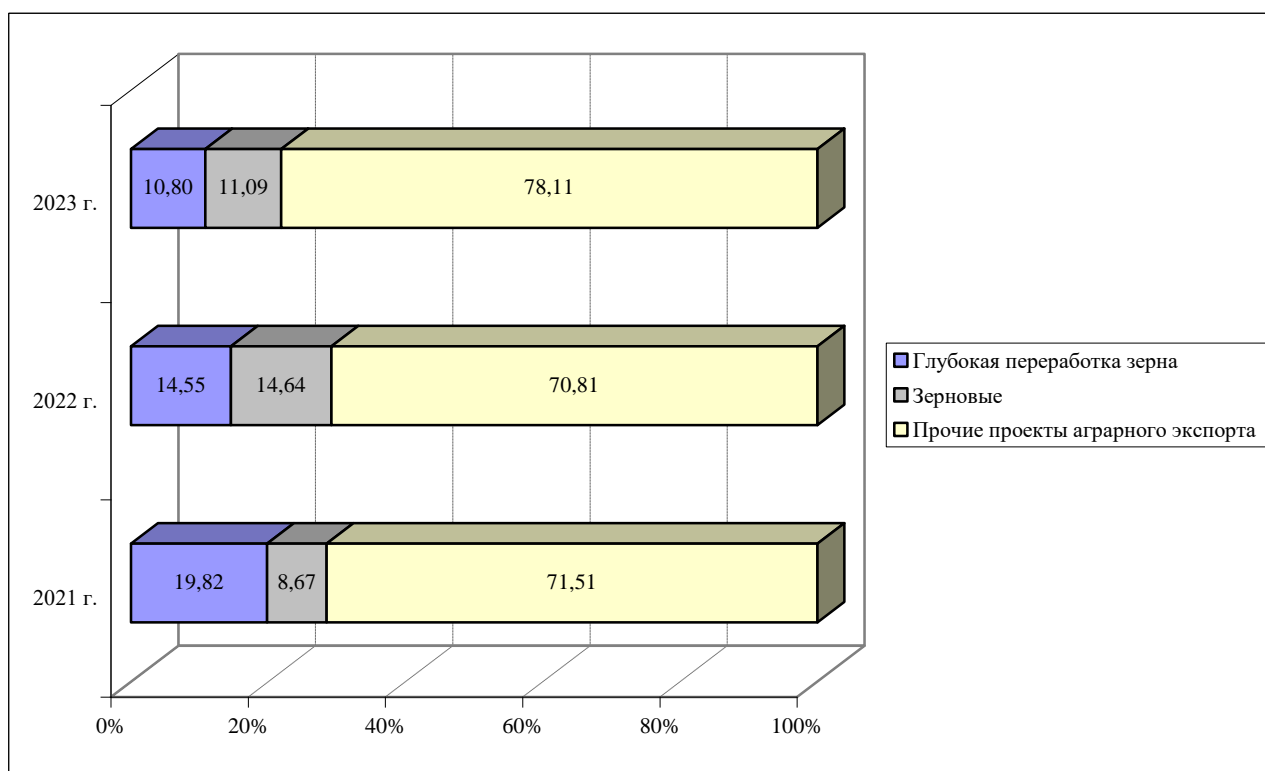

Рисунок 20 – Удельный вес экспортных проектов поставок продукции ГПЗ, зерновых и прочих проектов аграрного экспорта из Российской Федерации за период 2021-2023 гг., % [187, 188, 189]

Сумма средств, направляемых в инвестиционные проекты расширения экспортных продаж зерновых, по итогам 2022 г. имела, как отмечалось, динамику, противоположную общим изменениям аграрного экспорта – рост (с 105 до 165 млрд руб.) против сокращения (с 1211 до 1127 млрд руб.). Это и позволило довести долю зерновых в структуре экспортных инвестиций с 8,67% в 2021 г. до 14,64% в 2022 г. (+5,97 п.п.). Однако, резкое, более чем на 30% (30,91%), сокращение инвестиций в экспорт зерновых в 2023 г., в условиях менее выраженного сокращения аграрного экспорта в целом (на 8,78%) обусловило сокращение доли зерновых до 11,09% (-3,55 п.п.), что, однако, по-прежнему

является существенной долей в совокупном аграрном экспорте Российской Федерации.

Экспортная направленность проектов расширения производства зерновых сформировалась в периоды, предшествующие анализируемому в настоящем исследовании, однако в 2022 г. она укрепилась до максимальных 80%, создав прирост в 15 п.п. к предыдущему году (рисунок 21).

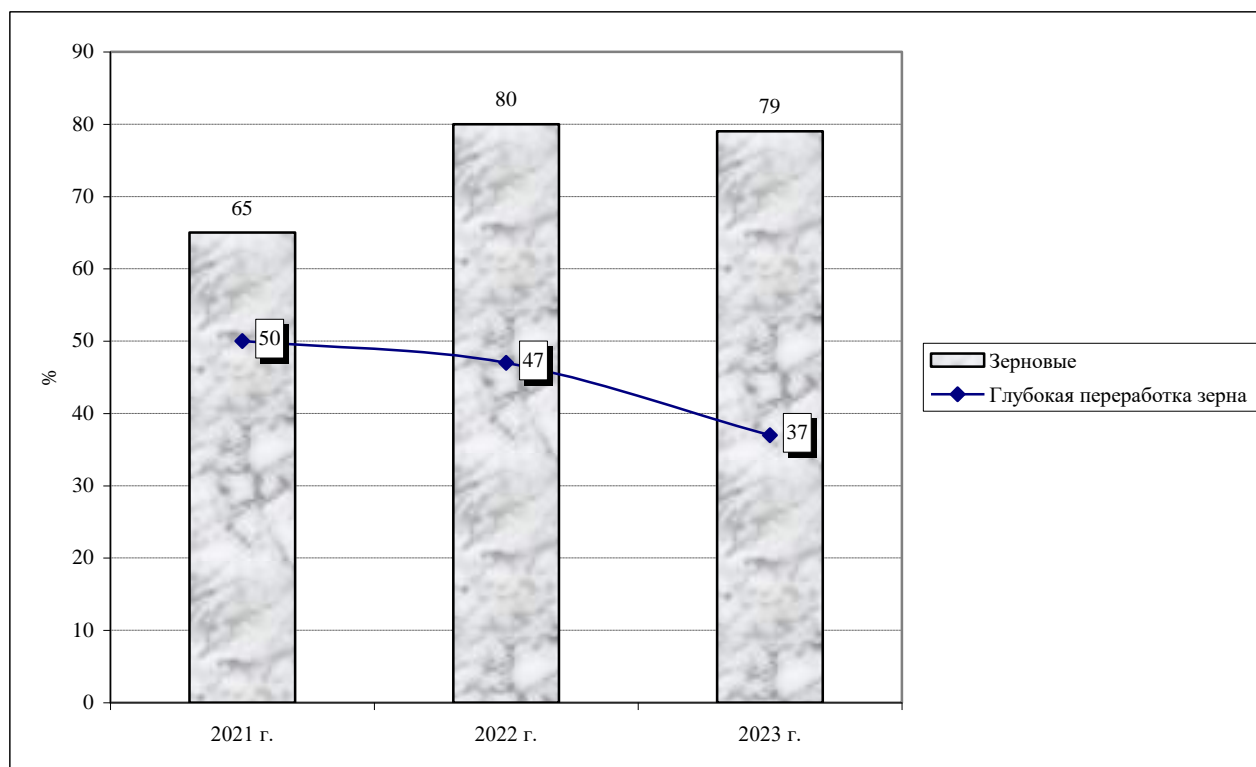

Рисунок 21 – Удельный вес доли экспортной выручки в объеме выручки проектов за 2021-2023 гг., % [187, 188, 189]

Сокращение доли выручки, формируемой в рамках продаж в зарубежных странах, а не внутри страны, в проектах ГПЗ, напротив, сократилась – с 50% в 2021 г. до 37% в 2023 г., в т.ч. на 3 п.п. в 2022 г. и на 10 п.п. – в 2023 г., определяясь, прежде всего, произошедшими во внешнеполитической обстановке событиями, неблагоприятными с точки зрения продаж более дорогостоящей, чем зерно, продукции ГПЗ, которую, соответственно, приходится переориентировать на менее платежеспособные рынки, а также внутренний рынок страны.

Средние сроки реализации экспортно-ориентированных проектов в целом для АПК составляют 3,8 года (2022-2023 гг.). В силу своей высокотехнологичности, существенной капиталоемкости, требовательности в части производственных, экологических и иных параметров длительность реализации инвестиционных проектов ГПЗ существенно выше, чем во всех других отраслях АПК (исключение составляет лишь 2021 г., когда длительность проектов глубокой переработки масличных культур была равна 5,2 года против 4,7 года в ГПЗ). Динамика обозначенного показателя представлена на рисунке 22 и характеризуется неоднозначно, поскольку смещение инвестиционных интересов в пользу более краткосрочных проектов ГПЗ пусть и менее затратно (будет проанализировано отдельно), но также создаёт и менее значимые перспективы.

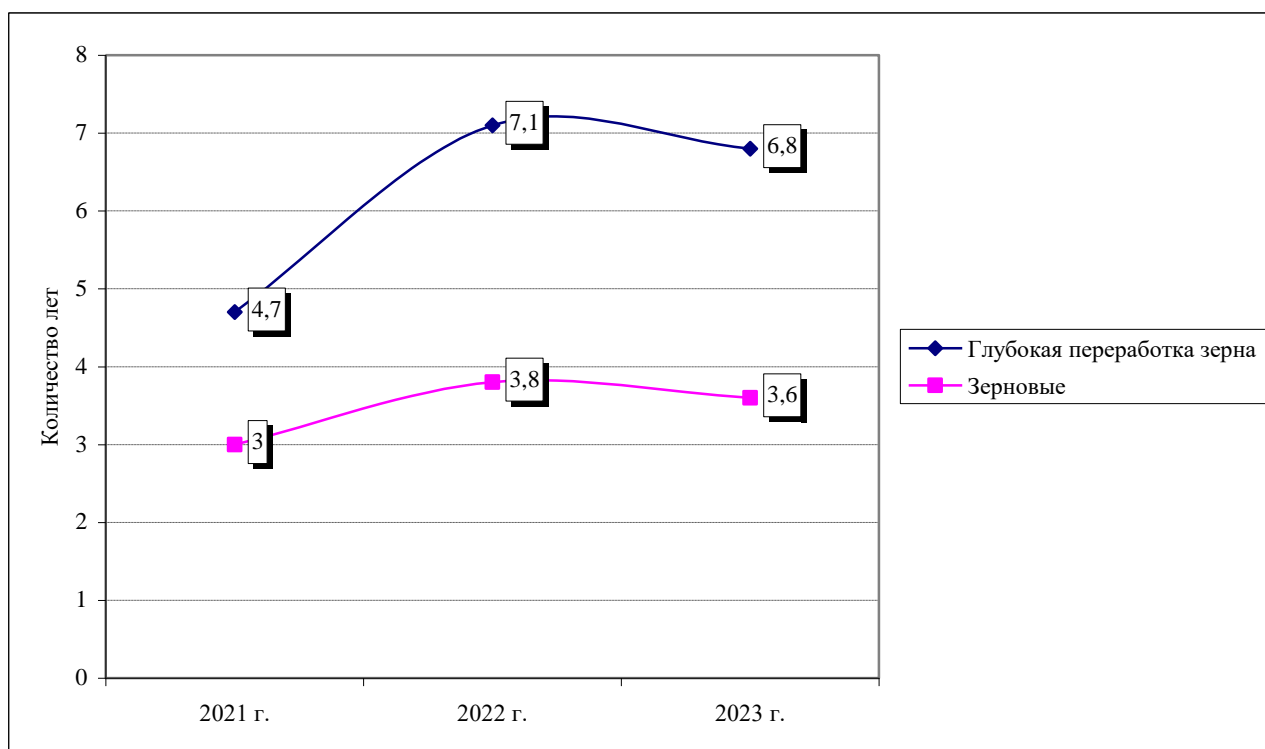

Рисунок 22 – Средние сроки реализации экспортных проектов ГПЗ и продаж зерновых за 2021-2023 гг., лет [187, 188, 189]

Реализация экспортно-ориентированных проектов в сфере производства и дальнейшего экспорта зерновых предполагает среднюю длительность в 3-4 года. В данном случае также можно проследить прекращение начавшейся было в

2022 г. тенденции роста (с 3 до 3,8 года), сменившейся сокращением (до 3,6 года).

Непосредственно сократилось и общее количество инвестиционных проектов, направленных на расширение экспорта зерна и продуктов его переработки (таблица 30).

Таблица 30 – Количество и состав проектов экспорта зерна и продукции ГПЗ за 2021-2023 гг., ед. [187, 188, 189]

Наименование товарной позиции	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Зерновые			
Мелиоративные мероприятия	23	20	16
Строительство комплексов по хранению зерна	16	16	14
Развитие портовой инфраструктуры	6	8	8
Производство семенного материала	5	4	6
Итого по зерновым	50	48	44
ГПЗ			
Аминокислоты (лизин-сульфат, лизин-хлорид)	7	4	4
Крахмал модифицированный	4	3	3
Глютен (клейковина)	3	-	-
Гороховый изолят	1	1	1
Итого по ГПЗ	15	8	8

По итогам 2022 г. общее количество экспортно-ориентированных проектов по зерновым снизилось с 50 до 48 проектов в силу сокращения количества мелиоративных мероприятий с 23 до 20, проектов по производству семенного материала с 5 до 4, но частично компенсированное расширением проектов развития портовой инфраструктуры (с 6 до 8). В 2023 г. тенденция сокращения количества экспортно-ориентированных проектов продолжилась, поскольку их общее число снизилось до 44 по причине уменьшения числа мелиоративных мероприятий до 16 (на 4 ед.), реализации проектов строительства комплексов по хранению зерна в количестве 14 ед. (против 16 ед. годом ранее, т.е. на 2 ед.). Часть падения была компенсирована увеличением числа проектов по производству семенного материала с 4 до 6.

Изменения в количестве проектов ГПЗ прослеживаются только по итогам 2022 г., когда общее их число снизилось с 15 до 8, в т.ч. в рамках экспорта ами-

нокислот (лизин-сульфата, лизин-хлорида) с 7 до 4 ед., модифицированного крахмала – с 4 до 3 ед. и прекращения реализации проекта экспорта глютена (клейковины).

Инвестиционные проекты по-прежнему реализуются в основной своей массе, как в части проектов ГПЗ, так и по проектам расширения экспорта зерновых, в форме нового строительства (рисунок 23).

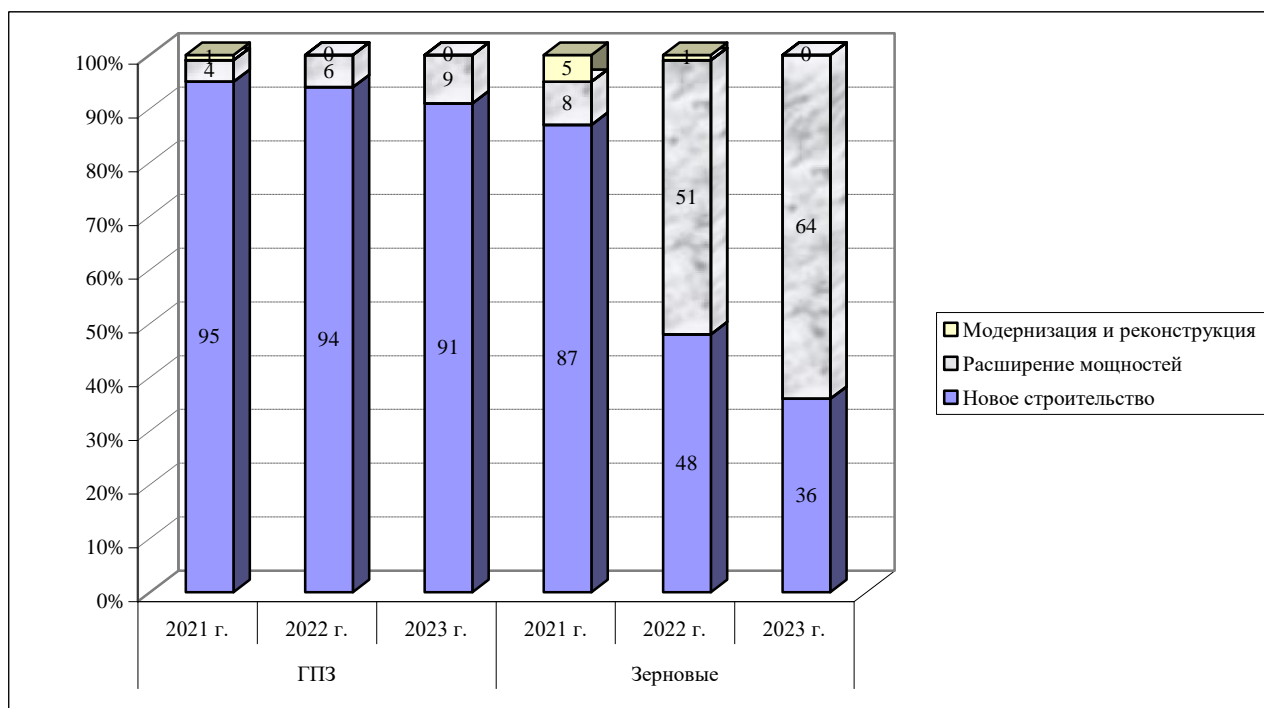

Рисунок 23 – Структура инвестиций в основной капитал экспортных проектов по видам инвестиционной деятельности в 2021-2023 гг., % [187, 188, 189]

Вместе с тем, несмотря на приоритет нового строительства, очевидной становится и тенденция смещения инвестирования в пользу расширения мощностей на базе ранее реализованных инвестиционных проектов. Наиболее очевидно это по проектам расширения экспорта зерновых, где доля создаваемых объектов на базе действующих производств, т.е. проектов расширения мощностей, увеличилась с 8% в 2021 г. до 51% (+43 п.п.) в 2022 г. и 64% (+13 п.п. к предыдущему году и +56 п.п. к 2021 г.) по состоянию на конец анализируемого периода. В проектах ГПЗ обозначенная тенденция также прослеживается, но характеризуется меньшими абсолютными значениями – с 4% до 6% по итогам

2022 г. и до 9% по итогам 2023 г. Проектов модернизации и реконструкции в производстве продукции ГПЗ в 2022 и 2023 гг. не имелось, т.к. ранее реализованные проекты во многих случаях ещё относительно «свежие», не требуя, тем самым ремонта, замены оборудования, омологации. Проектов модернизации и реконструкции не имелось в 2023 г. и в части проектов расширения экспорта зерновых.

Произошедшие изменения в экономической и политической сферах не могли не сказаться на том, что ряд инвестиционных проектов расширения производства и экспорта зерна, продукции ГПЗ оказались приостановлены, перенесены (АО «СибАгро Биотех» и др.). Средняя стоимость экспортного проекта как в сфере ГПЗ, так и непосредственно экспорта зерна в 2023 г. сократилась – с 20,5 до 13,8 года в первом случае и с 3,4 до 2,9 года – во втором (рисунок 24).

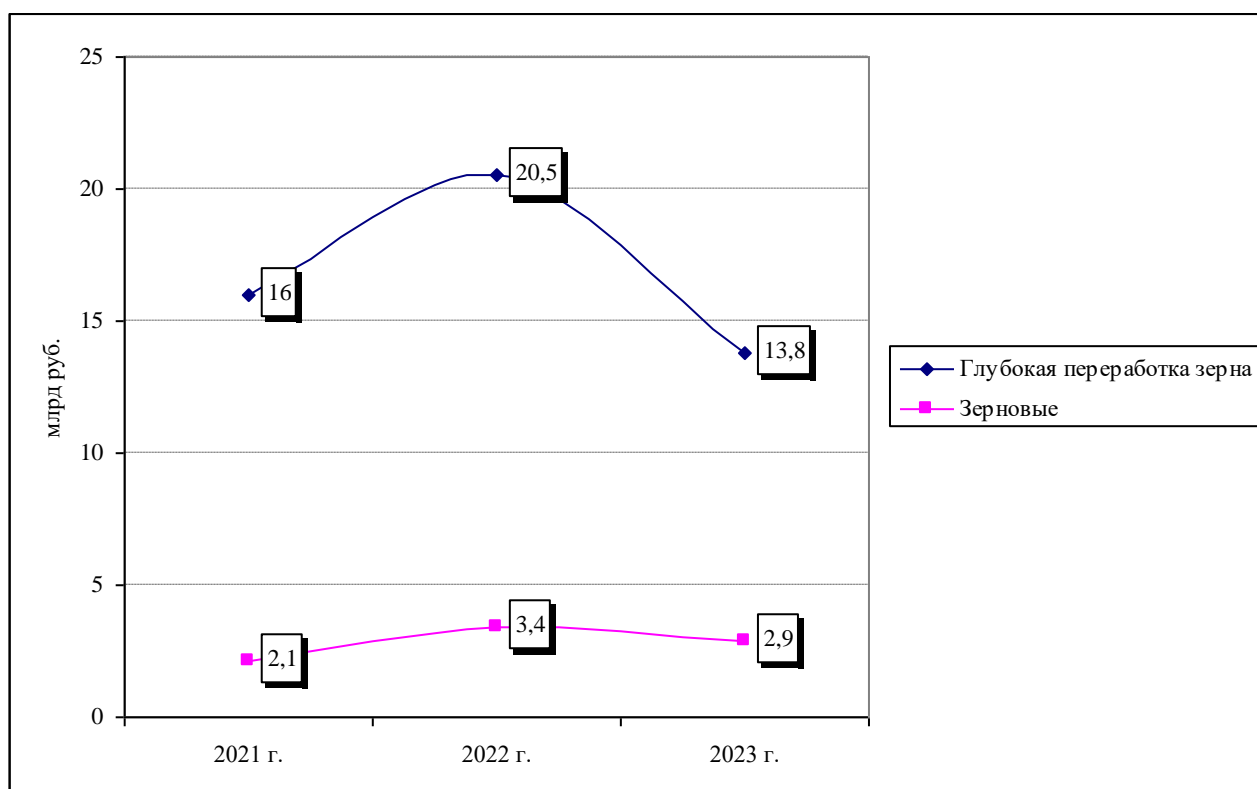

Рисунок 24 – Динамика средней стоимости экспортного проекта продукции АПК и зерновых в Российской Федерации за 2021-2023 гг., млрд руб. [187, 188,

189]

Нереализованные проекты экспорта зерна и продукции ГПЗ означают не только негативные экономические последствия в виде недополученной выручки и прибыли, но и социальные – по оценке «АгроЭкспорта», реализация соответствующих проектов может привести к созданию дополнительных рабочих мест в количестве до 2068 ед. в сфере производства и экспорта продукции ГПЗ и до 1801 дополнительного рабочего места в сфере производства и экспорта зерновых [187189].

Выполним анализ осуществленных в сфере экспорта зерна и продуктов его переработки в региональном разрезе, определив те территориальные образования Российской Федерации (федеральные округа), в которых удельный вес направляемых на проекты экспорта зерна и продуктов ГПЗ выше среднего по стране уровня (таблица 31).

Таблица 31 – Территориальное распределение экспортно-ориентированных инвестиционных проектов в сфере экспорта зерна и продукции ГПЗ за 2021-2023 гг. [187, 188, 189]

Показатель	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Усреднённый удельный вес в совокупных инвестициях, %:			
глубокая переработка зерна	19,82	14,55	10,80
зерновые	8,67	14,64	11,09
Регионы, превышающие средний уровень:			
глубокая переработка зерна	ЮФО (45%), ПФО (42%), СФО (41%)	СФО (53%), УФО (49%), ЮФО (23%), ПФО (16%)	УФО (64%), ЮФО (25%), ПФО (18%)
зерновые	ДФО (32%), ЮФО (12%), СЗФО (9%)	ЮФО (42%), ДФО (39%)	ЮФО (42%)

Таким образом, усреднено на экспортно-ориентированные проекты с конечным продуктом в виде ГПЗ было направлено в 2021 г. 19,82% от общего объёма совокупных аграрных инвестиций экспортной направленности. Три федеральных округа – ЮФО, ПФО и СФО – направили в соответствующие проекты значительно больше – более 40% соответствующих инвестиционных ресур-

сов.

В 2022 г. в перечень добавился также УФО, в структуре экспортно-ориентированных инвестиций которого ГПЗ составила 49%, что, однако, не является максимальным значением, поскольку более половины (53%) инвестируемых экспортные проекты ГПЗ средств было освоено в СФО. Удельный вес средств, направляемых в экспортные проекты ГПЗ в ЮФО и ПФО существенно, до 23% и 16%, сократился, что, однако, было выше среднего уровня в 14,55%.

По итогам 2023 г. УФО довёл долю инвестиций в ГПЗ в структуре экспортных проектов до 64%, ЮФО нарастил значение до 25%, ПФО – до 18%. Из перечня регионов с инвестированием в проекты ГПЗ выше среднего по стране уровня (10,80%) выбыл СФО.

Отметим, что во всех рассматриваемых периодах неизменным участником более высоких инвестиций в экспорт ГПЗ оставался ЮФО. Таковым он является и при рассмотрении структуры инвестиций в экспорт зерновых (ПФО таковым уже не является).

В 2021 г. треть экспортных инвестиций в ДФО было направлено на зерновые, в ЮФО – 12%, в СЗФО – 9%.

По результатам 2022 г. средний уровень инвестиций в экспорт зерна в структуре аграрных экспортно-ориентированных инвестиций увеличился до 14,64%, превышение которого установлено только в двух регионах – ЮФО (42%) и ДФО (39%).

Приоритет зерновых в структуре инвестиций экспортного характера по итогам 2023 г. сохранил только ЮФО, сохранив прошлогоднее значение (42%), что существенно выше сложившегося в целом по Российской Федерации, снизившегося при этом до 11,09%.

Соответственно, можно заключить, что стабильные зерновые инвестиции экспортной направленности прослеживаются только в ЮФО, производители которого расширяют материально-техническую базу производства и экспорта не только зерна, но и продукции ГПЗ. Последняя также представляла интерес для субъектов-экспортёров из ПФО, СФО (2021-2022 гг.), а также УФО (2022-

2023 гг.). Приоритет зерновой продукции в структуре инвестиций экспортной направленности, помимо ЮФО, наблюдался также в ДФО в 2021-2022 гг.

Важным является не только непосредственно само инвестирование в проекты экспорта зерна и продуктов его переработки, но и собственно получение экспортной выручки, распределение которой по регионам Российской Федерации характеризуется данными таблицы 32.

Таблица 32 – Территориальное распределение выручки от экспортно-ориентированных инвестиционных проектов в сфере экспорта зерна и продукции ГПЗ за 2021-2023 гг. [187, 188, 189]

Показатель	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Доля в экспортной выручке:			
глубокая переработка зерна	6	2	0,1
зерновые	26	47	42
Регионы, превышающие средний уровень			
глубокая переработка зерна	СКФО (23%), СФО (26%), ПФО (21%)	ПФО (5%), ЮФО (3%)	ПФО (0,3%)
зерновые	СЗФО (60%), ЮФО (46%)	ЮФО (72%), СЗФО (68%)	ЮФО (84%), СЗФО (69%)

Экспорт продукции ГПЗ создавал в структуре совокупных продаж от соответствующих, экспортных проектов в 2021 г. 6%, но 23% в СКФО, 26% - в СФО и 21% в ПФО. По итогам 2022 г., равно как и в 2023 г., прослеживается резкое «проседание» значений – в целом по Российской Федерации значение в 2022 г. сокращается до 2%, превышение которого фиксируется лишь в ПФО (5%) и ЮФО (3%), в 2023 г. – до 0,1% по Российской Федерации в целом, превышаемое лишь в ПФО (0,3%).

Проекты экспортной направленности по зерновым обеспечивали в целом по Российской Федерации 26% экспортной выручки в 2021 г., выросли до 47% годом позже, но сократились до 42% по итогам 2023 г., что уже само по себе является наглядным свидетельством роли зернового экспорта. При этом ещё более значимые (относительного среднего уровня) величины прослеживаются в СЗФО и ЮФО, анализируемое значение для которых составило 60% и 46% в

2021 г., 72% и 68% - в 2022 г., 84% и 69% - в 2023 г.

Обобщая представленный аналитический материал, можно констатировать, что экспорт зерновых и продуктов их переработки по-прежнему характеризуется инициированием ряда новых проектов, расширением производственных мощностей по уже запущенным проектам. Однако, темпы роста показателей существенно замедлились, сократившись в ряде случаев до значений, существовавших до начала СВО (специальной военной операции). Отмеченные факты свидетельствуют о необходимости разработки новых и модернизации существующих механизмов, нацеленных на развитие экспорта зерна и продукции ГПЗ, в т.ч. на региональном уровне.

4. ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКСПОРТА ЗЕРНА И ЗЕРНОПРОДУКТОВ

4.1. Механизм государственной поддержки выхода экспортеров зерна и зернопродуктов на IPO

Развитие, расширение экспорта зерна и зернопродуктов на федеральном и региональном уровнях должно иметь за собой финансовую основу, иными словами, соответствующие источники финансирования. В этом случае нам необходимо обратить на собственный капитал и его основной составляющий элемент – прибыль, а также внешнее финансирование, как долго-, так и краткосрочное, характеризующееся многообразием конкретных воплощений, но одним из наиболее очевидных из которых укрупнённо можно назвать кредитное, банковское финансирование. Оба источника усиливаются посредством различных мер государственной поддержки. Рассмотрим каждый из обозначенных источников как изолировано, так и во взаимосвязи, что позволит нам внести предложения по увеличению принимаемого целевым количественного показателя экспорта зерна и зернопродуктов.

В контексте поставленных вопросов отличительной особенностью экономического развития Российской Федерации в целом, а также её АПК и зернового сектора в частности, стало функционирование в анализируемом периоде в условиях крайне высоких значений ключевой ставки, фактически являющихся «заградительными», т.е. делающими невозможным (неоправданным) развитие на основе кредитного финансирования.

По фактическим среднегодовым значениям процентной ставки по кредитам за 2019-2023 гг., полученным из «Российских статистических ежегодников» [191, 192, 193, 194, 195], нами, посредством функции КОРРЕЛ Microsoft Excel, эмпирически доказана высокая степень тесноты взаимосвязи, а точнее – зависимости кредитной ставки от размера ключевой ставки, также проанализированной нами в среднегодовых значениях (рассчитано по [30]) за тот же период,

и количественно равная 0,9916. Это позволило нам, за счёт использования функции ПРЕДСКАЗ редактора электронных таблиц Microsoft Excel, выполнить прогноз среднегодовой процентной ставки по кредитам на 2024 г., величина которой, как ожидается, составит 18,14% (рисунок 25).

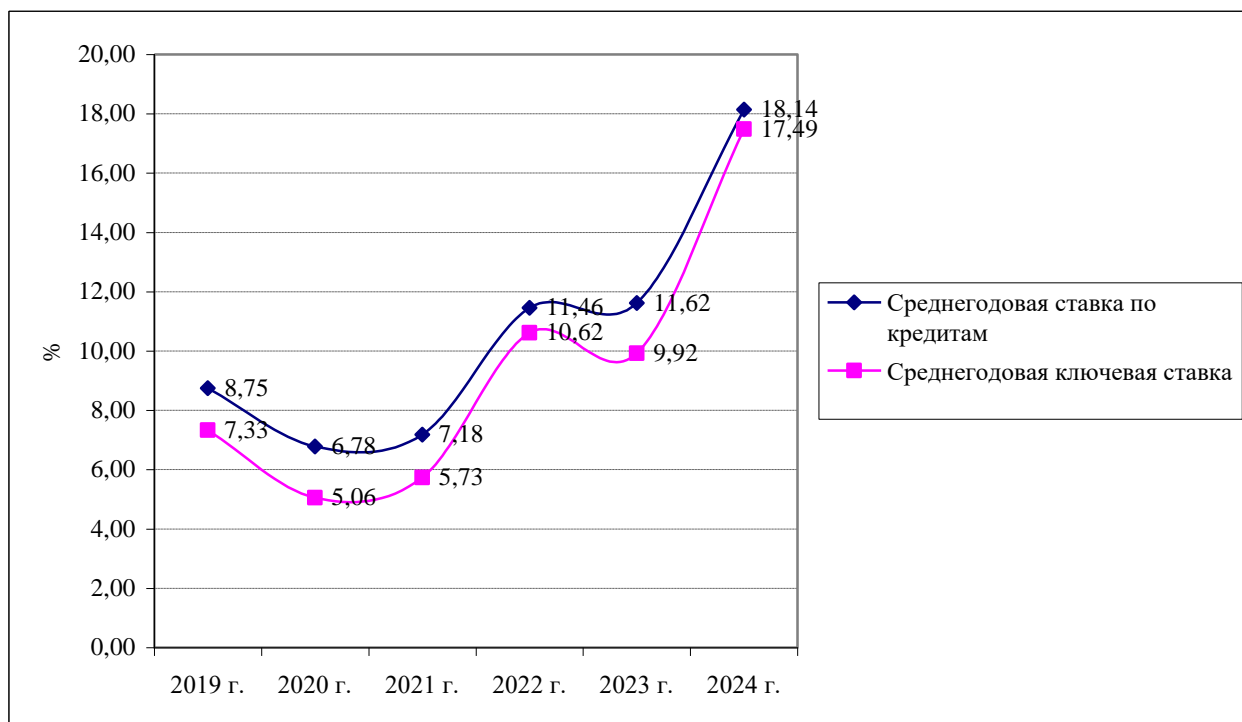

Рисунок 25 – Динамика среднегодовых значений процентной ставки по кредитам и ключевой ставки за 2019-2024* гг., % [191, 192, 193, 194, 195, 30]

* значение среднегодовой процентной ставки по кредитам за 2024 г. рассчитано автором

Столь дорогостоящее финансирование закономерно привело к тому, что кредитование сократилось, делая приоритетными собственные источники финансирования, также имеющие многочисленные воплощения, но основным из которых всё равно следует считать нераспределённую по итогам очередного года чистую прибыль. Ориентация коммерческих субъектов, в т.ч. представляющих зерновой подкомплекс, исключительно на собственные источники финансирования и, прежде всего, прибыль, расценивается положительно, однако потенциал роста продаж, в т.ч. экспортных, исключительно на собственном капитале («Капитале и резервах» в терминологии бухгалтерского баланса) стано-

вится ограниченным. Тем не менее, положительным следствием всё более дорогостоящего внешнего финансирования, а также непосредственно прибыльной работы, становится рост доли собственных средств в капитале сельскохозяйственных организаций, в т.ч. растениеводческих и животноводческих, фиксируемых официальной статистикой в рамках значений коэффициента автономии (рисунок 26).

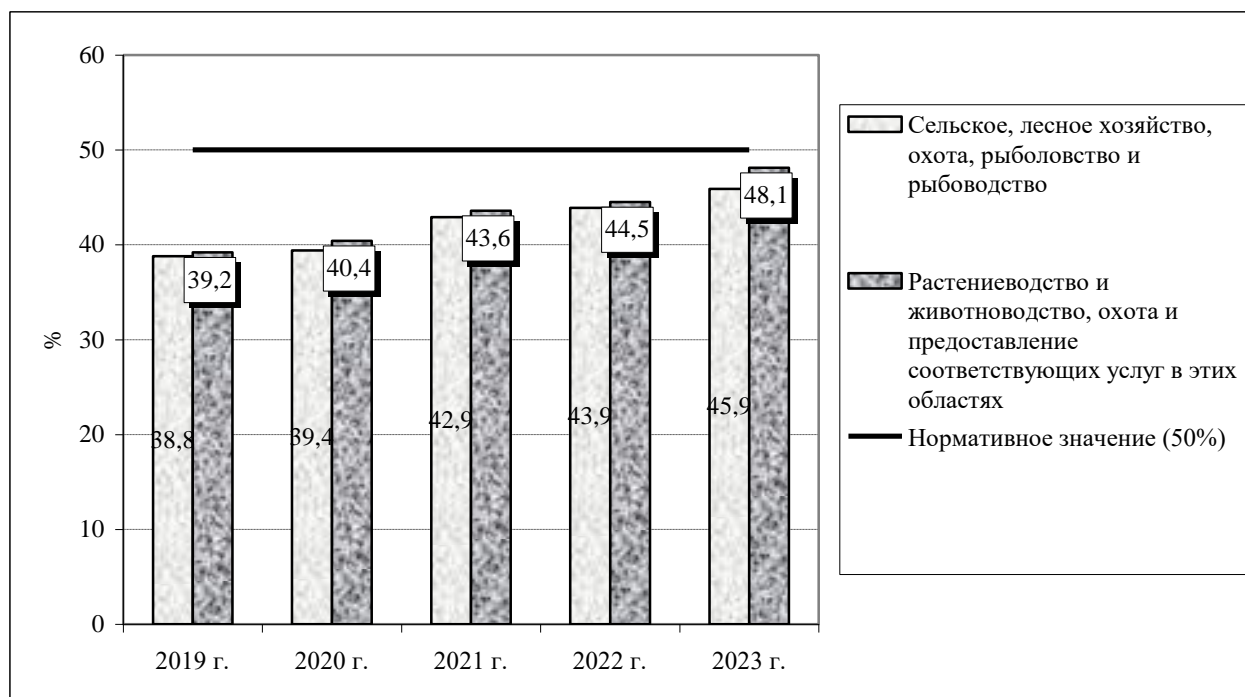

Рисунок 26 – Динамика значений коэффициента автономии сельскохозяйственных организаций России за 2019-2023 гг. [286, 287, 288]

Таким образом, следует отметить, во-первых, однонаправленную динамику роста значений обозначенного показателя как для всех сельскохозяйственных организаций России («Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство», 45,9% по итогам 2023 г.), так и основной её части, представленной «Растениеводством и животноводством, охотой и предоставлением соответствующих услуг в этих областях» - фактически сложившееся по итогам 2023 г. значение в 48,1% достаточно близко к рекомендуемому в 50%.

Выявленные характеристики неоднозначны, поскольку рост за счёт собственного капитала, с одной стороны, не требует согласования с внешними

сторонами (банками), свободен от уплаты процентных расходов, укрепляет финансовую независимость, однако, с другой стороны, в силу своей ограниченности является более осторожным, сдержанным, потенциально даже более дорогостоящим (зависит от дивидендной политики), исключает возможность роста за счёт использования эффекта финансового рычага.

Формализация интересующей нас взаимосвязи темпов прироста реализованной продукции, в т.ч. ориентированной на экспорт, со значениями показателя рентабельности собственного капитала, а через него – с показателями, характеризующими структуру капитала коммерческой организации, реализована видным российским учёным В.В. Ковалевым:

$$q = \frac{r \times ROE}{1 - r \times ROE}, \quad (21)$$

где q – темп прироста реализованной продукции, доли единицы;

r – коэффициент реинвестирования прибыли, доли единицы;

ROE – рентабельность собственного капитала, доли единицы [111].

Представленная модель даёт нам возможность утверждать, что интересующий нас показатель прироста объёма экспортируемой зерновой продукции зависит, прежде всего, от рентабельности собственного капитала, скорректированной на величину реинвестирования, капитализации прибыли. Поскольку в настоящем исследовании вопросы капитализации прибыли в целом вторичны, в дальнейших рассуждениях будем исходить из допущения о том, что вся получаемая прибыль реинвестируется.

Показатель же рентабельности собственного капитала – ключевой и требует отдельного, внимательного рассмотрения. Росстат его значения не фиксирует, что, однако, не исключает возможности самостоятельного расчёта величины данного показателя через ряд других. Речь идёт о значениях рентабельности активов и коэффициента автономии. Согласно трёхфакторной модели фирмы «Дюпон», рентабельность собственного капитала можно представить как

произведение чистой рентабельности продаж на коэффициент оборачиваемости активов и так называемый мультипликатор капитала (также применяется название «коэффициент финансовой зависимости»). Произведение чистой рентабельности продаж на коэффициент оборачиваемости активов есть ничто иное как рентабельность активов (по чистой прибыли), а мультипликатор капитала – показатель, обратный по сути своего расчёта коэффициенту автономии [309]. Оба показателя представлены в официальных статистических публикациях («Финансы России»). Принимая это во внимание, мы имеем возможность рассчитать рентабельность собственного капитала, или, по-другому, финансовую рентабельность, делением рентабельности активов на выраженное в долях единицы значение коэффициента автономии (финансовой независимости) или же умножением рентабельности активов на полученный из коэффициента автономии показатель мультипликатора капитала [309].

Принимая как допущение, что вся чистая прибыль реинвестируется, систематизируем в таблице 33 необходимые для расчётов исходные данные, а также полученные значения рентабельности собственного капитала и, через использование модели (21) – темпов прироста реализованной продукции по ряду видов экономической (предпринимательской) деятельности.

Таблица 33 – Расчёт темпов прироста реализованной продукции по отдельным видам экономической деятельности в Российской Федерации за 2019-2023 гг. по модели В.В. Ковалева [111]

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
1	2	3	4	5	6
Исходные данные					
Рентабельность активов, %					
по всем видам экономической деятельности	5,8	4,1	8,9	5,5	7,4
в т.ч. "Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство"	4,2	7,7	10,6	7,8	7,2
в т.ч. "Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях"	2,4	7	9	7,5	7,9
Коэффициент автономии, доли единицы					
по всем видам экономической деятельности	41,4	40,7	42,7	43,3	44,9

1	2	3	4	5	6
в т.ч. "Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство"	38,8	39,4	42,9	43,9	45,9
в т.ч. "Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях"	39,2	40,4	43,6	44,5	48,1
Расчётные значения					
Рентабельность собственного капитала, %					
по всем видам экономической деятельности	14,01	10,07	20,84	12,70	16,48
в т.ч. "Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство"	10,82	19,54	24,71	17,77	15,69
в т.ч. "Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях"	6,12	17,33	20,64	16,85	16,42
Темпы прироста реализованной продукции, %					
по всем видам экономической деятельности	16,29	11,20	26,33	14,55	19,73
в т.ч. "Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство"	12,14	24,29	32,82	21,61	18,60
в т.ч. "Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях"	6,52	20,96	26,01	20,27	19,65

В контексте проводимого исследования нас интересует не столько рентабельность собственного капитала, сколько темпы прироста реализованной продукции, в т.ч. экспортной. Тем не менее, поскольку капитализацию чистой прибыли мы приняли равной 100% (1,00 в долях единицы), то выводы вполне можно делать на основе рентабельности собственного капитала и её составляющих элементов, в нашем случае – рентабельности активов и коэффициента автономии. При наличии информационной базы, анализ может получить ещё более детализированное выражение посредством разложения показателя рентабельности активов на рентабельность продаж и коэффициент оборачиваемости активов.

Поскольку модель смешанная, а не мультипликативная, то факторный анализ реализуем посредством использования способа цепных подстановок, а не более простого способа абсолютных разниц – таблица 34 (количество периодов сокращается на один поскольку используются приростные, а не абсолютные значения).

Таблица 34 – Влияние факторов на темпы прироста реализованной продукции по отдельным видам экономической деятельности в Российской Федерации за 2020-2023 гг., %

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Фактор рентабельности активов				
по всем видам экономической деятельности	-5,30	16,79	-11,55	6,06
в т.ч. "Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство"	12,62	12,52	-10,60	-1,99
в т.ч. "Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях"	15,22	7,70	-5,24	1,31
Фактор мультипликатора капитала				
по всем видам экономической деятельности	0,21	-1,66	-0,23	-0,88
в т.ч. "Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство"	-0,47	-3,99	-0,62	-1,01
в т.ч. "Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях"	-0,78	-2,65	-0,51	-1,93

Получение отрицательных значений по фактору мультипликатора капитала выявляет противоречивый факт – с одной стороны, это символизирует расцениваемое положительно укрепление финансовой устойчивости, с другой стороны это же имеет и отрицательную оценку, т.к. определяет сокращение темпов прироста реализованной продукции, в т.ч. сельскохозяйственной, в т.ч. растениеводческой (зерновой).

Проведённый анализ наглядно свидетельствует о том, что, пусть и вынужденное, но фиксируемое нами смещение структуры финансирования в пользу собственного капитала скрадывает часть потенциального роста. Задача максимизации темпов роста, расширения экспорта продукции АПК, представленной, как уже установлено, преимущественно зерновой продукцией, приобретает таким образом в части структуры источников финансирования оптимизационный характер, «требуя» неременного использования и внешнего, кредитного в своей основе, финансирования. Вопрос сводится к поиску компромисса между достигаемым результатом и сопровождающими его получение финансовыми рисками.

При этом структурно-динамический анализ расходов федерального бюд-

жета на реализацию Федерального проекта «Экспорт продукции АПК» позволяет констатировать, что в основе последнего находятся преимущественно расходы, в том или ином виде направляемые в финансово-банковский сектор страны, а именно, в первую очередь, на «возмещение недополученных российскими кредитными организациями, международными финансовыми организациями и государственной корпорацией развития «ВЭБ.РФ» доходов по кредитам, выданным сельскохозяйственным товаропроизводителям (за исключением сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов), организациям и ИП, осуществляющим производство, первичную и (или) последующую (промышленную) переработку сельскохозяйственной продукции и ее реализацию, по льготной ставке», а также на докапитализацию АО «Россельхозбанк» и АО «Росагролизинг» (таблица 35) [228].

Таблица 35 – Структурно-динамический анализ отдельных расходов федерального бюджета на реализацию Федерального проекта «Экспорт продукции АПК» (в скобках – удельный вес в итоге, %), млн руб.

Основное мероприятие	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Возмещение недополученных кредитными организациями доходов по кредитам	117,1 (0,32%)	2034,1 (6,85%)	9189 (24,86%)	33096,9 (52,45%)	35005,6 (65,79%)
Взнос в уставный капитал АО «Россельхозбанк»	25000 (67,46%)	14200 (47,83%)	10000 (27,06%)	12600 (19,97%)	0
Взнос в уставный капитал АО «Росагролизинг»	5000 (13,49%)	0	0	0	0
Итого по выбранным мероприятиям	30117,1 (81,6%)	16234,1 (54,69%)	19189 (51,92%)	45696,9 (72,42%)	35005,6 (65,79%)

* составлено автором

На возмещение недополученных кредитными организациями доходов направляется всё более значительная часть соответствующей государственной поддержки, достигшая по итогам 2023 г. рекордных значений как в непосредственном, денежном выражении – 35,01 млрд руб. или 65,79% от всего годового финансирования Федерального проекта. Взносы в уставный капитал АО «Россельхозбанк» составляли в 2019 г. более 2/3 общего финансирования аг-

рарного экспорта, существенно сократившись, однако, в последующие годы. Таким образом, основным «оператором» и бенефициаром развития аграрного, в т.ч. зернового, экспорта являются не сами сельскохозяйственные товаропроизводители, а банковский сектор, в лице преимущественно АО «Россельхозбанк». Динамика докапитализаций АО «Россельхозбанк» разнонаправлена, а по итогам 2023 г. последняя и вовсе не осуществлялась, равно как не осуществлялась в 2020-2023 гг. и докапитализация АО «Росагролизинг». Однако, вкуче с однонаправленной динамикой роста абсолютных и относительных (процентных) величин «возмещения недополученных кредитными организациями доходов по кредитам», факты взносов в уставный капитал финансовых организаций свидетельствуют о том, что развитие аграрного экспорта профильным руководством страны видится, прежде всего, во вливании денег в финансовый сектор с последующим их доведением до уровня сельскохозяйственных организаций, К(Ф)Х, включая ИП [228].

Непосредственно в самом факте увеличения капитальной базы банков и уполномоченных финансовых организаций, а также компенсации выпадающих доходов для расширения кредитования экспорта сельскохозяйственной продукции через АО «Россельхозбанк» и/или другие финансовые структуры мы не находим проблемы. Однако перечень финансовых мер государственной поддержки экспорта не должен ограничиваться лишь только обозначенной мерой, т.к. будет усугублять и без того всё ещё сложную, нерешенную ситуацию с закредитованностью сельскохозяйственных организаций. Перечень возможностей для расширения финансирования экспортной деятельности отечественных производителей и/или трейдеров фактически является крайне скудным, поскольку речь идёт преимущественно о прибыли и кредитах [228].

Нами предлагаются дополнительные меры в виде государственной поддержки выхода зернопроизводителей, зернотрейдеров на IPO (Initial public offering) – первое предложение акций широкому кругу инвесторов на бирже. Ключевым отличием, преимуществом данной меры является то, что привлекаемый посредством IPO капитал не является заёмным, а увеличивает собственный

капитал, а именно раздел III «Капитал и резервы» бухгалтерского баланса. Также необходимо отметить наибольшую актуальность данной меры в условиях рекордно высокой для современной истории Российской Федерации ключевой ставки Центрального банка, что делает традиционное кредитное финансирование крайне дорогим источником. Об этом свидетельствует и относительный бум новых размещений на Московской бирже в 2023-2024 гг. [228].

Сдерживающим фактором для самостоятельного выхода сельскохозяйственных организаций на IPO является, прежде всего, стоимость соответствующих организационных, юридических процедур, размер которых зависит, в первую очередь, от стоимости размещения, но даже в минимальных расчётах она измеряется миллионами, при больших масштабах – десятками миллионов рублей [228].

При этом выход на IPO предъявляет к организациям ряд существенных организационно-юридических, а также и финансово-экономических требований, что фактически уже составляет определённый фильтр для отбора заявителей на государственную поддержку. В процессе подготовки к IPO заявители должны доказать свою финансовую состоятельность, перспективы рынка, в нашем случае зернового, зернопереработки, продемонстрировать высокие значения прибыли и рентабельности не только в ретроспективе, но и, как минимум, в среднесрочной перспективе [228].

Расходы по организации IPO индивидуальны и, как уже указывалось, зависят от суммы дополнительной эмиссии акций. Рассмотрим ключевые параметры предложения применительно к наиболее крупному экспортёру зерна и зернопродуктов в СФО – АО «Новосибирскхлебопродукт», имеющему перспективы привлечения дополнительного финансирования в размере 1,0-1,5 млрд руб. (таблица 36) [228].

Отметим, что преобладание среди экспортёров зерновой продукции организационно-правовой формы в виде ООО будет требовать преобразования в АО либо консолидацию такого ООО на новом или существующем в группе лиц АО для целей дальнейшего приобретения статуса ПАО.

Таблица 36 – Ключевые параметры IPO для АО «Новосибирскхлебпродукт», млн руб. (составлено автором)

Показатели	Размер эмиссии, % от общего объёма привлечения	
	10	15
Общий объём привлечения	1000	1500
Доля участия текущих акционеров после сделки, %	90,50	86,58
Предполагаемые годовые дивиденды	400	
Внешние годовые дивиденды на привлечённый капитал	38,01	53,68
Агентское вознаграждение организатора	50	75
Вознаграждение биржи	0,5	
Разработка стратегии размещения, модели, юридическая подготовка, регистрация выпуска, размещение на бирже	10-17	
Маркетинговые расходы	10	
Затраты на МСФО	3	
Всего затраты при размещении в первый год	73,5-80,5	98,5-105,5
От привлечённого капитала, %	7,4-8	6,6-7

Таким образом, наиболее крупные расходы организации возникают в части агентского вознаграждения организатора, равного 0,5-0,75% от суммы дополнительной эмиссии, что составляет 50-75 млн руб. Общая же сумма расходов только в первый год размещения может превышать 100 млн руб. Очевидно, что данный вариант привлечения дополнительного финансирования доступен далеко не всем зернопроизводителям, трейдерам. Расходы в последующие годы, помимо предполагаемых внешних дивидендов, представлены услугами маркет-мейкеров (600 тыс. руб. ежегодно), IR-обслуживанием (Investments Relation) (2 млн руб. ежегодно) [228]. Из данных таблицы можно проследить, что действующие акционеры вполне могут сохранить полный контроль над принятием ключевых решений – даже при варианте эмиссии в 1,5 млрд руб. доля текущих акционеров в капитале сохранится на уровне 86,58%.

Необходимо быть готовым к тому, что, несмотря на возможное отсутствие дивидендных выплат в предшествующие периоды, последние в финансовую модель должны быть заложены. Очевидно, что большая часть этих дивидендов будет приходиться на действующих акционеров, которые, в свою очередь, могут эти дивиденды реинвестировать.

Нами предлагается выкуп АО «Росэксимбанк» опциона организатора, которым для ситуации АО «Новосибирскхлебопродукт» является ООО «Инвестиционная компания Юнисервис Капитал», как части агентского вознаграждения (рисунок 27).

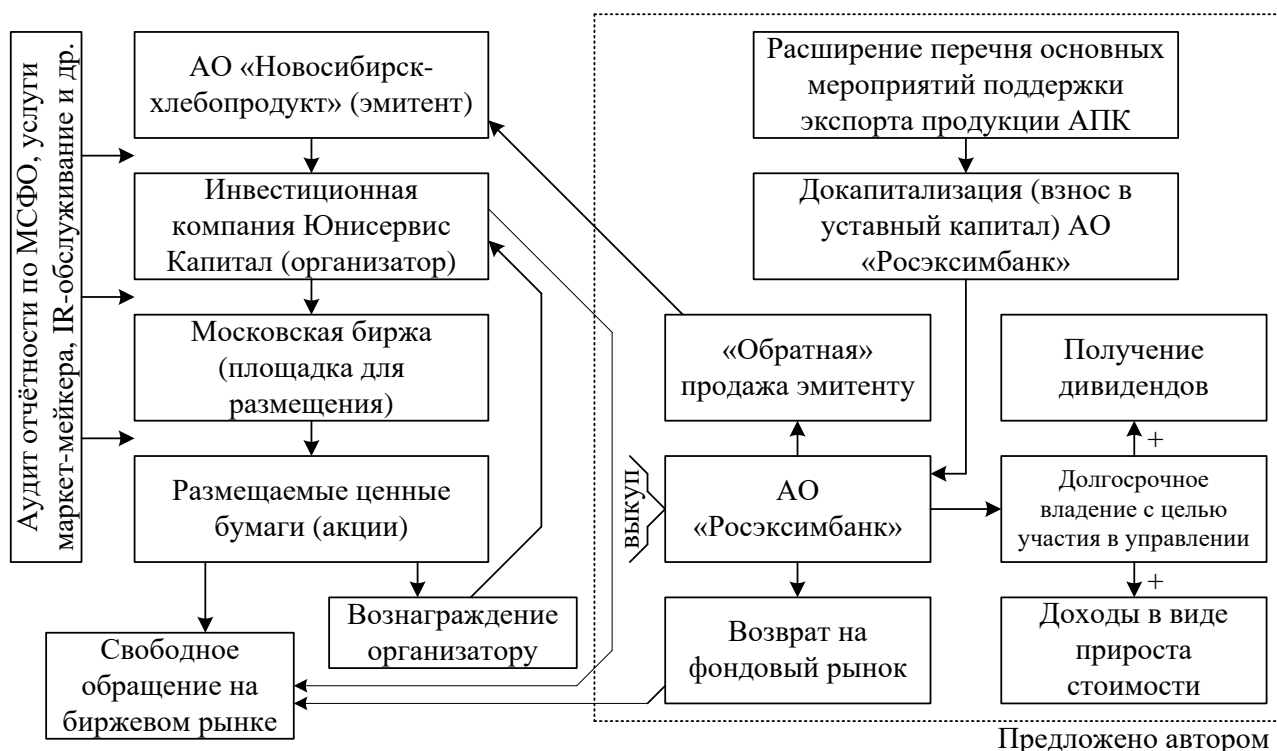

Рисунок 27 – Механизм государственной поддержки выхода экспортёров зерна и зернопродуктов на IPO на примере АО «Новосибирскхлебопродукт»

Это позволит, с одной стороны, не «обрушить» котировки эмитента после того, как организатор, выдержав предусмотренное условиями договора время (так называемый период Lock Up), получит возможность продать на открытом рынке «свои» акции, с другой стороны, докапитализированное заранее АО «Росэксимбанк» становится акционером АО «Новосибирскхлебопродукт», делая государство фактически собственником перспективного экспортноориентированного бизнеса [228].

Получение доли в капитале организации-эмитента не обязывает АО «Росэксимбанк» быть его постоянным акционером, хотя и предоставляет соответствующие возможности по корректировке управленческих решений, полу-

чению доходов в виде дивидендов и/или прироста курсовой стоимости. Акции эмитента могут быть постепенно проданы по мере стабилизации объёмов торгов этими ценными бумагами, а высвобожденные средства направлены на поддержку следующих эмитентов, решивших увеличить свой капитал для расширения экспортных поставок зерна и зернопродуктов. Также акции, при наличии заинтересованности, могут быть проданы и непосредственно эмитенту (обратная продажа), а не в рамках свободной продажи на открытом биржевом рынке, что позволит восстановить контроль прежних акционеров [228].

В целом же предлагаемые меры позволяют расширить возможности сельскохозяйственных организаций по привлечению финансирования за счёт средств фондового рынка, снижая тем самым зависимость от банковского сектора и преодолевая ограниченность прибыли как собственного источника финансирования.

4.2. Выбор перспективных направлений расширения зернового экспорта и стратегия его реализации

Реализованные в академической среде научные исследования, направленные на определение перспективных направлений экспорта зерна и зернопродуктов и конкретной товарной номенклатуры последних, базируются в большом числе случаев на экспертных суждениях, подкреплённых прогнозными расчётами величины импорта, размера рынка конкретной страны или группы стран (региона), анализом определяющих факторов, как то производство, потребление и др. Выводы о тенденциях развития рассматриваемого исследователями показателя формируются исходя из периода анализа, оцениваемого нами в ряде случаев как крайне короткого, непрезентативного – 2-3 года, но также и избыточно растянутого – на десятилетия. Каждая из обозначенных крайностей имеет свои недостатки, характеризуемые в первом случае возможным искажением значения усредняемого признака случайными факторами, так называемыми «выбросами», во втором – тем, что за «погашением» резких всплесков и па-

дений теряются из виду и значимые изменения.

Компромиссным вариантом можно считать период исследования в 3-5 лет. Но компромисс – не оптимум, поскольку тем самым мы пытаемся получить некий симбиоз кратко- и долгосрочных тенденций. Последние, в свою очередь, вполне могут находиться в явном противоречии, создавая почву для невнятных или спорных в своей категоричности рекомендаций.

«Примирение» кратко- и долгосрочных тенденций не всегда возможно, но возможным является их совместное рассмотрение, сопряжение получаемых результатов. Непосредственным инструментом сопряжения мы видим так называемые скользящие средние, как простые (SMA – Simple Moving Average), так и экспоненциальные (EVA – Exponential Moving Average), рассчитываемые за разные промежутки времени, что даёт, соответственно, возможность оценки как кратко-, так и долгосрочных тенденций. В отличие от технического анализа, где обозначенные показатели рассчитываются по дневным значениям, в контексте проводимого анализа, а именно с учётом отраслевой специфики и информационной обеспеченности, расчёт будет реализован по годовым значениям.

О перспективности того или иного географического (странового) направления экспорта или товара (продукции) в этом случае становится возможным судить:

- а) по сформировавшейся линии тренда;
- б) по пересечениям линий экспорта и скользящей средней;
- в) по пересечениям линий SMA и EMA различной длительности.

Несомненный практический интерес будут представлять аналоги уровней, если использовать терминологию технического анализа, поддержки и сопротивления.

SMA и EMA являются так называемыми запаздывающими индикаторами, т.е. определяют сложившиеся, текущие тренды. Однако, инерционность большинства экономических процессов делает возможным использование получаемых результатов в целях оценки, определения кратко- и, при условии ряда допущений, среднесрочных перспектив зернового экспорта России и её регионов,

как в разрезе стран, так и в разрезе продуктов.

Возвращаясь к применению индикаторов SMA и EMA и в техническом анализе, отметим, что последние рассчитываются по значениям цены (курса), однако, стоящая за ними математическая, смысловая (сущностная) база никоим образом не исключает возможности расчёта также и по непосредственным значениям экспорта, как в денежном, так и в натуральном выражениях.

Выполним обозначенный анализ в первую очередь по продуктовым, товарным позициям, исследуя пшеницу, ячмень и кукурузу как основу (98% по итогам 2024 г.) экспорта злаковых культур из Российской Федерации.

На рисунке 28 представлена динамика фактических значений экспорта пшеницы из Российской Федерации, а также SMA за краткосрочный период в 3 года и долгосрочный период 10 лет.

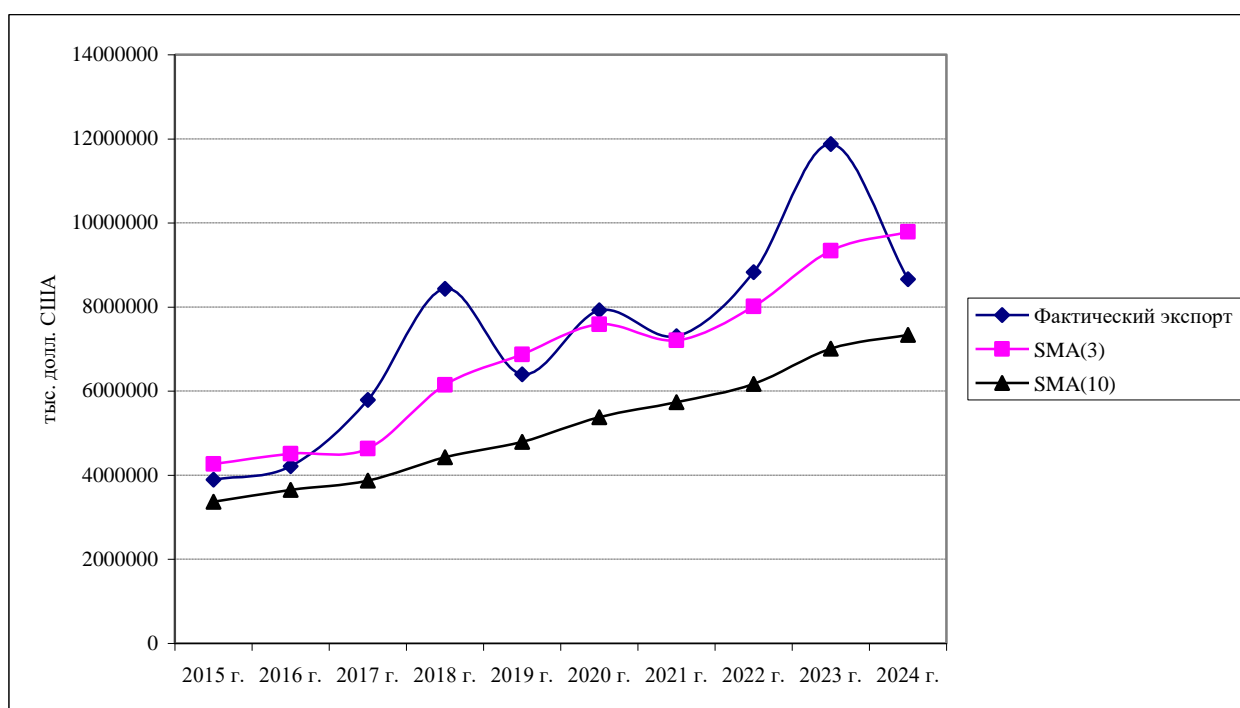

Рисунок 28 – Динамика фактических и усреднённых (SMA) значений экспорта пшеницы из Российской Федерации за 2015-2024 гг., тыс. долл. США [274]

Превышение фактических значений над усреднёнными в десятилетнем исчислении, более высокое расположение линии SMA(3) по отношению к ли-

нии SMA(10), общая направленность роста свидетельствует о том, что пшеница была и, вероятно, в кратко- и среднесрочной перспективе останется, как покажет последующий анализ, наиболее перспективной товарной позицией зернового экспорта Российской Федерации.

Необходимость перехода от индикатора SMA к ЕМА определяется тем, что в первом случае все значения усредняемого показателя экспорта обладают фактически равной аналитической, математической ценностью, во втором – большую значимость приобретают значения именно последних периодов (рисунок 29).

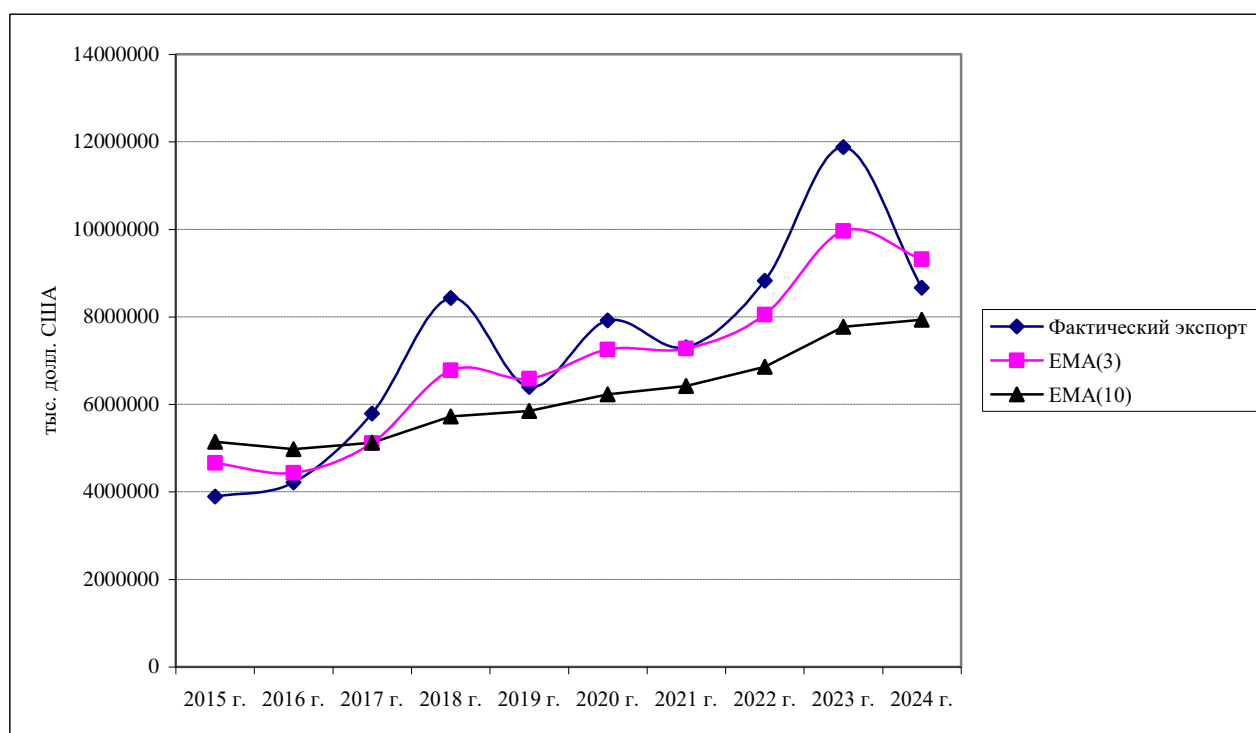

Рисунок 29 – Динамика фактических и усреднённых (ЕМА) значений экспорта пшеницы из Российской Федерации за 2015-2024 гг., тыс. долл. США [274]

Модификация расчёта приводит к следующим изменениям. Во-первых, придание более высокой значимости величинам экспорта за последние годы приводит к общему смещению вверх линий ЕМА (3) и ЕМА (10), что закономерно в условиях более высоких экспортных продаж последних лет (за исключением 2024 г., когда усреднение по трехлетнему периоду привело к более низ-

кому крайнему значению линии ЕМА (3)). Во-вторых, мы становимся свидетелями факта пересечения краткосрочной линией ЕМА (3) долгосрочной линии ЕМА (10) в 2018 г. и её превышение и в дальнейшем. Данный факт не фиксировался при анализе по индикатору SMA. Важным обозначенное различие является по той причине, что позволяет более точно установить период возникновения благоприятной ценовой, рыночной конъюнктуры, что и обеспечило нам применение индикатора ЕМА в то время как по индикатору SMA можно сделать вывод, что так было всегда. Суждение об уровнях поддержки и сопротивления субъективно по определению. По итогам 2022-2024 гг. таковыми, по мнению автора и с указанием на информационный источник – ITC Trade Map, следует считать 8 млрд долл. США в первом случае и 12 млрд долл. США – во втором.

Ориентир на линию SMA как уровень поддержки, по мнению автора, более приемлем при переходе к анализу экспорта ячменя (рисунок 30).

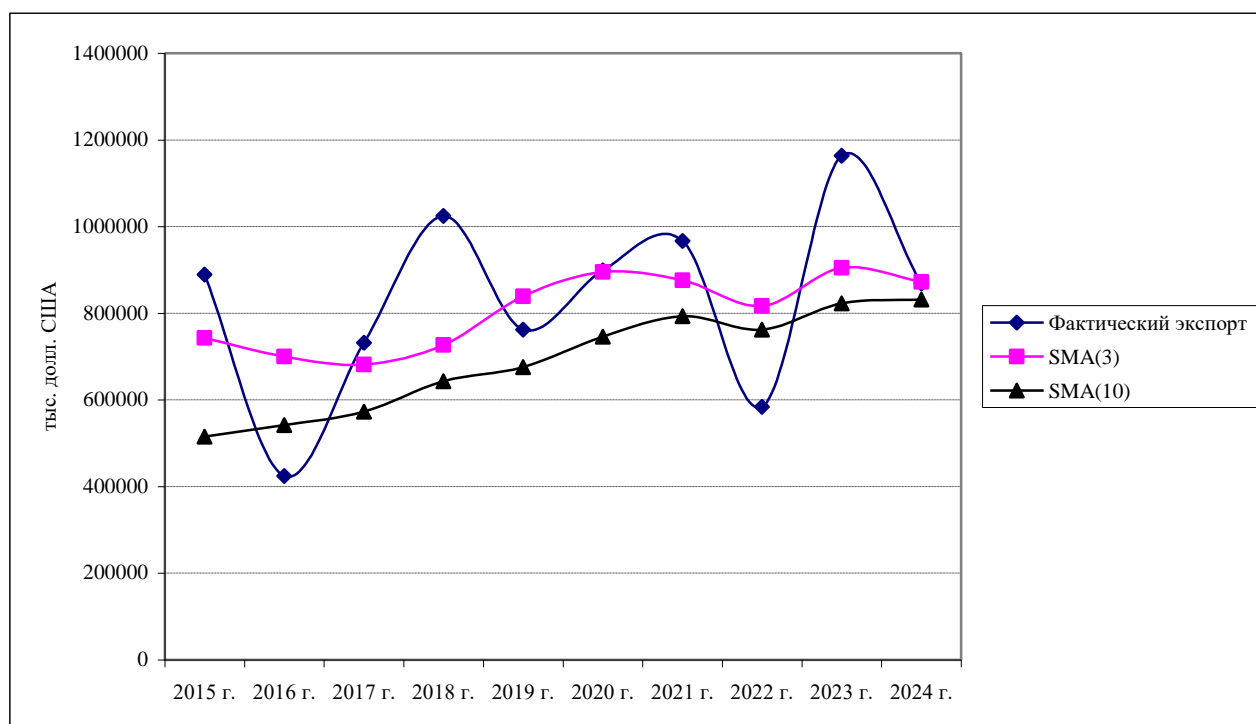

Рисунок 30 – Динамика фактических и усреднённых (SMA) значений экспорта ячменя из Российской Федерации за 2015-2024 гг., тыс. долл. США [274]

Углубления анализа требует факт наличия так называемых «пробоев», фиксируемых в 2022 г., когда экспорт ячменя резко просел, но также столь же резкого роста показателя в 2023 г. Тем не менее, уровнем поддержки, под которым применительно к тематике исследования мы понимаем относительно гарантированный минимальный уровень экспорта ячменя, можно считать 800 млн долл. США. Уровень сопротивления, по нашему мнению, в целом соответствует значению в 1 млрд долл. США, но при более консервативном подходе как ориентир можно использовать уровень SMA(3), а значит порядка 0,9 млрд долл. США. Как и по пшенице, мы разделяем графическое представление значений SMA и EMA с тем, чтобы указать на достаточно важный факт того, что при переходе от SMA к EMA, фиксируются уже множественные факты пересечения кратко- и долгосрочной линий EMA (рисунок 31).

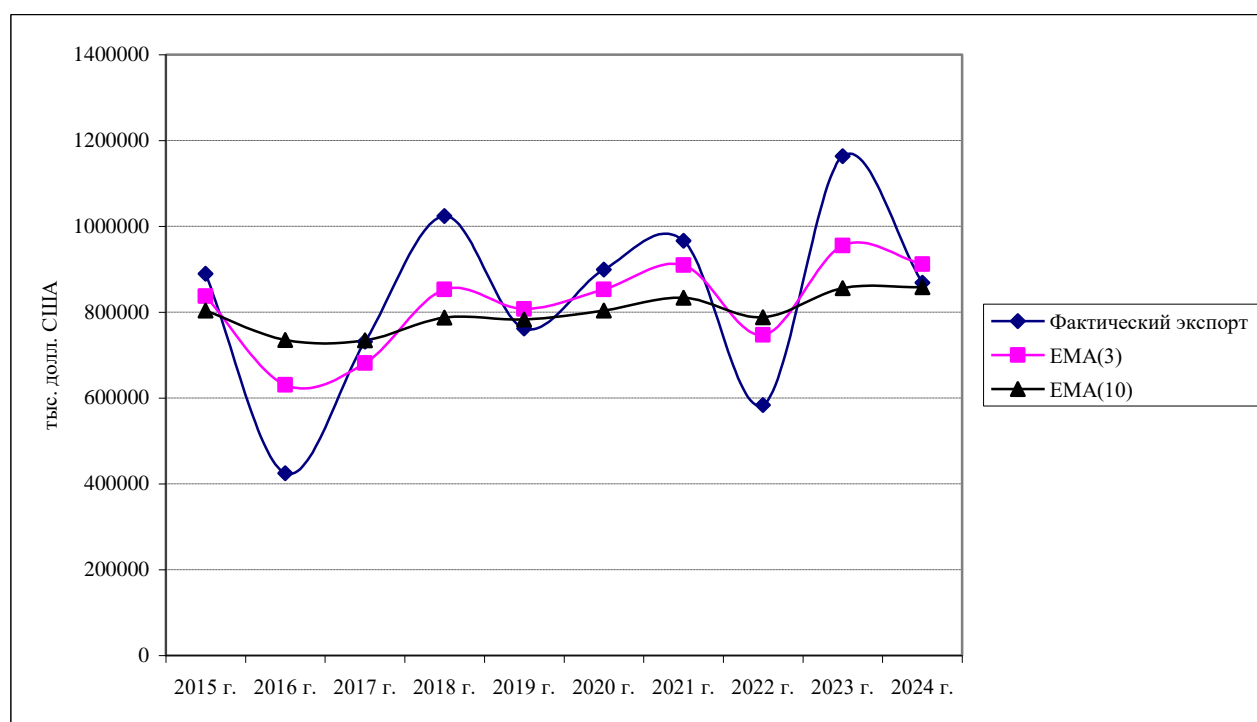

Рисунок 31 – Динамика фактических и усреднённых (EMA) значений экспорта ячменя из Российской Федерации за 2015-2024 гг., тыс. долл. США [274]

Обозначенные факты, не прослеживаемые по SMA, крайне важны в аналитическом отношении, поскольку являются свидетельством смены рыночной

конъюнктуры на более благоприятную (при пересечении краткосрочной линией долгосрочной линии снизу вверх) или, напротив, на неблагоприятную (обратные изменения). Выраженная, особенно по сравнению с характеристиками по пшенице, изменчивость соотношений ЕМА(3) и ЕМА(10) делает возможным прогноз только на краткосрочные периоды времени, позволяя, в частности, допустить неблагоприятные изменения уже в 2025 г. – пересечение линией ЕМА(3) сверху вниз линии ЕМА(10).

Рассматривая ячмень как товарную позицию российского экспорта, мы констатировали существенную вариабельность фактических значений, что, однако, не мешало нам констатировать общую повышательную тенденцию на долгосрочном горизонте – см. SMA(10). В случае же с кукурузой, усреднение даже на долгосрочном интервале не позволило нивелировать те резкие сокращения экспорта названной культуры, которые фиксируются в 2019-2020, но ещё более в 2024 г. (рисунок 32).

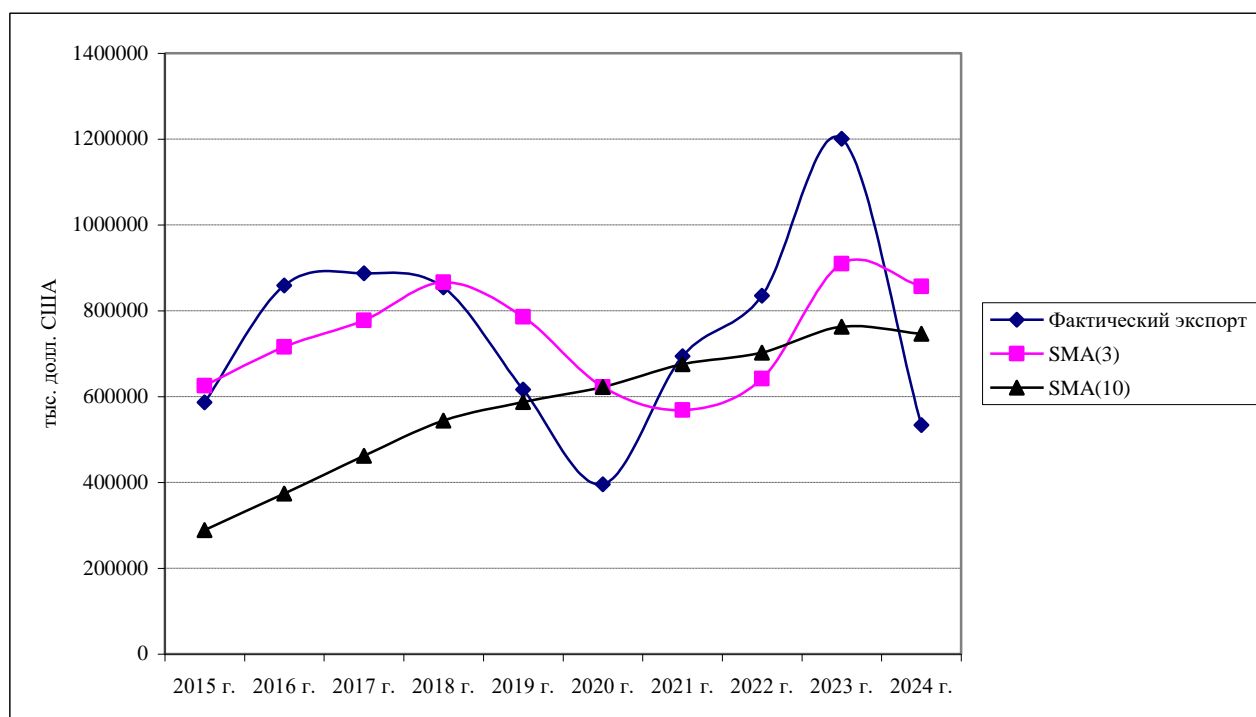

Рисунок 32 – Динамика фактических и усреднённых (SMA) значений экспорта кукурузы из Российской Федерации за 2015-2024 гг., тыс. долл. США [274]

Столь высокая неустойчивость динамики фактических значений не позволяет нам использовать скользящие средние в качестве уровней поддержки или сопротивления. Фактические значения 2021-2023 гг. были выше усреднённых при любом варианте расчёта последних, что указывает на благоприятные рыночные условия в обозначенный период. Однако, уже по итогам 2024 г. ситуация сменилась на противоположную, делая потенциально возможным «пробой» линией SMA(3) линии SMA(10) сверху вниз, символизируя тем самым падение привлекательности кукурузы как экспортной культуры в краткосрочной перспективе. Анализ перспектив экспорта кукурузы через индикатор ЕМА приводит к получению более сглаженных усреднённых оценок (рисунок 33).

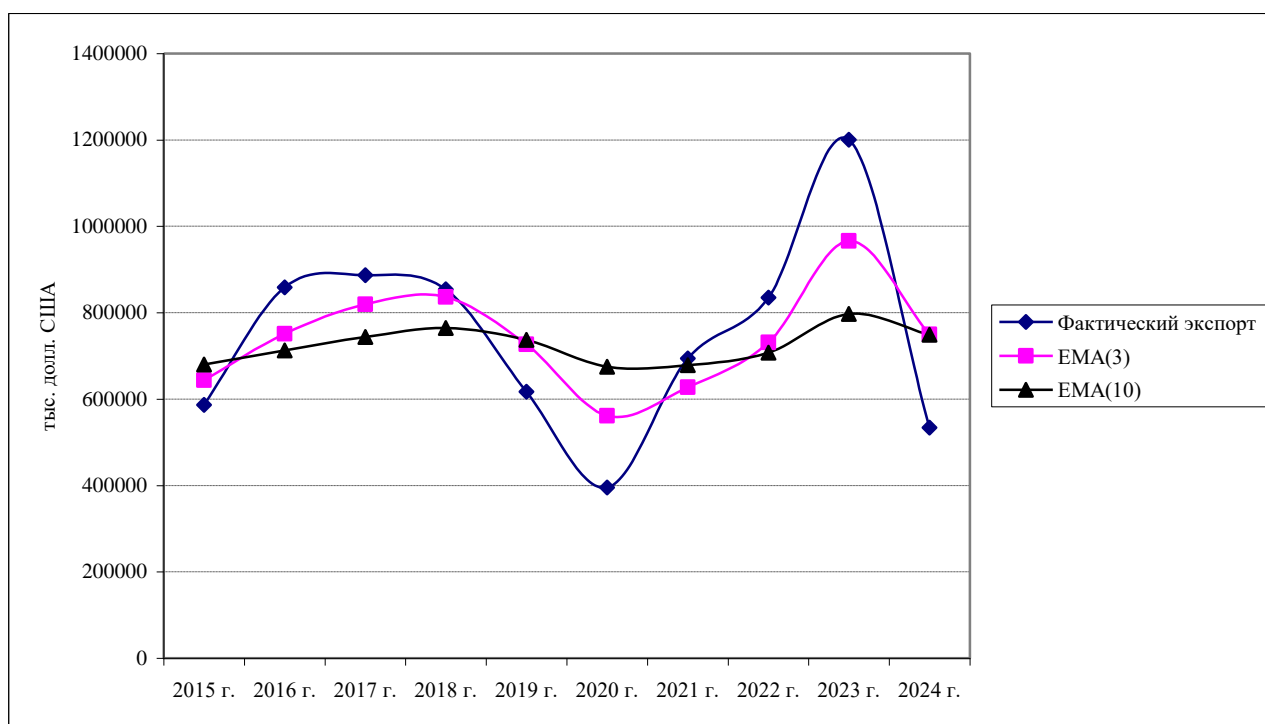

Рисунок 33 – Динамика фактических и усреднённых (ЕМА) значений экспорта кукурузы из Российской Федерации за 2015-2024 гг., тыс. долл. США [274]

Более высокая сглаженность достигается за счёт придания в расчётах более высоких значений удельного веса более поздним, современным значениям. Если при усреднении по SMA мы могли только предполагать ухудшение рыночной конъюнктуры на 2025 г., то, опираясь на значения ЕМА, можно утверждать, что ухудшение этой самой конъюнктуры уже практически произошло в

2024 г. (значение ЕМА(3) составило 750 млн долл. США, ЕМА(10) – 749 млн долл. США).

Поскольку основные положения расчёта индикаторов SMA и ЕМА нами уже обозначены, расчёты последних по товарной позиции продуктов переработки зерна, приведём на одном графике (рисунок 34).

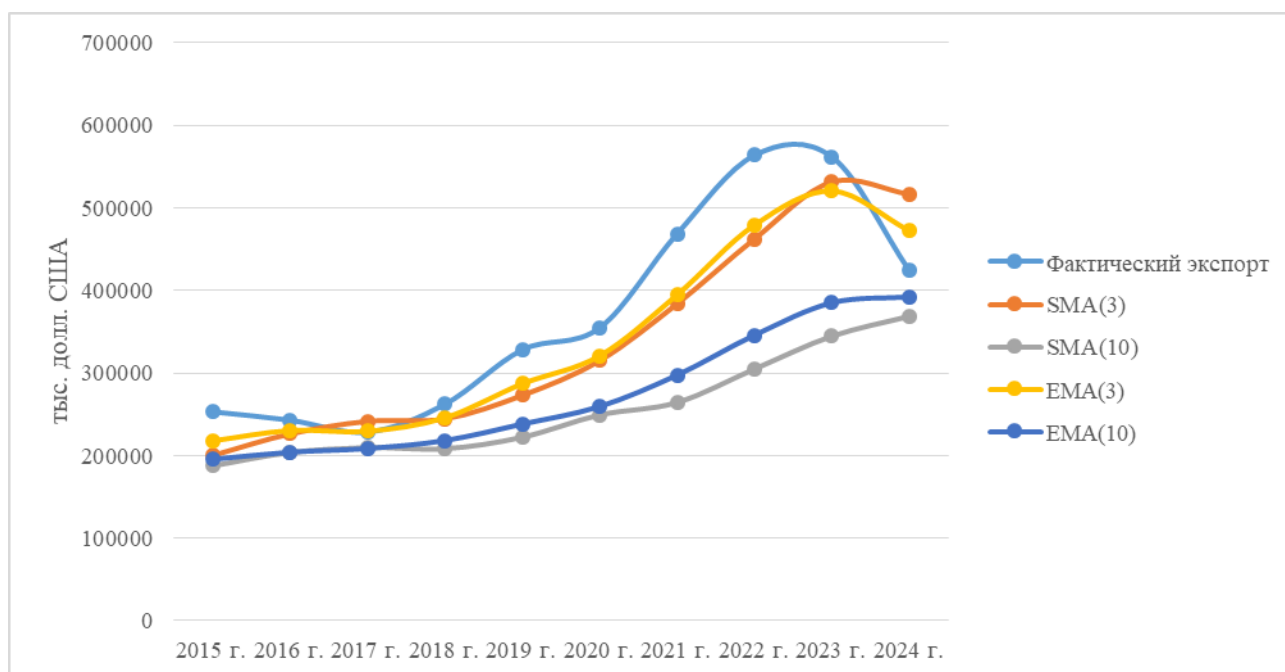

Рисунок 34 – Динамика фактических и усреднённых значений экспорта продуктов переработки зерна из Российской Федерации за 2015-2024 гг., тыс. долл. США [274]

По данным рисунка фиксируется негативная динамика пересечения в 2024 г. линией фактических значений линий краткосрочных индикаторов SMA и ЕМА, что, при первом приближении, создает на краткосрочную перспективу негативные ожидания, однако, требует для формирования окончательного вывода подтверждения или опровержения следующими временными оценками поскольку в предыдущие интервалы времени получаемые характеристики были позитивными – линия фактических значений несколько лет превышала линии краткосрочных средних, которые, в свою очередь, превышали линии долгосрочных средних. Существенная вариабельность значений последних лет не

позволяет нам сделать вывод о вероятном уровне поддержки, но, судя по представленному рисунку, уровень сопротивления складывается в интервале значений 560-570 млн долл. США.

Обобщая результаты исследования перспектив зернового экспорта России по товарным наименованиям, нами установлено убывание этих перспектив в соответствии с теми местами, которые занимают отдельные культуры в структуре экспорта: пшеница, являясь его основой, обладает наилучшими перспективами и в перспективе; прогнозные оценки по ячменю носят уже сдержанно-оптимистический характер, определяясь неустойчивостью своей динамики, что, однако, не помешало нам сделать вывод о значении уровня поддержки – того гарантированного размера экспорта данной культуры, на который можно рассчитывать в кратко- и среднесрочной перспективе; усреднение фактических значений экспорта кукурузы как в кратко-, так и долгосрочной ретроспективе приводит нас к формированию негативных ожиданий изменения целевого показателя и в ближайшие временные периоды. Замедление по итогам 2023 г. экспорта продуктов переработки зерна, усугубляемое негативной динамикой в 2024 г., также создаёт негативные прогнозные ожидания.

Также представим выводы относительно научно-теоретической значимости предлагаемого подхода. Как видно из полученных эмпирических результатов, при отсутствии крайне резких изменений исследуемого показателя, оценка перспектив экспорта соответствующей товарной позиции позволяет гармонизировать потенциально разнородные оценки кратко- и долгосрочного усреднения. Выраженная вариабельность же анализируемого признака не делает невозможным использование предлагаемого инструментария, но значительно сокращает период обоснованного, достоверного прогнозирования. Вместе с тем, следует ещё раз подчеркнуть, что оценка перспектив зернового экспорта на основе скользящих средних – изначально инструмент кратко- и, в лучшем случае, среднесрочного прогнозирования. Чем более длительный период мы закладываем в прогнозирование на основе скользящих средних, тем больше прогноз осуществляется на основе прогноза, а значит усиливается расхождение прогнозных и фак-

тических значений, формируется искажённая картина. Методически верным, по мнению автора, является скорее применение так называемого скользящего планирования, когда по прошествии периода прогноза, например, года, прогнозный период удлиняется на тот же период, нежели попытки единожды рассчитав утвердить ожидаемые значения на годы вперед. Тем не менее, даже принимая во внимание обозначенные ограничения, мы можем утверждать, что предлагаемый инструментарий оценки перспектив зернового экспорта Российской Федерации и её регионов может представлять научно-практическую ценность и быть реализованным не только по отношению к товарным позициям, но и географическим направлениям – странам, импортирующим зерновую продукцию РФ.

Выше был обозначен основной субъектный, страновой состав российского экспорта зерновых. Осуществим выборку наиболее крупных покупателей российского зерна. В состав последних включим страны, обеспечившие по итогам 2024 г. более 2/3 российского зернового экспорта – Египет (рисунок 35), Турцию, Саудовскую Аравию, Кению, Китай и Казахстан.

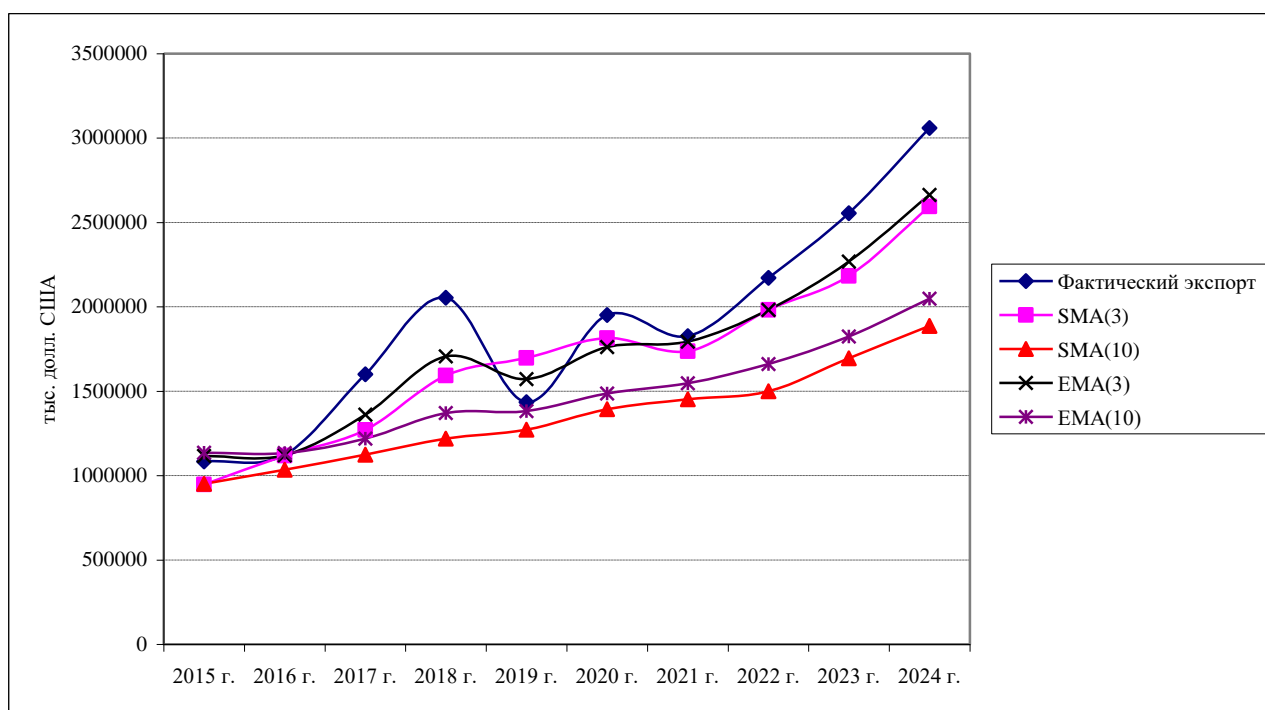

Рисунок 35 – Динамика фактических и усреднённых значений экспорта злаковых из Российской Федерации в Египет за 2015-2024 гг., тыс. долл. США

Оценка, которую можно дать по формальным значениям экспорта злаков в Египет и рассчитанным на их основе скользящим средним разного типа (SMA и ЕМА) и разной протяженности (3 года и 10 лет) близка к «идеальной» - несмотря на «проседания» экспорта в 2019 (прежде всего) и 2021 гг., налицо общая положительная динамика, краткосрочные скользящие средние выше долгосрочных, при том, что фактические значения последних лет превышают усредняемые. Уровень поддержки динамичный и имеет тенденцию роста. «Сопротивление» как таковое в последние годы отсутствовало, но, вероятно, таковым в период 2018-2020 гг. можно было считать 2 млрд долл. США. Фактический же экспорт по итогам 2024 г. в оценке ITC Trade Map превысил 3 млрд долл. США.

Турция, как уже указывалось, – один из ключевых экспортёров зерновой продукции из Российской Федерации, оценку взаимодействия с которой осуществим на основе рисунка 36.

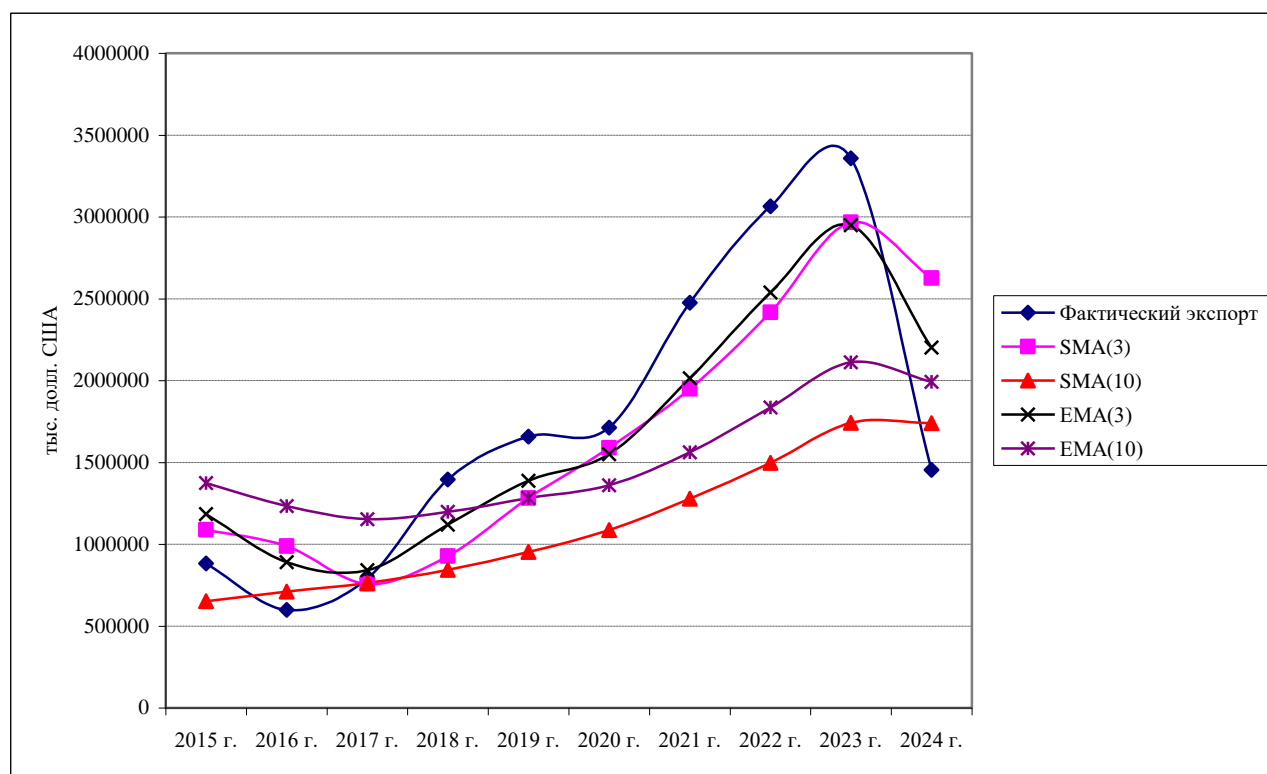

Рисунок 36 – Динамика фактических и усреднённых значений экспорта злаковых из Российской Федерации в Турцию за 2015-2024 гг., тыс. долл. США

В первую очередь, обращает на себя внимание резкое «проседание» экспорта злаковых по итогам 2024 г. Это закономерно привело к резкому сокращению значения скользящих средних, особенно краткосрочных, что закономерно, т.к. период усреднения короче. Во вторую очередь, отметим, что превышение краткосрочной скользящей средней ЕМА(3) над долгосрочной ЕМА(10) имело место не всегда (в отличие от Египта), а сформировалось лишь в 2019 г., рискуя при этом сойти на нет по итогам 2025 г. (при сохранении сложившихся тенденций). Суждения об уровнях поддержки и сопротивления в условиях обозначенного резкого сокращения, как представляется, преждевременны, требуется дальнейший постоянный мониторинг ситуации.

Экспорт злаков в Саудовскую Аравию отличается ещё большей волатильностью фактических значений, не имеющих устойчивой однонаправленной динамики (рисунок 37).

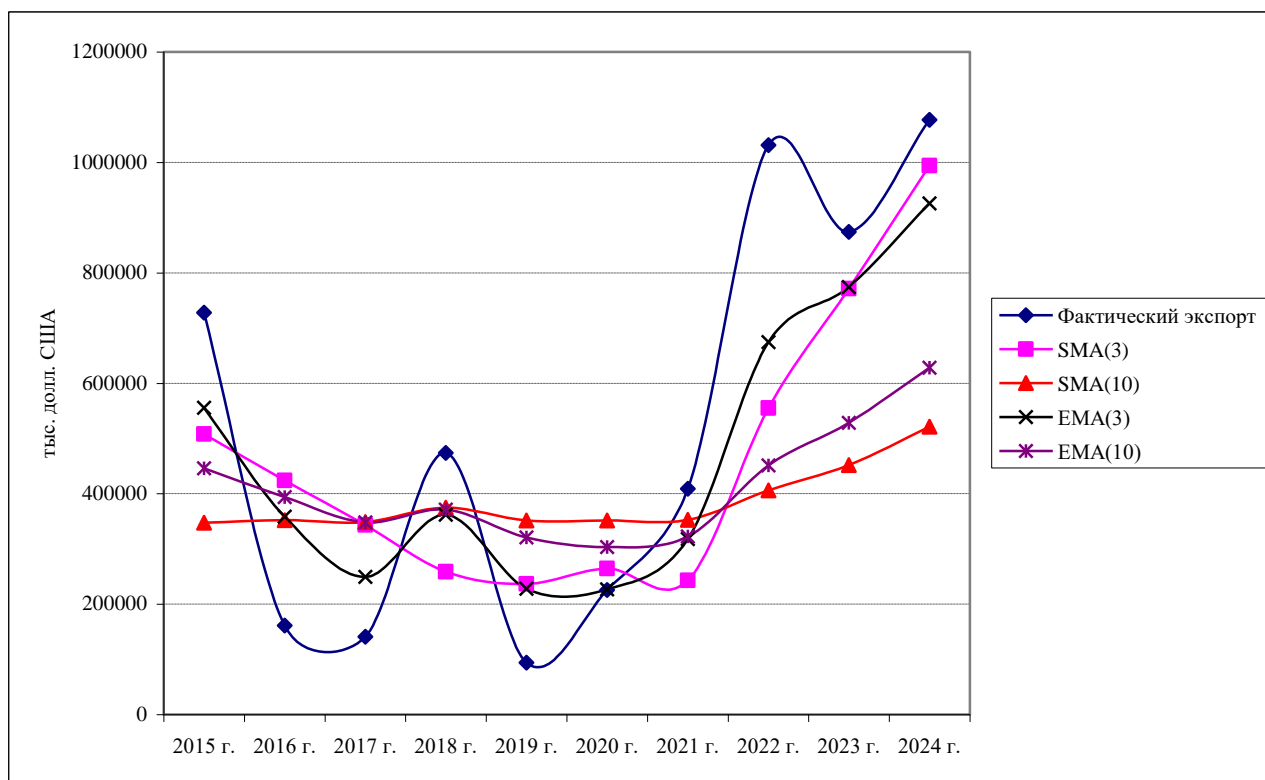

Рисунок 37 – Динамика фактических и усреднённых значений экспорта злаковых из Российской Федерации в Саудовскую Аравию за 2015-2024 гг., тыс. долл. США [274]

Формирование суждений об уровнях поддержки и сопротивления в общем случае базируется на большом массиве временных данных и «требует» относительной стабильности внутренних и внешних факторов. Ситуация на мировых рынках, в т.ч. зерновом, с началом СВО приняла более непредсказуемый характер и требуется больший временной интервал для проверки возможного суждения о том – можно ли границы интервала от 0,9 до 1,1 млрд долл. США принимать как основу для определения уровней поддержки и сопротивления. Ориентируясь исключительно на краткосрочные тенденции, можно предположить, что потенциал расширения экспорта злаковых в Саудовскую Аравию не только имеется, но и будет прирастать. Определяющее влияние имеют внешне-политические факторы.

Начало военных действий на Украине требует разделения деловой аналитики на «до» и «после». Применительно к Кении, как следующему по значимости покупателю российской злаковой продукции, обозначенное разделение также наглядно применимо (рисунок 38).

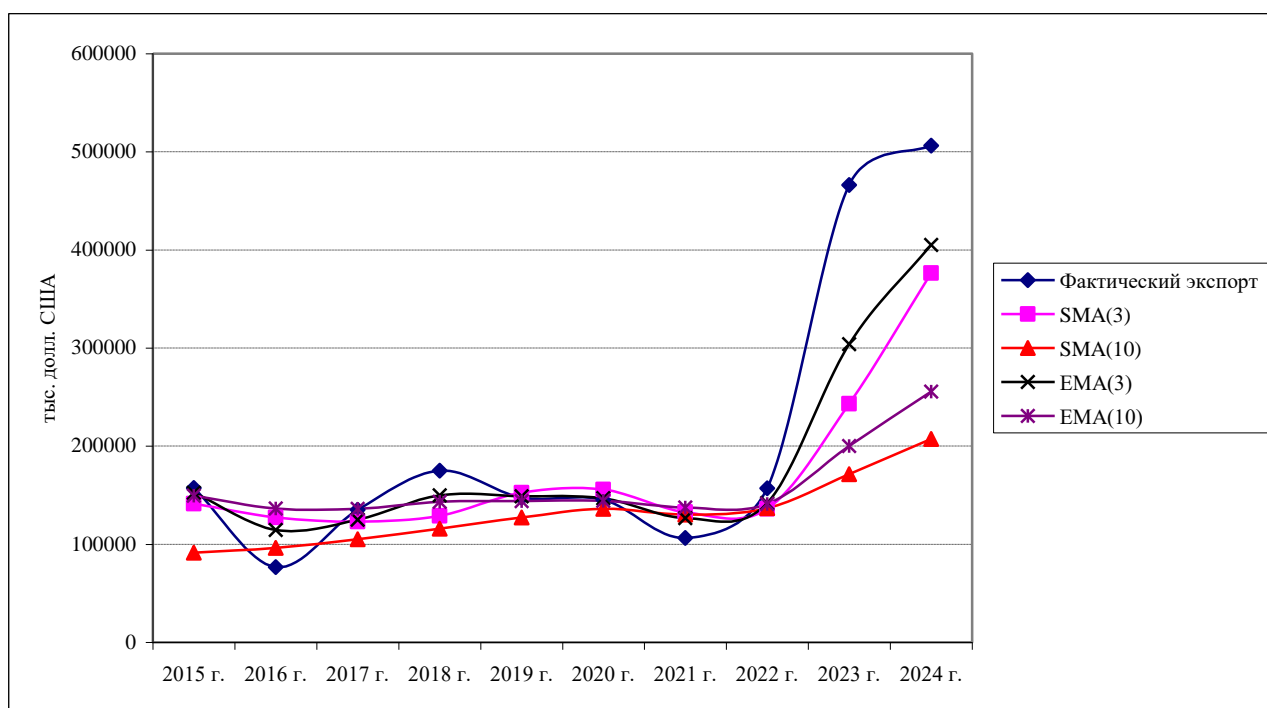

Рисунок 38 – Динамика фактических и усреднённых значений экспорта злаковых из Российской Федерации в Кению за 2015-2024 гг., тыс. долл. США

Экспорт злаковых культур в Кению характеризуется рядом положительно оцениваемых соотношений – положительная динамика, превышение краткосрочных скользящих средних над долгосрочными. Ключевым, однако, остаётся вопрос о сохранении достигнутых значений экспорта и направленности изменений и в ближайшей перспективе, как минимум краткосрочной.

Расширение взаимодействия с Китаем в части экспорта злаковой продукции наиболее существенно и особенно активизировалось в последние годы (рисунок 39).

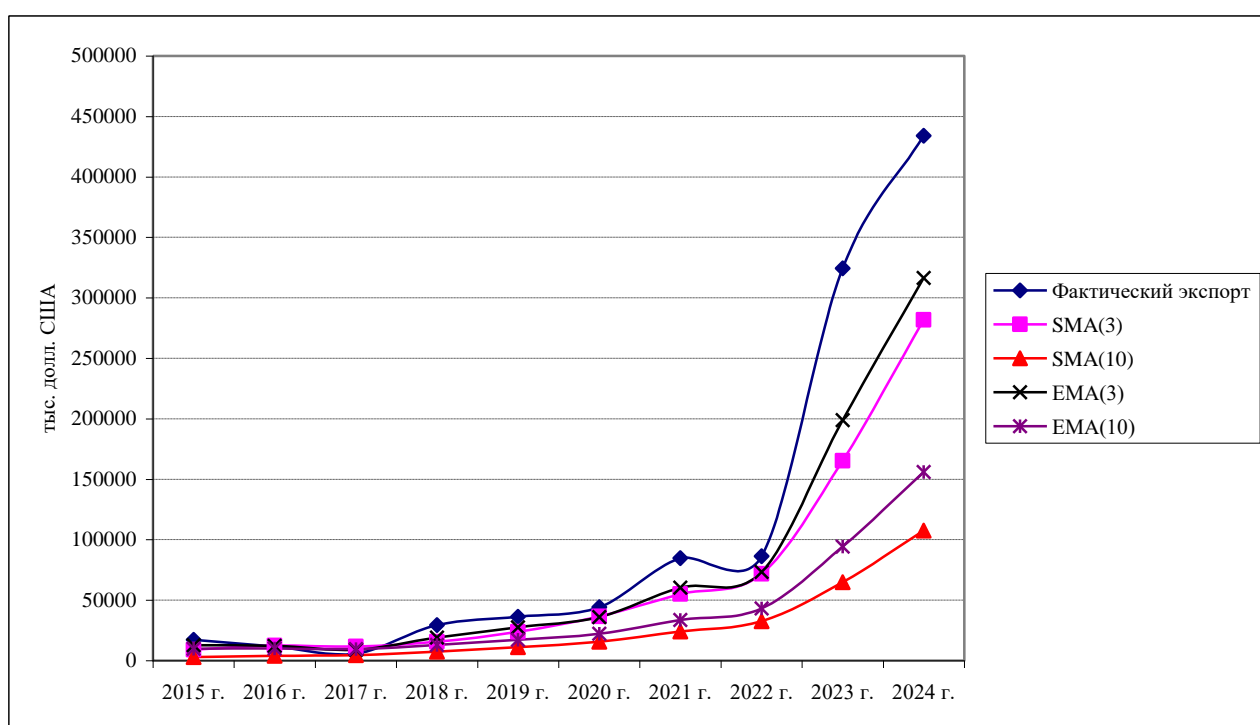

Рисунок 39 – Динамика фактических и усреднённых значений экспорта злаковых из Российской Федерации в Китай за 2015-2024 гг., тыс. долл. США

[274]

Оценки по Китаю в целом схожи с оценкой по Кении, однако следует отметить, что экспорт злаковой продукции в Китай в рамках анализируемого временного периода с 2015 по 2024 гг. начался едва ли не с нулевых значений. Иными словами, экспорт злаковых культур в Китай в кратко- и среднесрочной перспективе характеризуется как перспективный, требуя, однако, постоянного

мониторинга, разработки системы мер по развитию (будут обозначены ниже).

Заключительным из состава рассматриваемых стран-импортеров российской злаковой продукции является Казахстан, наращивавший соответствующие закупки вплоть до 2023 г., но допустивший их сокращение в 2024 г. (рисунок 40).

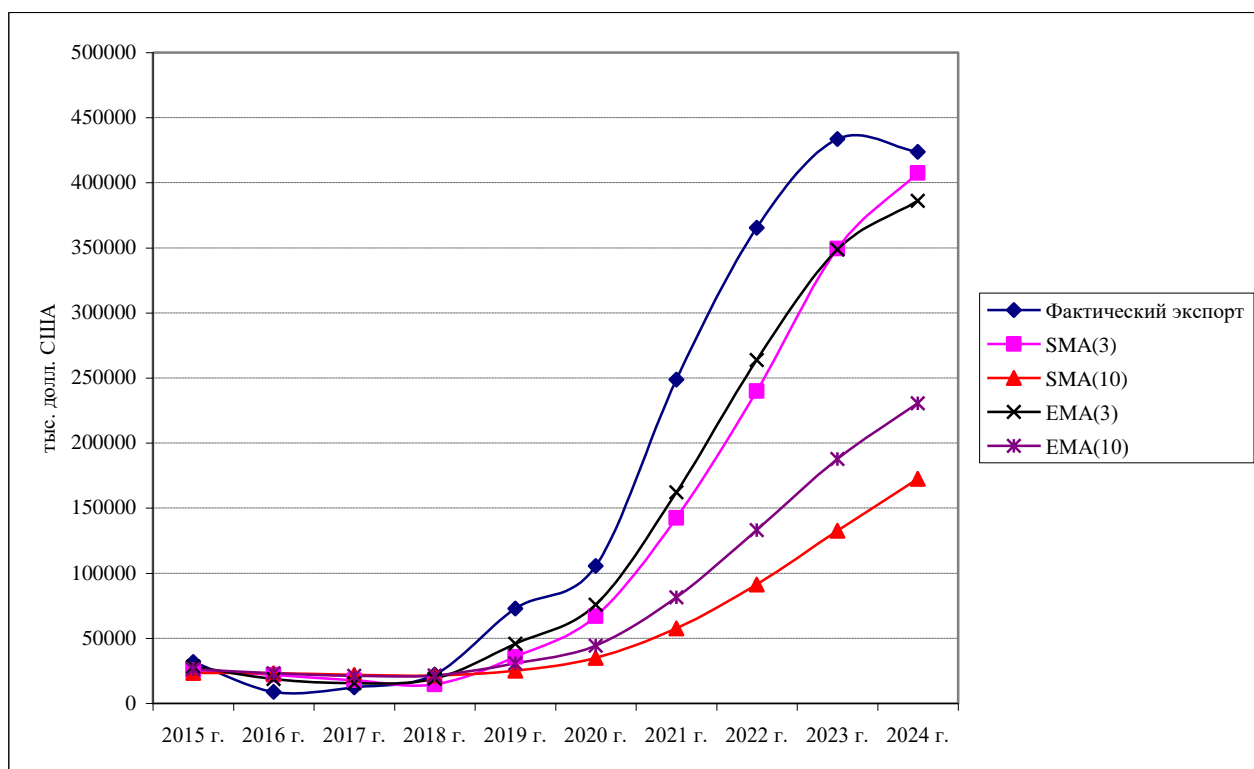

Рисунок 40 – Динамика фактических и усреднённых значений экспорта злаковых из Российской Федерации в Казахстан за 2015-2024 гг., тыс. долл. США [274]

Усреднение фактических значений скрыло сокращение экспорта в Казахстан по итогам 2024 г., позволяя делать вывод о сохранении привлекательности данного направления экспорта.

Перспективными являются рынки тех стран, которые характеризуются, с одной стороны, как наиболее ёмкие, с другой стороны, как демонстрирующие наибольший рост. В первом случае перспективы российского экспорта зерновых по-прежнему связаны, прежде всего, с Египтом (лидер с 2024 г.), Турцией и

Саудовской Аравией. Лидера по темпам роста определим, опираясь на данные таблицы 37, ключевой особенностью которой является расчёт темпов роста не только непосредственно по фактическим значениям, но и по усреднённым значениям – SMA и ЕМА различной степени усреднения.

Таблица 37 – Темпы роста экспорта злаковой продукции по основным странам-импортёрам российских злаковых культур за период с 2015 по 2024 гг.

Наименование показателя	Египет	Турция	Сауд. Аравия	Кения	Китай	Казахстан
Фактический экспорт	2,82	1,65	1,48	3,22	25,38	13,39
SMA(3)	2,74	2,41	1,96	2,66	31,47	16,10
SMA(10)	1,98	2,67	1,50	2,26	37,95	7,35
ЕМА(3)	2,39	1,86	1,67	2,66	24,94	13,59
ЕМА(10)	1,80	1,45	1,41	1,71	15,80	8,75

Результаты исследования характеризуются неоднородностью динамики, неоднозначностью роли отдельных стран в обеспечении стабильного экспорта зерна и зернопродуктов из Российской Федерации и её регионов. Тем не менее, в кратко- и среднесрочной перспективе основными товарными позициями зернового экспорта страны продолжают оставаться пшеница, ячмень и кукуруза, а в территориально-страновом разрезе усилится роль Юго-Восточной Азии, прежде всего Китая, а также Африки. Безусловная специфичность рынков обозначенных стран требует разработки комплекса соответствующих мероприятий, определяемых далее.

Рынки стран Юго-Восточной Азии и Африки в современных условиях усложнения внешнеэкономической, политической ситуации становятся для Российской Федерации и её основных экспортноориентированных регионов основными. Китайская Народная Республика является одним из ключевых внешних партнеров СФО в целом и Новосибирской области в частности. По данным Сибирского таможенного управления ФТС России в 2023 году 44,6% от общего объема экспорта Новосибирской области поставлено в Китай. Большая часть экспортируемой продукции приходится на продукцию АПК. Совокупный объем экспорта продукции АПК из Новосибирской области в Китай в 2023 году

составил 287,4 млн долл. США, что в 1,6 раза больше, чем в 2022 г. При этом в натуральном выражении в 2023 году экспорт увеличился в 2,4 раза и составил 745,5 тыс. т [231].

Основу китайского экспорта продукции АПК из Новосибирской области и других регионов СФО составляют масличные, зерновые и зернобобовые культуры: на данные позиции в 2023 г. пришлось около 80,8% агроэкспорта Китая в стоимостном выражении [231].

В связи с тем, что экспорт продукции АПК для экономики Новосибирской области и других регионов СФО является драйвером развития сельского хозяйства, перерабатывающей и пищевой промышленности, необходимо развивать динамику экспорта продукции АПК на рынки стран Юго-Восточной Азии и Африки [231].

С учётом объективной перспективы дополнительного снятия фитосанитарных и ветеринарных барьеров со стороны Китая и других стран в отношении российской продукции АПК для укрепления внешнеторговых позиций предприятий АПК на рынке сельхозпродукции стран Юго-Восточной Азии и Африки нами предлагается предпринять следующие шаги:

1. Создать маркетинговую стратегию продвижения продукции АПК регионов СФО на продовольственных рынках стран Юго-Восточной Азии и Африки, поэтапно внедрить и корректировать её в зависимости от внешней и внутренней конъюнктуры [231].

2. Провести официальную презентацию возможностей и продукции АПК регионов СФО на базе Торгового представительства Российской Федерации в Китае с приглашением целевой аудитории потребителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции, потенциальных инвесторов в развивающиеся ниши АПК региона [231].

3. Открыть офис представительства СФО в провинции Шаньдун, ключевом портовом городе Циндао, являющемся центром морской агрологистики и переработки сельскохозяйственной продукции в Китае. Для синхронизации работы, поддержания скорости контактов и вовлечения китайских инвесторов в

сферу АПК Новосибирской области открыть бэк-офис китайского представительства Новосибирской области в столице региона – Новосибирске [231].

4. Консолидировать информацию о территориях Китая, странах Юго-Восточной Азии и Африки, специализирующихся на переработке сельскохозяйственной продукции, торговых хабах, бондовых зонах, для последующей целевой маршрутизации экспортеров СФО к конкретным потребителям продукции АПК, отраслевым и деловым ассоциациям [231].

5. Создать онлайн алгоритм входа продукции АПК на рынок Китая, стран Юго-Восточной Азии и Африки: траектория установления контактов, этапы исполнения контрактов, финансовая и транспортная логистика, «калькулятор сделки», «меры государственной поддержки».

6. Ввести специализированные сервисы для экспортеров продукции АПК СФО.

7. В рамках «Клуба экспортеров» организовать систему наставничества опытных региональных экспортеров продукции АПК над начинающими экспортерами, а именно: передача знаний и навыков работы с рынками КНР, стран Юго-Восточной Азии и Африки от более опытного предприятия менее опытному.

8. Продвигать в информационном пространстве живые «истории успеха» сибирских экспортеров на азиатском, прежде всего китайском, и африканском рынках продовольствия.

Маркетинговая стратегия продукции АПК СФО необходима для определения концепции ассортимента, оптимальных каналов продвижения продукции АПК, эффективных способов доставки. Стратегия может быть создана силами членов «Клуба экспортеров» при участии «Центра поддержки экспорта» каждого региона СФО, «Корпорации развития», а также представительства АО «Российский экспортный центр» в Китайской Народной Республике.

Проведение официальной презентации возможностей и продукции АПК находится в логике обычаев делового оборота Китая и ряда других стран Азии и Африки, что позволит «прописать» СФО в архитектуре органов власти КНР,

предпринимательского сообщества, профильных отраслевых союзов. Ранее в 90-х гг. силами Администрации Новосибирской области данная презентация успешно производилась на базе Посольства Российской Федерации в Китае с непосредственным выступлением от лица региона И.А. Рогачёва – действующего посла России в Китае в период с 1992 г. по 2005 г. [231].

Логичным для открытия торгового представительства СФО и динамично развивающимся морским хабом продукции АПК является провинция Шаньдун, город Циндао с населением порядка 102 млн человек – по численности населения провинция занимает второе место в Китае, после Гуандуна [231].

Шаньдун является одним из самых крупных и развитых экономических регионов Китая, имеет выход к Желтому морю и бассейну реки Хуанхэ. Является крупнейшим экспортёром сельскохозяйственной продукции страны с 1998 г., удельный вес порядка 25% от общего объёма экспорта сельскохозяйственных товаров Китая. Занимает первое место в Китае в сфере сельскохозяйственного машиностроения. Российская Федерация является шестым по величине торговым партнером Шаньдуна и вторым по величине рынком импорта [231].

В Шаньдуне расположены крупные морские порты Циндао (четвёртый по грузообороту порт Китая и седьмой – мира), Яньтай, Жичжао и Вэйхай. Контейнерный терминал Цяньвань в Циндао является одним из крупнейших в стране. Порты провинции Шаньдун тесно связаны с портами Южной Кореи и Японии. В 2022 г. грузооборот порта Циндао составил 687 млн т, по этим показателям он занял четвертое и пятое места в мире.

Важнейшим коридором, по которому следуют контейнеры на маршруте Китай – Европа, является Циндао – Сиань – Казахстан. Транспортная доступность до деловых центров Китая – Пекина и г. Шанхай – 3,5 часа регулярным скоростным поездом. Действует прямое авиационное сообщение города Новосибирска с Пекином и Шанхаем. Умеренная ставка арендной платы за офисное помещение для торгового представительства порядка 2500 юаней (около 30 тыс. руб.) за 1 м² в год [231].

Предполагаемые функции торгового представительства СФО в Китае:

- представительство интересов СФО и региональных экспортеров по вопросам внешней торговли в Китае;

- площадка для проведения переговоров и презентаций между участниками ВЭД СФО и китайскими компаниями, предоставление квалифицированного перевода;

- площадка для проведения онлайн видеоэкскурсий потенциальных китайских партнеров по предприятиям-экспортерам СФО;

- демонстрационные площадки (шоурумы) экспортоориентированной продукции предприятий СФО;

- аналитика конъюнктуры рынка продукции АПК в Китае и других странах Азии и Африки, выработка обоснованных рекомендаций участникам ВЭД СФО по текущим и прогнозным торговым стратегиям в Китае;

- оперативная обработка запросов со стороны китайских контрагентов и поиск партнеров на территории СФО (усилия РЭЦ направлены преимущественно на федеральный уровень, отсутствует оперативная информация);

- сопровождение исполнения контрактов, юридическое консультирование участников ВЭД, медиация при решении спорных контрактных ситуаций [231].

Бэк-офис китайского представительства СФО, функционирующий в столице федерального округа – городе Новосибирске – синхронизирует деловые инициативы и контакты региональных участников ВЭД с китайскими партнерами, выполнит связку при исполнении заключенных контрактов, обеспечит обработку запросов субъектов экономики региона на импорт необходимой продукции промышленного и общего назначения. Так, в настоящее время между регионами Российской Федерации и КНР сложились 366 партнерских пар, в том числе 135 – на уровне регионов, 231 – по линии муниципалитетов; 59 субъектов Российской Федерации связаны с регионами КНР соглашениями, у 100 муниципальных образований имеются побратимы или партнеры в Китае. Администрациями 43 регионов России подписаны 107 рамочных соглашений о торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарном сотрудничестве с региональными правительствами КНР [231].

Фокусировка экспортеров СФО на провинциях Китая с обоснованным потенциалом поставок продукции АПК региона позволит осуществить подбор, ранжирование и настроить системное сотрудничество экспортеров региона с целевыми предприятиями Китая, а также направить их на адресные выставочные мероприятия, что позволит корректировать маркетинговую стратегию СФО.

Пошаговый план действий от способов поиска партнёров, написания коммерческого предложения с учётом языковых особенностей, ведения очных и онлайн переговоров с учётом обычаев и делового этикета Китая до детализированного механизма исполнения контракта, включающего точное калькулирование затрат, является абсолютной потребностью участников ВЭД, особенно с опытом менее 1 года [231].

Применяемые в СФО виды государственной поддержки экспорта предоставляются «Центром поддержки экспорта» регионов, региональным представительством АО «Российский экспортный центр», также компании могут воспользоваться цифровой платформой «Мой экспорт».

Предлагаемый комплекс мер уже включает широкий перечень безвозмездных услуг для выхода на рынок КНР: комплексные услуги по организации и проведению международных бизнес-миссий, участию компаний региона в выставках за рубежом, поиске партнера, размещению на электронно-торговых площадках, экспертизе экспортного контракта.

Дополнительно на условиях софинансирования для компаний предоставляются услуги по сертификации (80/20), получению товарных знаков за рубежом (70/30) и услуги по транспортировке (80/20). Экспортеры также могут воспользоваться рядом иных услуг от «Российского экспортного центра».

Вместе с тем для динамичного развития экспортоориентированных предприятий СФО в сфере АПК в перечень инструментов государственной поддержки предлагается добавить следующее:

- создание демоформ экспортных документов, библиотеки форм документов и типовых контрактов, учитывающих специфику АПК;
- «калькулятор сделки» – помощь в калькуляции коммерческого предло-

жения (онлайн) – один из самых важных моментов при работе с китайскими партнёрами, который не в полной степени учитывают компании региона;

- создание «Личного кабинета экспортера» СФО на платформе «Центра поддержки экспорта» с формой принятия заявки от китайского потребителя с диалоговыми окнами с русско-китайским онлайн-переводом;

- подбор логистических решений при работе с китайским партнером;

- стандартизация коммерческих предложений и презентационных материалов, подготовка оптимальной структуры коммерческих предложений с учётом деловых обычаев Китая;

- помощь в создании и продвижении аккаунтов компаний СФО в китайском мессенджере WeChat и популярных социальных сетях Тик-ток (Dou yin), Сяохуншу (Xiaohongshu);

- методическое содействие в регистрации экспортера в электронных системах Россельхознадзора CIFER, «Цербер», «Аргус-Фито»;

- совместно с вузами СФО осуществить разработку учебной программы повышения квалификации для специалистов со знанием китайского языка «Основы внешнеэкономической деятельности для переводчиков» [231].

Таким образом, оценка перспективности географических и продуктовых направлений зернового экспорта на основе инструментария простых и экспоненциальных скользящих средних, сочленяя в своих результатах кратко-, средне- и долгосрочные тенденции, позволяет считать наиболее перспективными, учитывающими внешнеполитические условия, рынки стран Юго-Восточной Азии, Африки, выделяя, в первую очередь среди последних Китай. Расширение экспортных продаж российскими производителями, трейдерами требует организационного, институционального, маркетингового развития, включающего создание маркетинговой стратегии продвижения продукции АПК регионов СФО, открытие офиса представительства СФО, консолидацию информационных потоков, создание специализированных сервисов, онлайн алгоритма входа продукции АПК на рынок Китая, стран Юго-Восточной Азии и Африки, функционирование «Клуба экспортёров».

4.3. Прогноз развития экспорта зерна и зернопродуктов на период до 2030 г.

Решение заключительной задачи исследования, задачи прогнозирования величины экспорта зерна и зернопродуктов, с одной стороны, опирается на существующий прогностический инструментарий, с другой стороны, должно учитывать отраслевую специфику, а также специфику внешнеэкономической деятельности российских экспортёров, выражаемую, в частности, в наличии на современном историческом этапе ряда значимых внешнеполитических факторов.

В настоящей части проводимого исследования нами будут применены три подхода к прогнозированию:

1) прогнозирование на основе наиболее достоверной по значению коэффициента детерминации линии тренда (с использованием инструментария Microsoft Excel);

2) прогноз на основе модели ARIMA (Autoregressive Integrated Moving Average, Модель авторегрессии скользящего среднего) с автоматической структурой параметров (подход Бокса-Дженкинса). Модель позволяет обеспечить более значительную надежность прогноза;

3) модификация использования модели ARIMA за счёт ручного подбора параметров. Обозначенная модификация даст возможность уточнить прогноз-ные характеристики (по значению модифицированного информационного критерия Акаике).

В соответствии с ранее полученными результатами прогноз будет реализован по отношению к наиболее крупным товарным позициям российского зернового экспорта – пшенице, ячменю, кукурузе (98,05% экспорта злаков по итогам 2024 г.), а также продукции мукомольно-крупяной промышленности, т.е. продуктам переработки зерна.

В географическом разрезе внимание будет сосредоточено также на наиболее крупных покупателях российского зерна и продуктов его переработки,

а именно: Египте, Турции, Саудовской Аравии, Кении, Китае и Казахстане, в совокупности, как уже указывалось, имеющих удельный вес в российском экспорте злаковых по итогам 2024 г. в размере 67,71%.

Результат реализации всех трёх инструментов прогнозирования по отношению к пшенице, как наиболее значимой товарной позиции российского зернового экспорта, на прогнозный период до 2030 г. представлен на рисунке 41.

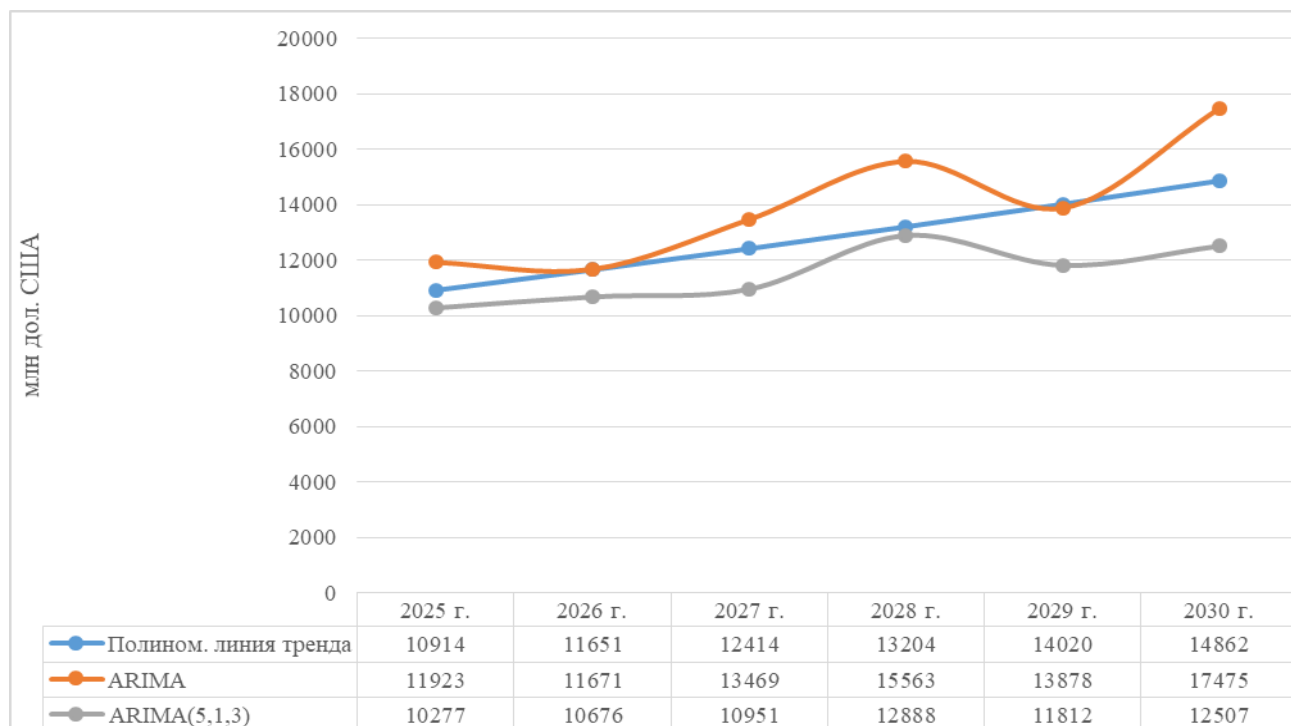

Рисунок 41 – Прогноз экспорта пшеницы из Российской Федерации на период до 2030 г., млн долл. США

В Microsoft Excel реализована возможность построения линейной, логарифмической, полиномиальной, степенной и экспоненциальной линий тренда (аппроксимации и сглаживания), а также линейной фильтрации (не применялось). Выбор осуществляется, ориентируясь на максимальное значение величины достоверности аппроксимации (R^2). Применительно к пшенице таковой выступила полиномиальная линия тренда (степень 2) со значением показателя в размере 0,86 и позволившая на основе следующего уравнения

$$Y = 13193,57 * x^2 + 169381,10 * x + 1539089,48 \text{ (тыс. долл. США)}$$

выполнить прогноз (результат получается в тыс. долл. США, которые в дальнейшем переведены в млн долл. США). Таким образом, в соответствии с линией тренда, имеющей наибольшую достоверность аппроксимации, к 2030 г. экспорт пшеницы из Российской Федерации достигнет значения 14862 млн долл. США, что на 71,54% больше фактического (в оценке Trade Map) значения российского экспорта пшеницы.

При прочих равных условиях значение R^2 , равное 0,86, можно считать приемлемым («хорошим»), однако ещё большую достоверность имеет модель ARIMA – коэффициент детерминации вырастает до 0,98, что является существенным улучшением качества прогнозной модели.

Прогноз по модели ARIMA реализован нами в программном комплексе Loginom, позиционирующем себя как «аналитическая low-code платформа, которая позволяет проводить анализ данных любого уровня сложности без программирования» [318]. Особенностью реализованного нами второго подхода к прогнозированию является использование автоматического определения структуры прогнозной модели ARIMAX (добавление X (eXtended) означает учёт ещё одной, внешней переменной, что на данном этапе нами не рассматривается).

Однако, автоматическое определение структуры модели ARIMAX, как показывает анализ, в т.ч. и прежде всего проведённый в настоящем исследовании, не всегда характеризуется получением максимально достоверных оценок, даже несмотря на существенное улучшение, рост значения коэффициента детерминации. Поэтому нами реализовано следующее последовательное улучшение – переход к модели ARIMA с ручным подбором, а точнее перебором параметров.

Впервые реализованная в 1970-х годах Джорджем Боксом и Гвилимом Дженкинсом модель ARIMA имеет в своей основе три составляющие:

- величина p , определяющая порядок авторегрессии;
- величина d , определяющая порядок интегрирования;
- параметр q , характеризующий порядок скользящего среднего.

На основе имеющихся данных по каждой зерновой культуре и по каждой

обозначенной выше стране нами в условиях единичного интегрирования (d) был осуществлён перебор всех возможных вариантов модели ARIMA изменением величины p от 0 до 5 и величины q также от 0 до 5. Поскольку анализ выполнен на малой выборке (<40), свидетельством улучшения модели выступило минимальное значение скорректированного критерия Акаике. Задача состоит в выборе модели с минимальным числом параметров, которые при этом объясняют наибольшую долю дисперсии ошибки.

Путём, как уже указывалось, перебора вариантов, нами установлено, что минимальное значение скорректированного информационного критерия Акаике фиксируется для модели ARIMA с параметрами (5,1,3). Оно равно 223,38 против 278,48 по модели ARIMA с автоматическим определением структуры. Иными словами, задача уточнения параметров прогнозной модели решена (в условиях диапазона проанализированных значений p и d).

Как следует из прогнозной динамики экспорта российской пшеницы, модель ARIMA(5,1,3) в целом повторяет направленность изменений равно как и по модели ARIMA с автоматическим определением структуры. Однако, более точный прогноз по модели ARIMA(5,1,3) является более консервативным по сравнению к обоим ранее реализованным прогнозам, поскольку к 2030 г. темп роста будет в этом случае равен 144,36% против 171,54% по полиномиальной линии тренда и 201,70% (в 2 раза) по модели ARIMA. В качестве свидетельства улучшения качества модели, а значит и построения более достоверного прогноза, можно упомянуть также и рост значения скорректированного коэффициента детерминации (отличается от исходного своего варианта введением так называемого штрафа, вводимого в модель при увеличении числа переменных) – если по модели ARIMA он составлял 0,89, то в модифицированной своей реализации он достигает 0,91.

Размер скользящего среднего (MA) является, как показало моделирование, важнейшим фактором увеличения надежности прогнозных расчётов. В ситуации с пшеницей, на основе имеющихся ретроспективных величин экспорта данной зерновой культуры, было установлено, что усреднение наиболее оправ-

дано в значении, равном 3. Это представляется достаточно важным, поскольку полученное значение не распространяется на другие культуры, требует проверки в части географических направлений экспорта. Так, при переходе к другой товарной позиции – ячменю – оптимальный набор параметров модели ARIMA уже другой (рисунок 42).

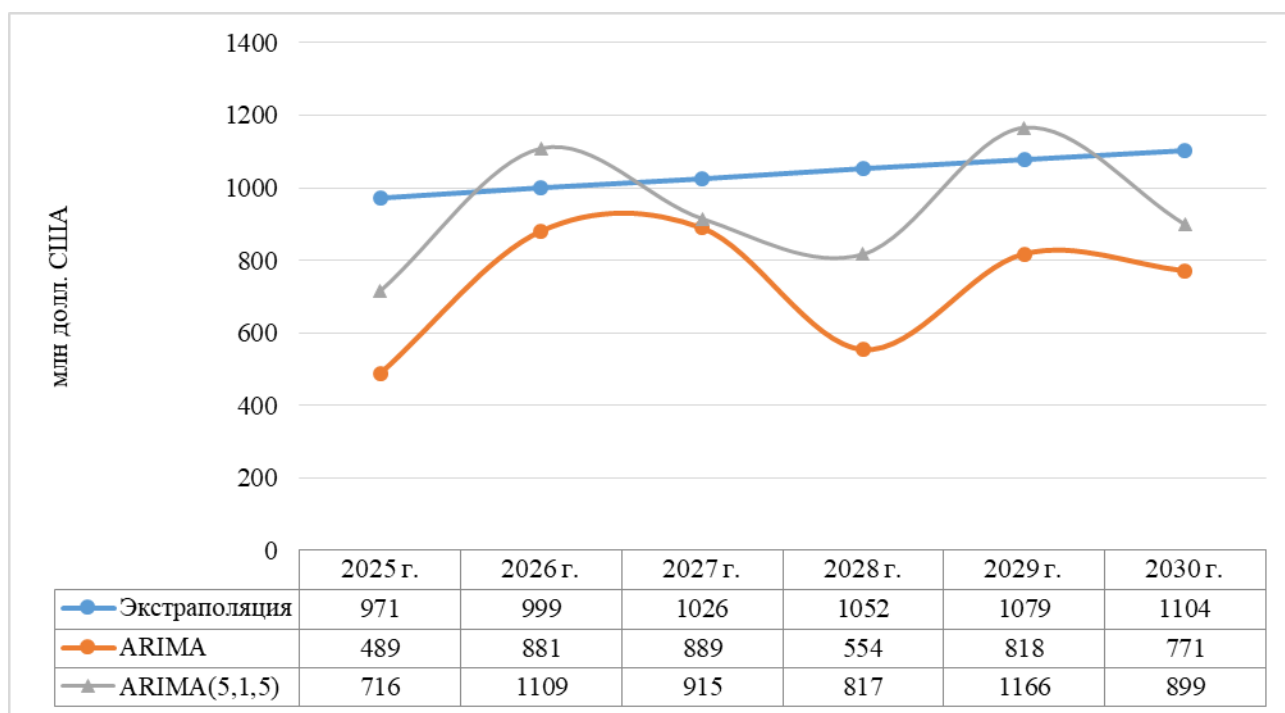

Рисунок 42 – Прогноз экспорта ячменя из Российской Федерации на период до 2030 г., млн долл. США

Наиболее простая, как представляется, реализация прогнозных расчётов – посредством подбора линии тренда с максимальным значением коэффициента достоверности аппроксимации выявила необходимость использования степенной функции вида

$$Y = 155352 * x^{0,602} \text{ (тыс. долл. США).}$$

Однако, необходимо принимать во внимание, что непосредственно значение коэффициента достоверности аппроксимации равно лишь 0,69, что не является характеристикой высокого качества модели.

Переход к модели ARIMA приводит не только к увеличению обозначенного показателя (с 0,69 до 0,91), но также, в отличие от трендовой линии,

наглядно демонстрирует важнейший, как нам видится, факт того, что рост экспорта ячменя (равно как и других культур, в другие страны) не будет являться однонаправленным, пусть даже и только в сторону увеличения, но будет иметь признаки цикличности (в соответствии с ретроспективными значениями), характеризуясь периодами как роста, так и сокращения.

В соответствии с моделью ARIMA, по итогам 2030 г. экспорт ячменя даже сократится, составив 88,77% от фактического значения за 2024 г., что вступает в противоречие с результатом прогноза по трендовой линии, где результат 2030 г. будет выше значения за 2024 г. на 27,15%.

Посредством вариативных расчётов в платформе Logiplot, а также использования Microsoft Excel, нами установлена возможность сокращения значения скорректированного информационного критерия Акаике (AICc) с 681,29 до 649,5. Это достигается при использовании модели ARIMA в параметрах (5,1,5). Обращаем внимание на то, что усреднение в целях установления «оптимального» прогноза потребовало уже смены так называемого «скользящего окна» - период усреднения принял значение 5 лет (а не 3 года как по пшенице), что свидетельствует об оправданности столь пристального внимания к обозначенному показателю.

Изучение динамики прогнозных значений экспорта из Российской Федерации ячменя позволяет рассчитывать, что по итогам 2030 г. экспорт названной культуры всё-таки увеличится – на 3,5% по отношению к 2024 г., а в отдельные периоды (2026, 2029 гг.) будет иметь даже более выраженную динамику роста, чем можно было бы ожидать в соответствии со степенной функцией тренда. Доля дисперсии зависимой переменной, объясняемая регрессионной модель в условиях пересмотра параметров модели ARIMA, вырастает с 0,87 до 0,89. При этом также необходимо отметить, что качество модели характеризуется не только непосредственным ростом значений коэффициентов детерминации (исходного и скорректированного), но и их близостью друг к другу (расхождение составляет 0,01).

Степенная функция тренда формально является более подходящей и при

прогнозе экспорта из Российской Федерации кукурузы. В условиях величины достоверности аппроксимации в размере 0,85, предлагаемое уравнение имеет следующий вид:

$$Y = 3693,4 * x^{1,9654} \text{ (тыс. долл. США).}$$

Оценка по модели ARIMA с автоматической определением структуры параметров модели, характеризуемая увеличением R^2 до 0,92, существенно более консервативна и вводит цикличность изменений (рисунок 43).

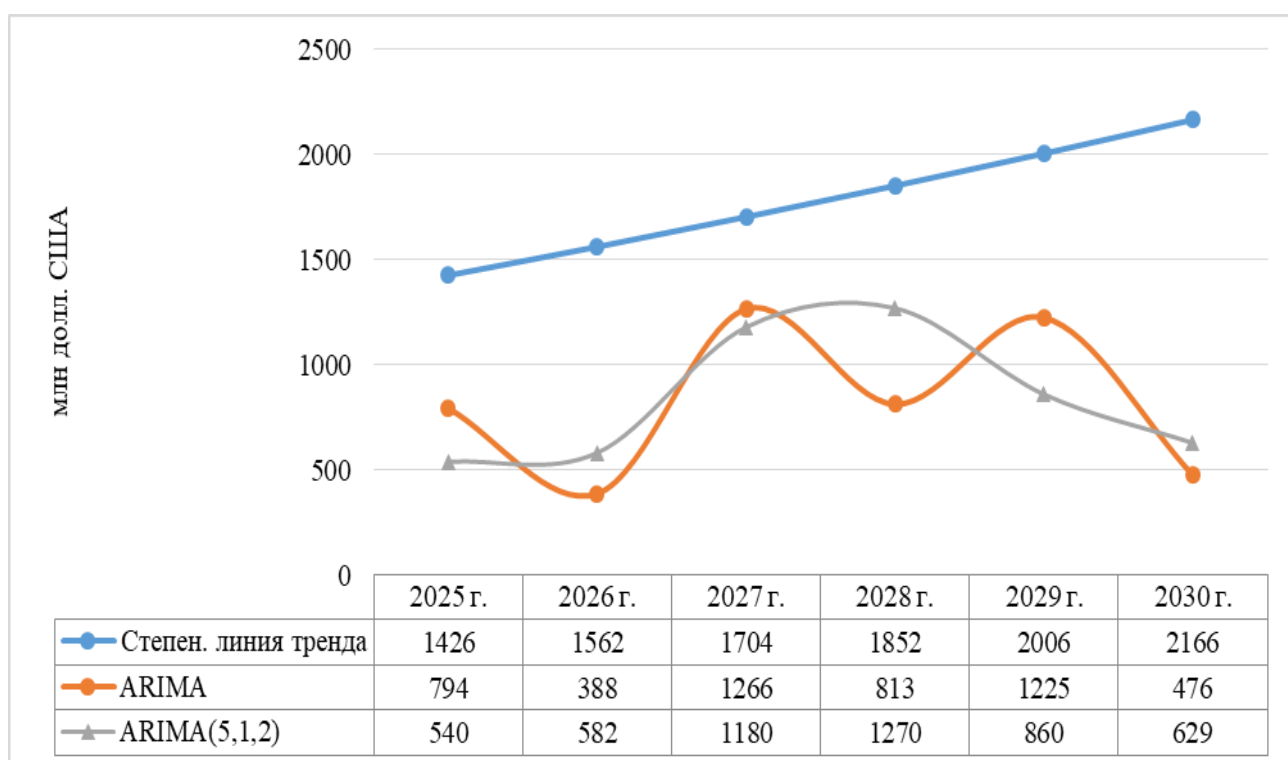

Рисунок 43 – Прогноз экспорта кукурузы из Российской Федерации на период до 2030 г., млн долл. США

Большая консервативность результатов модели ARIMA проявляется в том, что значение экспорта кукурузы в этом случае в 2030 г. составит лишь 89,20% от фактического значения за 2024 г., в то время как по трендовой линии рост составит более 4-х раз (405,93%).

Уточнение параметров модели ARIMA потребовало смены периода усреднения (периода скользящей средней d) до 2-х, обеспечив, однако, снижение значения скорректированного информационного критерия Акаике с

268,38 до 206,31, сопровождаясь при этом увеличением скорректированного коэффициента детерминации с 0,64 до 0,87.

В условиях разнонаправленных изменений, тем не менее, к 2030 г. с высокой вероятностью экспорт кукурузы из Российской Федерации будет иметь общую повышательную тенденцию, к концу прогнозного периода экспорт культуры может достигнуть по модели ARIMA(5,1,2) 629 млн долл. США, создав прирост 17,88%.

Прогнозные оценки экспорта продукции мукомольно-крупяной промышленности Российской Федерации, поставок за рубеж продуктов переработки зерна, в соответствии с тремя обозначенными подходами к прогнозированию представлены на рисунке 44.

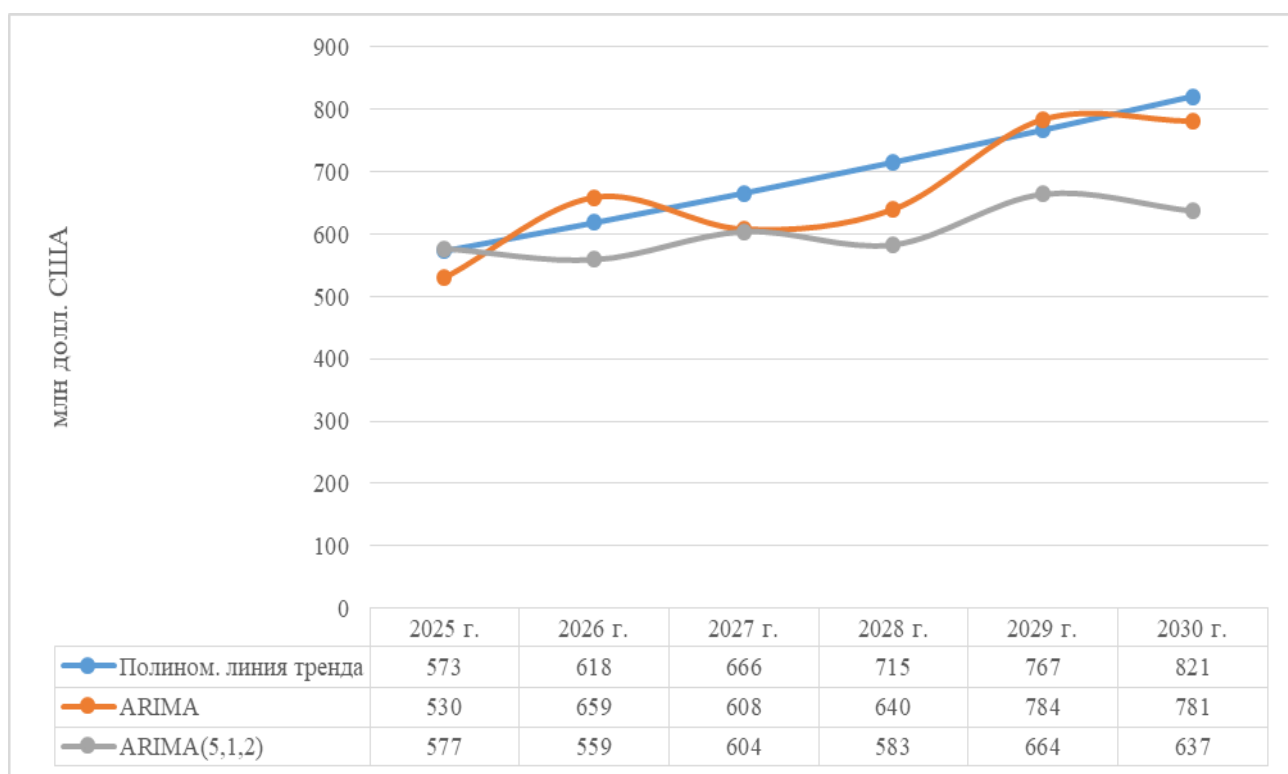

Рисунок 44 – Прогноз экспорта продукции мукомольно-крупяной промышленности из Российской Федерации на период до 2030 г., млн долл. США

Как и по пшенице, прогнозные значения экспорта продукции мукомольно-крупяной промышленности Российской Федерации характеризуются отно-

сительной близостью. Отметим, однако, что относительная близость прогнозных оценок как в ранее обозначенных расчётах, так и представленных далее, всё более ослабевает по мере удаления от текущего момента, что в целом закономерно, т.к. все последующие прогнозные расчёты во всё большей степени начинают базироваться на ранее выполненных прогнозах.

Уравнение регрессии, определяющее «поведение» величины экспорта продукции мукомольно-крупяной промышленности, сформировано в рамках полиномиальной линии тренда, характеризуется значением $R^2 = 0,76$ и имеет следующий вид:

$$Y = 1100,4 * x^2 - 2139,5 * x + 132853 \text{ (тыс. долл. США).}$$

Обозначенное значения коэффициента достоверности аппроксимации является невысоким, особенно на фоне достигаемого в рамках модели ARIMA значения, равного 0,97. Обозначенное изменение основы прогноза приводит к получению менее высоких значений темпа роста – с 193,68% (2030 г. к 2024 г.) по полиномиальной линии тренда до 184,22% по модели ARIMA.

Модельные расчёты, сводимые преимущественно к пересмотру периода усреднения, выявили, что надежность прогноза возрастает при параметрах модели ARIMA в соотношениях (5,1,2). Об этом свидетельствует, прежде всего, сокращение AICс с 260,84 до 193,9, а также рост скорректированного коэффициента детерминации с 0,88 до 0,93 (исходный коэффициент равен 0,97, т.е. имеет место близость значений).

В результате обозначенных преобразований, ожидание роста экспорта продукции мукомольно-крупяной промышленности, продолжает оставаться оправданным, но итоговый рост будет, в соответствии с моделью ARIMA(5,1,2) более сдержанным – в 1,5 раза (в стоимостном выражении).

В целом же, по результатам прогнозирования в разрезе товарных позиций, по мнению автора, является оправданным ожидание наращивания к 2030 г. экспортных поставок всех отобранных для рассмотрения зерновых культур. Наиболее надежные прогнозные оценки фиксируются по модели ARIMA для пшеницы и продукции мукомольно-крупяной промышленности – в размере 1,4

и 1,5 раза соответственно. Более сдержанный рост прогнозируется по кукурузе – на 18%. Экспортные поставки ячменя, как ожидается, сохранят достаточно высокую вариабельность своих значений, имея, тем не менее, общую повышательную тенденцию (таблица 38).

Таблица 38 – Сводная таблица прогнозных значений экспорта зерновых из Российской Федерации по основным товарным наименованиям, млн долл. США

Наименование	2025 г.	2026 г.	2027 г.	2028 г.	2029 г.	2030 г.	Темп роста (2030/2024), %
Пшеница							
Полином. линия тренда	10914	11651	12414	13204	14020	14862	171,54
ARIMA	11923	11671	13469	15563	13878	17475	201,70
ARIMA(5,1,3)	10277	10676	10951	12888	11812	12507	144,36
Ячмень							
Степен. функция тренда	971	999	1026	1052	1079	1104	127,15
ARIMA	489	881	889	554	818	771	88,77
ARIMA(5,1,5)	716	1109	915	817	1166	899	103,50
Кукуруза							
Степен. линия тренда	1426	1562	1704	1852	2006	2166	405,93
ARIMA	794	388	1266	813	1225	476	89,20
ARIMA(5,1,2)	540	582	1180	1270	860	629	117,88
Продукция мукомольно-крупяной промышленности							
Полином. линия тренда	573	618	666	715	767	821	193,68
ARIMA	530	659	608	640	784	781	184,22
ARIMA(5,1,2)	577	559	604	583	664	637	150,25

Сохраняя неизменной последовательность применения подходов к прогнозированию (тренды, ARIMA с автоматическим определением структуры, ARIMA с пересмотром значений составляющих), перейдем от прогноза по товарным наименованиям к прогнозу по географическим направлениям (странам) российского экспорта зерновых.

Чем дальше горизонт прогноза, тем более значительными становятся расхождения прогнозных оценок российского зернового экспорта в Египет (рисунок 45).

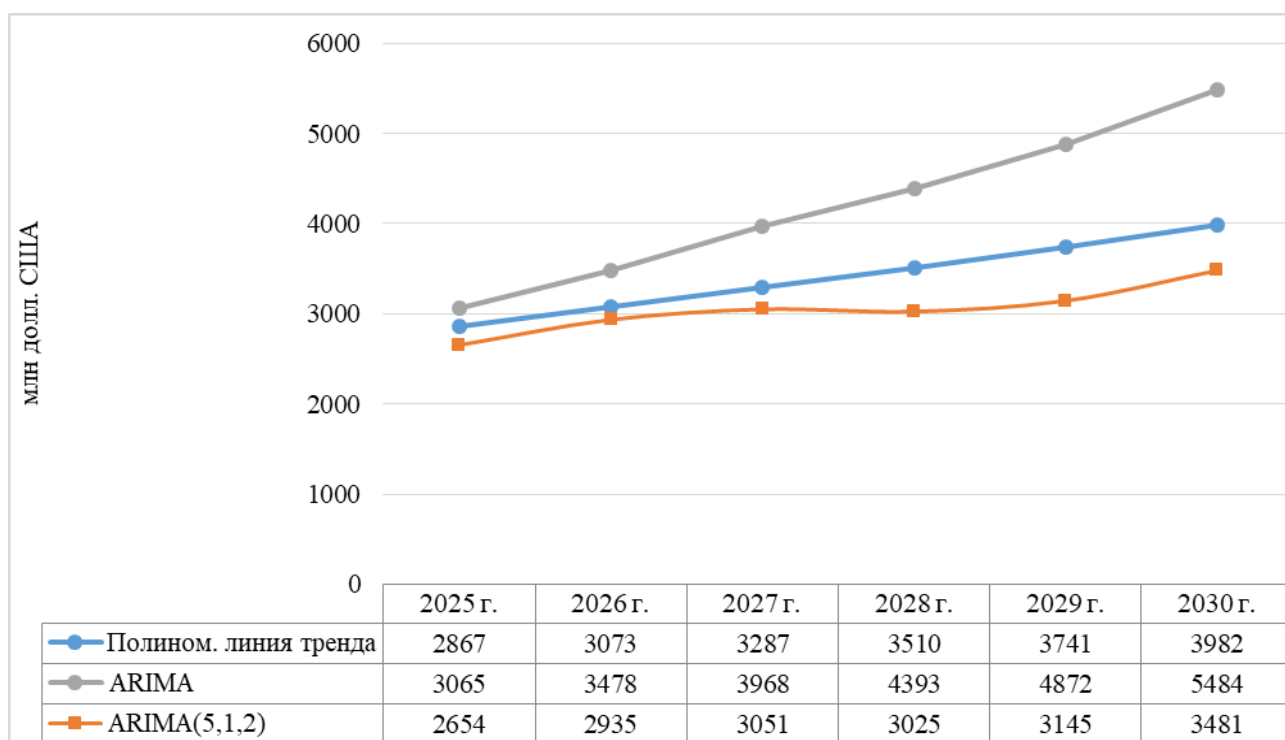

Рисунок 45 – Прогноз экспорта зерновых из Российской Федерации в Египет на период до 2030 г., млн долл. США

Полиномиальная линия тренда – наиболее достоверная по величине достоверности аппроксимации ($R^2 = 0,82$) в целях прогнозирования экспорта зерновых в Египет:

$$Y = 4359,8 * x^2 + 17903 * x + 568827, \text{ (тыс. долл. США).}$$

Модель ARIMA, как и по всех предыдущих и последующих реализациях, имеет более высокую достоверность ($R^2 = 0,96$), что позволяет рассчитывать на увеличение экспортных поставок зерновых в обозначенную страну к 2030 г. на 79,26% против 30,14% по полиномиальной линии.

Реализованная в условиях более короткого усреднения (2 года) модифицированная модель ARIMA характеризуется расцениваемым положительно сокращением критерия Акаике с 272,23 до 211,54, роста коэффициента детерминации до 0,97, а также его скорректированного варианта с 0,79 до 0,91, что позволяет считать модификацию оправданной, а прогноз – (ещё) более достоверным. Ценой более высокой достоверности выступают, однако, более скромные оценки прироста экспорта зерновых в эту страну – до значения 3481 млн долл. США, т.е. на 13,78%.

Разброс прогнозных значений по экспорту зерновых из Российской Федерации в Турцию можно оценить по данным рисунка 46.

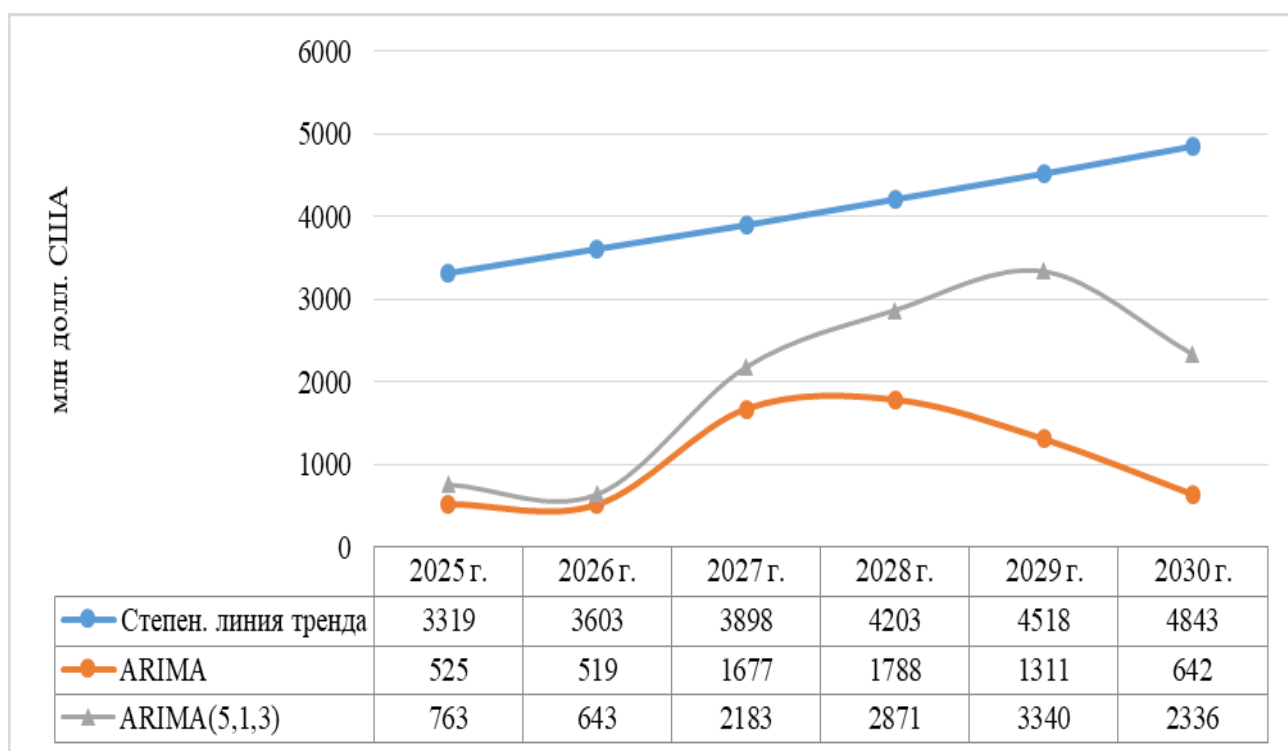

Рисунок 46 – Прогноз экспорта зерновых из Российской Федерации в Турцию на период до 2030 г., млн долл. США

Ключевым отличием прогноза по модели ARIMA и её модифицированной части от прогноза по степенной линии тренда ($R^2 = 0,85$),

$$Y = 15162 * x^{1,7699}, \text{ (тыс. долл. США),}$$

по мнению автора, является визуальное указание на разнородность тенденций, а не однонаправленный рост. С позиции статистической оценки более важным является увеличение коэффициента достоверности аппроксимации с 0,85 до 0,9 при переходе от тренда к модели ARIMA и до 0,91 – к модифицированной её версии, сокращение критерия Акаике с 274,34 до 215,43, а также значения коэффициента детерминации в 0,55 и 0,78 по модели ARIMA и её скорректированной версии.

Все обозначенные последовательные уточнения прогнозных допущений и процедур привели к существенной вариабельности итоговых значений: если по

степенной линии тренда экспорт зерновых в Турцию в 2030 г. достигнет 4843 млн долл. США (332,87% к 2024 г.), то по исходной модели ARIMA – сократится до 642 млн долл. США (44,13%), а её модифицированной части – увеличится до 2336 млн долл. США, создав прирост в 60,56%.

По причине отмеченной выше выраженной разнородности динамики значительные сложности возникают в процессе средне- и, тем более, долгосрочного прогнозирования экспорта зерновых в Саудовскую Аравию (рисунок 47).

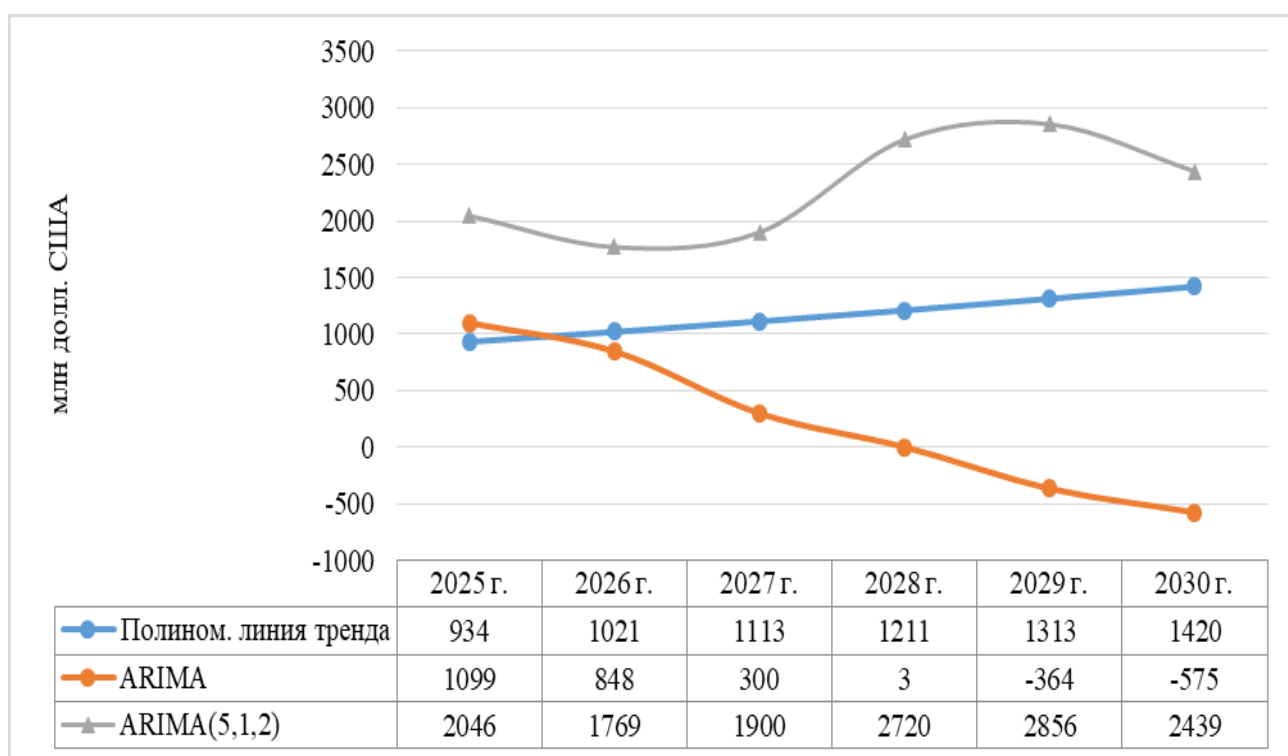

Рисунок 47 – Прогноз экспорта зерновых из Российской Федерации в Саудовскую Аравию на период до 2030 г., млн долл. США

В первую очередь, необходимо отметить, что сформированное для прогноза уравнение, получившее следующий вид

$$Y = 2513,3 * x^2 - 20760 * x + 261240, \text{ (тыс. долл. США),}$$

имеет значение достоверности аппроксимации 0,46, т.е. фактически является непригодным, а прогноз будет являться недостоверным.

Переход к модели ARIMA увеличивает R^2 до 0,86, что также не является свидетельством хорошей описательной способности модели. В этих условиях

ставится под сомнение получение отрицательных значений результирующего показателя в 2029-2030 гг.

Модификация модели ARIMA с выбором параметров (5,1,2) позволяет снизить значение параметра ошибки Акаике с 268,9 до 201,72, сопровождаясь ростом коэффициента детерминации до 0,95, его скорректированного варианта – с 0,35 до 0,88.

Тогда, по итогам 2030 г. прогноз экспорта зерновых в Саудовскую Аравию принимает значение 2439 млн долл. США, создавая даже в своём нисходящем движении (см. 2029-2030 гг.) темп роста 226,50% (по отношению к 2024 г.).

Ситуация с Саудовской Аравией является наглядным, но вполне закономерным свидетельством возникновения существенных затруднений в процессе планирования и прогнозирования в случае, если наличествует существенный разброс фактических ретроспективных значений.

Среди шести стран, включенных нами в выборку, наличествует страна, экспорт в которую характеризуется даже экспоненциальным ростом. Таковой страной является Кения. Линия тренда, описывающая динамику экспорта зерновых в эту страну, приняла следующий вид:

$$Y = 30849 * e^{0,1167x}.$$

Однако, величина достоверности аппроксимации сложилась в величине лишь 0,73, что свидетельствует о невысокой величине достоверности аппроксимации и требует дополнения прогноза посредством другого инструментария (рисунок 48).

Переход от прогнозирования на основе экспоненциальной линии тренда к прогнозированию на основе модели ARIMA сокращает ожидаемый по итогам 2030 г. темп роста с 127,02% (до 643 млн долл. США) до 80,60% (до 408 млн долл. США), сопровождаясь, однако, при этом ростом коэффициента детерминации до 0,95, т.е. формально большей надежностью прогноза. Но ещё большую надежность получаемых прогнозных оценок мы можем получить, реализовав модель ARIMA в параметрах краткосрочного усреднения – (5,1,2), о чём

свидетельствует выбранный целевым для этих целей критерий Акаике – его значение сократилось с 260,35 до 190,72, сопровождаясь ростом коэффициента детерминации до 0,97, скорректированного коэффициента детерминации – с 0,74 до 0,91.

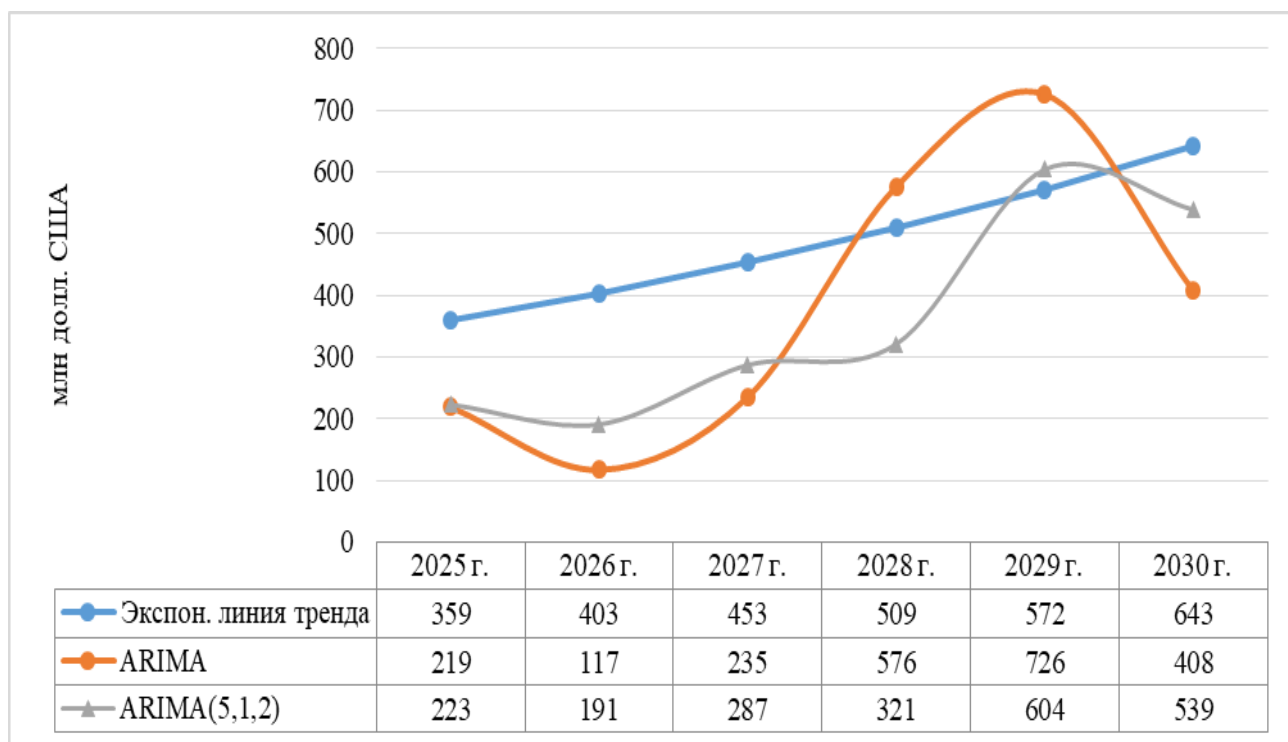

Рисунок 48 – Прогноз экспорта зерновых из Российской Федерации в Кению на период до 2030 г., млн долл. США

Тогда оценка перспектив наращивания экспорта зерновых в Кению оценивается на 2030 г. в размере 539 млн долл. США, обеспечив рост в размере 106,48%, фактически являясь неким компромиссом между, вероятно, неоправданным оптимизмом экспоненциального роста, и чрезмерно негативными ожиданиями по модели ARIMA.

Прогноз экспорта в Китай представляет для нас особый интерес, поскольку данное направление определено нами как наиболее перспективное. Однако, закономерным является появление ряда вопросов, в частности: «А не прошёл ли период бурного роста? Не исчерпал ли себя имевшийся в ретроспективе резкий рост?». Сформированная для поиска ответов на эти вопросы полиномиаль-

ная линия тренда характеризуется невысокой объясняющей способностью ($R^2 = 0,75$):

$$Y = 2135,7 * x^2 - 31888 * x + 82608, \text{ (тыс. долл. США).}$$

Этим и определяется существенное расхождение с прогнозными оценками по исходной и модифицированной в параметрах (5,1,2) моделям ARIMA (рисунок 49).

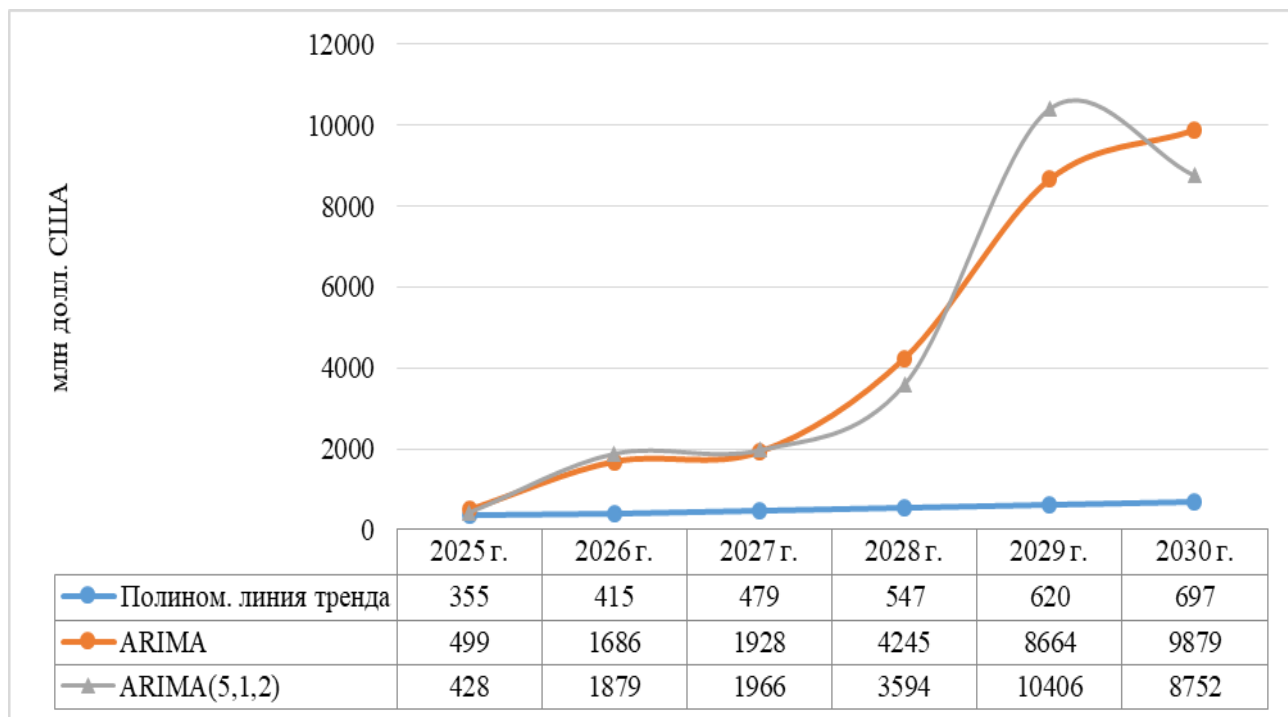

Рисунок 49 – Прогноз экспорта зерновых из Российской Федерации в Китай на период до 2030 г., млн долл. США

В очередной раз обратим внимание на существенную близость получаемых прогнозных величин в краткосрочной перспективе 2025-2027 гг. и постепенно усиливающееся расхождение в 2028-2030 гг. Прогноз по скорректированной автором модели ARIMA также закладывает существенный рост, как и её базовая (с автоматической структурой) реализация. Однако, темп роста, тем не менее, сокращается. Целесообразность изменения параметров модели ARIMA подтверждается сокращением более чем в 2 раза значения скорректированного информационного критерия Акаике – с 383,8 до 174,87.

Таким образом, выдвинутая нами ранее гипотеза о наибольшей сравни-

тельной перспективности китайского рынка находит ещё одно своё формализованное подтверждение (в дополнение к наибольшим значениям темпов роста по фактическим и усреднённым оценкам экспорта зерновых в эту страну).

Заключительной страной из состава включенных в выборку является Казахстан, прогноз экспорта зерна в который также оказался сопряжённым с рядом научно-практических затруднений (рисунок 50).

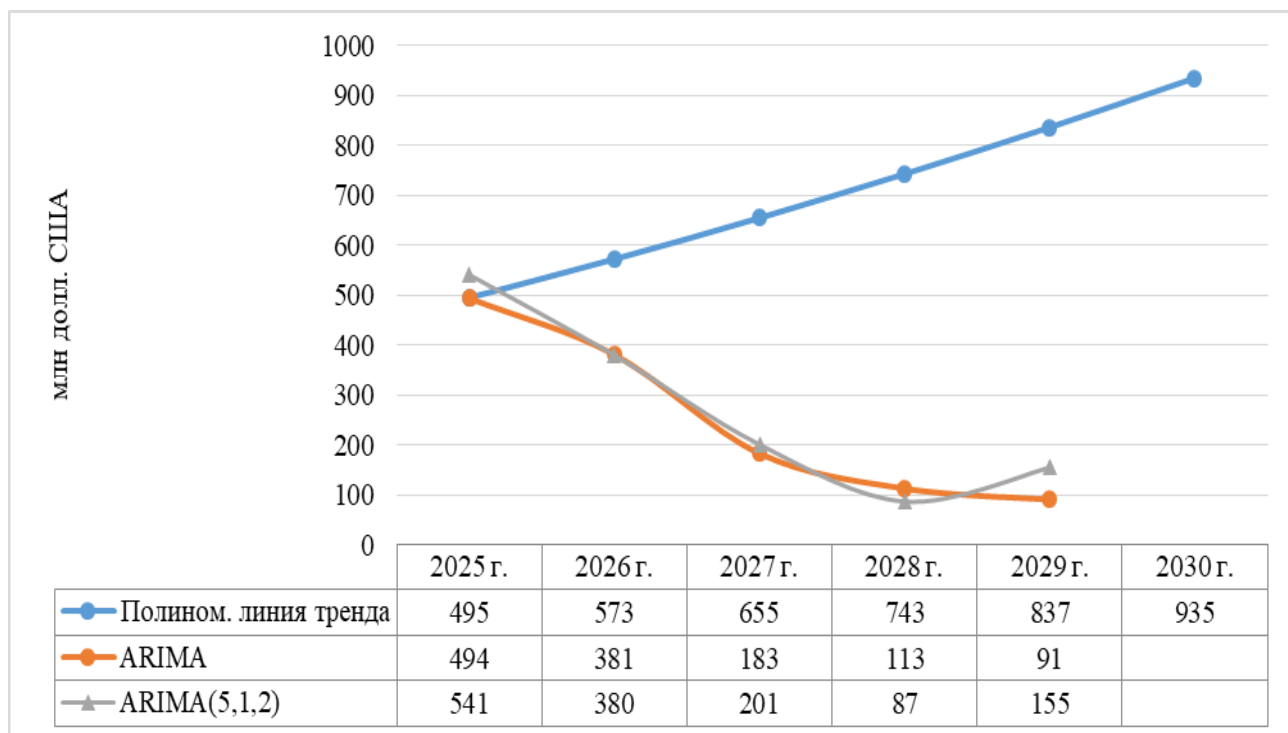

Рисунок 50 – Прогноз экспорта зерновых из Российской Федерации в Казахстан на период до 2029-2030 гг., млн долл. США

С одной стороны, необходимо отметить, что прогноз экспорта зерновых в обозначенную страну, реализуемый через соответствующее уравнение полиномиальной линии тренда

$$Y = 2682 * x^2 - 38025 * x + 111113, \text{ (тыс. долл. США),}$$

обладает наибольшей величиной достоверности аппроксимации – 0,87 (87,39%), что позволило нам осуществить прогноз экспорта зерновых в Казахстан на период до 2030 г., по прошествии которого исследуемый показатель, как ожидается, достигнет значения в 935 млн долл. США (темп роста к 2024 г. равен 220,84%).

Однако, с другой стороны, «обучение» модели ARIMA по ретроспективной динамике привело к тому, что в краткосрочной перспективе поставки в данную страну могут существенно сократиться и дойти до значений довоенного периода (см. главу 3).

«Преломления» негативной динамики можно ожидать в 2029 г. при использовании модифицированной в параметрах (5,1,2) модели ARIMA, что, вместе с тем, всё равно не преодолевает формальный выход даже на отрицательные значения в 2030 г. Как таковой выход на отрицательные значения не является свидетельством непригодности модели ARIMA и её модификации (скорректированный информационный критерий Акаике снизился с 382,87 до 177,87), поскольку свидетельствует скорее о том, что модель и её модификация являются инструментами всё-таки кратко- и, максимум, среднесрочного прогнозирования. В случае же с Казахстаном горизонт прогноза является целесообразным ограничить периодом в 5 лет (до 2029 г.).

Следует принимать во внимание, что реализованные на различной методической основе прогнозы являются важнейшими, целевыми ориентирами, но не догмами и требуют периодической, как минимум, ежегодной актуализации, что за счёт увеличения так называемого «периода обучения» модели, позволит существенно улучшить её качество.

Завершая блок прогнозно-аналитических процедур, посвященный географическим (страновым) направлениям российского экспорта зерновых (таблица 39), отметим, что можно ожидать сдержанный рост последнего в такие страны, как Египет, Кения и Турция (113,78%, 106,48% и 160,46% соответственно), наиболее выраженный – в Китай (более чем в 20 раз). Нестабильность динамики экспортных поставок в Саудовскую Аравию, Казахстан, а также Турцию, вынуждает сокращать горизонт прогноза до средне- (не более 5 лет) и краткосрочного, что, однако, несмотря на предъявляемые к нам дополнительные требования в части постоянной актуализации прогнозно-аналитических процедур, не мешает высказать оценочное суждение о преимущественно повышательной общей тенденции экспорта зерновых в обозначенные страны.

Таблица 39 – Сводная таблица прогнозных значений экспорта зерновых из РФ по основным направлениям, млн долл. США

Наименование	2025 г.	2026 г.	2027 г.	2028 г.	2029 г.	2030 г.	Темп роста (2030/2024), %
Египет							
Полином. линия тренда	2867	3073	3287	3510	3741	3982	130,14
ARIMA	3065	3478	3968	4393	4872	5484	179,26
ARIMA(5,1,2)	2654	2935	3051	3025	3145	3481	113,78
Турция							
Степен. линия тренда	3319	3603	3898	4203	4518	4843	332,87
ARIMA	525	519	1677	1788	1311	642	44,13
ARIMA(5,1,3)	763	643	2183	2871	3340	2336	160,56
Сауд. Аравия							
Полином. линия тренда	934	1021	1113	1211	1313	1420	131,91
ARIMA	1099	848	300	3	-364	-575	-53,40
ARIMA(5,1,2)	2046	1769	1900	2720	2856	2439	226,50
Кения							
Экспон. линия тренда	359	403	453	509	572	643	127,02
ARIMA	219	117	235	576	726	408	80,60
ARIMA(5,1,2)	223	191	287	321	604	539	106,48
Китай							
Полином. линия тренда	355	415	479	547	620	697	160,60
ARIMA	499	1686	1928	4245	8664	9879	2275,50
ARIMA(5,1,2)	428	1879	1966	3594	10406	8752	2015,91
Казахстан							
Полином. линия тренда	495	573	655	743	837	935	220,84
ARIMA	494	381	183	113	91	-	-
ARIMA(5,1,2)	541	380	201	87	155	-	-

По результатам проведённого исследования можно констатировать, что Российская Федерация в целом и её регионы – в частности продолжают обладать возможностями для наращивания экспорта зерна и зернопродуктов. Возникшие геополитические обстоятельства предъявляют дополнительные требования к организации экспортных поставок, финансированию зернового производства и переработки, определению перспективных товарных наименований и географических направлений экспорта. Представленные в настоящем исследовании научные положения и практические рекомендации позволяют создать значимые предпосылки для расширения экспорта зерна и зернопродуктов, сформировать дополнительный импульс к развитию зернопродуктового подкомплекса страны и её регионов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Экспорт зерна из регионов определяется наличием профицита, но корректируется на ряд выявленных соискателем отношений, имеющих как нормативное закрепление, так и диктуемых рядом требований продовольственной безопасности. В частности, экспортные продажи зависят от максимальной полноты выборки квоты региональными экспортёрами в предшествующем периоде, соотношения выделенной квоты и возникшего в регионе профицита зерна. Требования продовольственной безопасности и задачи расширения экспортных продаж могут войти в противоречие, т.к. экспорт зависим не только от показателей производства зерна в текущем сельскохозяйственном году, но и от величины ранее сформированных запасов. В то же время усиление продовольственной безопасности в статике требует в ряде случаев увеличения мощностей хранения, которые в Российской Федерации и её регионах характеризуются как недостаточные. При этом строительство новых мощностей единовременного хранения зерна преследует не только цели наращивания продовольственной безопасности, создавая давление на продажи зерна за рубеж, но и имеет положительное влияние, т.к. позволяет переждать периоды неблагоприятной ценовой конъюнктуры на мировых рынках. В соответствии с разработанной моделью величины регионального экспорта зерна результирующий показатель также должен соотноситься со степенью профицитности региона, обеспеченностью потребления фактическими, ранее созданными запасами.

2. Экспорт зерна и зернопродуктов необходимо рассматривать не только со стороны предложения, но также и спроса. При этом следует различать спрос на зерно и зернопродукты низких переделов, а также спрос на зернопродукты высоких переделов, глубокой переработки зерна. В первом случае оправданным является выявление «пересекающегося» спроса по графику соотношения качества зерновой продукции и среднедушевого импорта, во втором – качества зернопродуктов и среднедушевого дохода. Форма связи в каждом случае различна: в первом случае целевая функция имеет вогнутый характер, отражая факт сни-

жения качества экспортируемой продукции по мере наращивания значения показателя импорта в расчёте на одного человека, во втором – выпуклый, но постепенно затухающий характер, свидетельствуя о факте роста качества экспортируемого зерна по мере роста среднедушевого дохода.

3. В соответствии со стандартным расчётом эффективности государственной поддержки экспорта продукции АПК, последняя генерировала в 2019-2023 гг. от минимальных 44 руб. (2022 г.) до максимальных 74 руб. (2020-2021 гг.) экспортных продаж. Однако учёт отсроченного, отложенного эффекта государственной поддержки аграрного экспорта не только существенно корректирует полученные значения, но и по-иному характеризует ретроспективную динамику (2020-2021, 2023 гг.). Установлено, что значимая часть экспортных поставок отечественной продукции АПК определяется государственной поддержкой не только текущего (t) и предшествующего годов ($t-1$), но и более ранних периодов ($t-2$ и ранее).

4. Региональный экспорт зерна и зернопродуктов определяется, прежде всего, наличием профицита, т.е. превышением производства зерна над его потреблением. Соответственно, для определения возможностей экспортных поставок зерна и зернопродуктов может быть применена граница производственных возможностей. Введение квотирования экспортных поставок зерна существенным образом корректирует форму кривой производственных возможностей, т.к. устанавливается верхняя граница («потолок») экспорта, а сама кривая характеризуется смещением вправо по оси абсцисс, сдвигом в пользу экспорта зернопродуктов, ограничиваясь, в то же время, ресурсным потенциалом региона. Выход за границы производственных возможностей экспорта зерна и зернопродуктов остаётся, тем не менее, возможным за счёт маневрирования ранее сформированными остатками зерна и зернопродуктов.

5. Сопоставление на графике производственных возможностей площадей зоны «неэффективности» и зоны дополнительного производства и экспорта зернопродуктов иллюстрирует различия в величине формируемой в каждом случае экспортной выручки, но не прибыли. Принимая последнюю как целевой

максимизируемый результат, сопоставление вариантов следует осуществлять на основе расчёта соответствующего финансового результата, получаемого через произведение экспортной выручки на рентабельность продаж.

6. Искажающее посредством квотирования экспорта зерна воздействие государства столь же искажающим образом отражается на оценке потерь выпуска и экспорта зерна или зернопродуктов при переходе от одного варианта к другому: потери выпуска и экспорта зерна при выпуске и экспорте дополнительной единицы зернопродуктов занижаются, потери выпуска и экспорта зернопродуктов при выпуске и экспорте дополнительной единицы зерна, напротив, завышаются.

7. Эффективность экспорта для государства предлагается оценивать по соотношению добавленной стоимости к сумме материальных затрат. Формирование факторных моделей позволяет нам считать, что результирующий показатель может являться функцией, во-первых, рентабельности экспорта по добавленной стоимости (отношение добавленной стоимости к экспорту); во-вторых, произведения рентабельности экспорта на оборачиваемость активов в процессе экспортных операций, мультипликатор задействованного собственного капитала и покрытие последним сопутствующих материальных затрат; в-третьих, от рентабельности экспорта, доли экспортируемого зерна в валовом сборе, фондоотдачи и покрытия основными средствами материальных затрат.

8. Деятельность сельскохозяйственных организаций отличается высокой закредитованностью, доля собственного капитала составляет лишь 48%. В этих условиях актуальным становится расширение возможностей финансирования зерновых экспортёров. Одной из таких возможностей является выход на IPO, позволяющий привлечь акционерное, а не заёмное финансирование. Существенным сдерживающим фактором является высокая стоимость данного источника, неподсильная большому числу мелких и средних производителей зерна. Государственная поддержка выхода экспортёров зерна на фондовый рынок позволяет сократить риски чрезмерной финансовой зависимости. Государство, в лице АО «Росэксимбанк» может оказывать поддержку экспортёрам, выкупив

у организатора опциона его акции, тем самым стабилизировав их курс. При этом государственная поддержка в этом случае может иметь возвратный характер, т.к. выкупленные акции в дальнейшем могут быть проданы, в т.ч. исходным акционерам. Текущие собственники зерновых организаций в этом случае могут получить существенный импульс к расширению своей деятельности, а государство – не только оказать поддержку, но и иметь возвратный денежный поток.

9. Привлекательность анализируемого географического (странового) направления экспорта зерновых оценивается по его размерам, а также перспективе роста. Установлено, что рост экспорта зерновых в Египет, Турцию, Саудовскую Аравию во многом замедлился, хотя ожидается и в перспективе. В результате рассмотрения как долго-, так и краткосрочных тенденций, по простым и экспоненциальным скользящим средним, нами высказывается точка зрения, что экспорт зерновых в Китай, несмотря на и без того существенный рост в ретроспективе, будет являться наиболее перспективным по критерию темпов роста.

10. Стратегия развития экспорта в Китай, а также в целом страны Азии и Африки, требует реализации ряда первоочередных мер, среди которых следует выделить: создание маркетинговой стратегии, проведение официальных презентаций, открытие представительства Новосибирской области, разработка специализированных сервисов и др. В институциональном отношении это потребует участия «Центра поддержки экспорта Новосибирской области», «Корпорации развития Новосибирской области», а также представительства АО «Российский экспортный центр» в Китайской Народной Республике.

11. Прогноз по модели ARIMA с пересмотром её параметров в части, прежде всего, величины скользящего среднего, обладает наибольшей достоверностью. К 2030 г. ожидается, что экспорт пшеницы достигнет, согласно ARIMA(5,1,3), 12507 млн долл. США, что выше значения за 2024 г. на 44,36%. Прогнозное значение темпа роста экспорта ячменя к 2030 г., в оценке согласно ARIMA(5,1,5), существенно ниже, характеризуясь увеличением лишь на 3,5%

(до 899 млн долл. США). Усреднение по двухлетнему периоду являлось наиболее оправданным для прогноза экспорта кукурузы и продукции мукомольно-крупяной промышленности. В первом случае ожидаемый прирост составит 17,88% (до 629 млн долл. США), но во втором уже на 50,25% (до 637 млн долл. США). Обозначенные прогнозные изменения приведут, как ожидается, к тому, что по итогам 2030 г. экспорт продуктов переработки зерна (продукции мукомольно-крупяной промышленности) впервые превысит экспорт кукурузы, а основной товарной позицией по-прежнему останется пшеница.

12. Вариативные расчёты в рамках более достоверной, чем по линиям тренда, модели ARIMA дают основание предполагать, что по итогам 2030 г. экспорт зерна в Египет достигнет 3481 млн долл., составив 113,78% от фактического значения 2024 г. Более существенный общий рост ожидается по Турции, экспорт в которую в 2030 г. составит 2336 млн долл. США (160,56%). Более чем в 2 раза (темп роста 226,50%) прогнозируется рост зернового экспорта в Саудовскую Аравию. Характерный для краткосрочной ретроспективы резкий рост зернового экспорта в Кению, как предполагается, прекратится: к 2030 г. значение показателя увеличится до 539 млн долл. США, т.е. только на 6,48%. Обратный вывод характерен для Китая, экспорт зерновой продукции в который может достигнуть к 2030 г. значения в 8752 млн долл. США (рост до 20 раз). Наблюдавшееся в 2021-2023 гг. увеличение зернового экспорта в Казахстан сменилось по итогам 2024 г. сокращением показателя, и данная тенденция продолжится, как ожидается, и в краткосрочной перспективе (до 155 млн долл. США в 2029 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапкин А.М. К вопросу о проблеме эффективности экспорта и импорта зерна в ЕАЭС / А.М. Агапкин // Товаровед продовольственных товаров. – 2023. – № 2. – С. 108-113.
2. Агапкин А.М. К вопросу о состоянии российского зернового рынка / А.М. Агапкин, И.А. Махотина // Международная торговля и торговая политика. – 2021. – Т. 7, № 3 (27). – С. 133-148.
3. Агапкин А.М. Проблемы эффективности экспорта и импорта зерна в ЕАЭС / А.М. Агапкин // Траектории технологического развития. – 2022. – Т. 1, № 4 (4). – С. 12-18.
4. Аграрный экспорт регионов России. 2020 г. – М.: Агроэкспорт, 2021. – 35 с.
5. Аграрный экспорт регионов России. 2021 г. – М.: Агроэкспорт, 2022. – 30 с.
6. Аграрный экспорт регионов России. 2022 г. – М.: Агроэкспорт, 2023. – 29 с.
7. Аграрный экспорт регионов России. 2023 г. – М.: Агроэкспорт, 2024. – 30 с.
8. Аграрный экспорт регионов России. 2024 г. – М.: Агроэкспорт, 2025. – 30 с.
9. Азжевурова М.В. Российский экспорт зерна: состояние и возможности его увеличения / М.В. Азжевурова, В.А. Солопов // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. – 2022. – № 2 (69). – С. 211-216.
10. Алещенко В.В. Инфраструктура экспорта зерна регионов Сибири / В.В. Алещенко, О.А. Алещенко, А.Н. Шендалев, А.Н. Ларин // ЭКО. – 2021. – № 8 (566). – С. 81-103.
11. Алтухов А.И. Инфраструктурное и логистическое обеспечение экспортных поставок российского зерна: состояние и перспективы развития / А.И. Алтухов, А.М. Рахманов // Экономика сельского хозяйства России. – 2022. – №

5. – С. 62-71.

12. Алтухов А.И. К вопросу определения экспортных пошлин на российское зерно / А.И. Алтухов, Е.И. Семёнова // Экономика сельского хозяйства России. – 2022. – № 2. – С. 2-7.

13. Алтухов А.И. Основные этапы и особенности транспортно-логистических цепочек экспорта российского зерна / А.И. Алтухов, А.М. Рахманов // Экономика сельского хозяйства России. – 2022. – № 10. – С. 110-121.

14. Алтухов А.И. Пространственное развитие зернового хозяйства России: монография / А.И. Алтухов. – М.: ООО «Сам себе полиграфист», 2022. – 880 с.

15. Алтухов А.И. Развитию российского экспорта зерна необходима экспортная политика / А.И. Алтухов // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2021. – № 5 (74). – С. 29-40.

16. Алтухов А.И. Экспорт российского зерна в контексте обеспечения стабильных потребностей внутреннего рынка / А.И. Алтухов, А.М. Рахманов // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2022. – № 12 (94). – С. 9-18.

17. Алфёрова Л.А. Экономическая теория. – Томск: ТУСУР, 1999. – 108 с.

18. Анискин А.А. Российские транспортные коридоры экспорта зерна на мировые рынки: проблемы и перспективы / А.А. Анискин // Фундаментальные и прикладные вопросы транспорта. – 2025. – № 1 (16). – С. 17-24.

19. Анистратова А.В. Производство и экспорт зерна как ключевая составляющая мировой продовольственной безопасности / А.В. Анистратова, Д.В. Бурдель, Н.Х. Мамедова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 10-1 (104). – С. 9-12.

20. АО «Новосибирскхлебопродукт» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aonhp.ru> (дата обращения: 25.11.2024).

21. Арасланов Р.Р. Ретроспективный анализ производственной структуры зернового хозяйства / Р.Р. Арасланов // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2021. – № 2 (71). – С. 47-59.

22. Аржанцев С.А. Экономические предпосылки к созданию межгосудар-

ственного кластера по глубокой переработке зерна: организационные проблемы и перспективы развития / С.А. Аржанцев, В.И. Нечаев, П.В. Михайлушкин, Т.Г. Бондаренко // Экономика сельского хозяйства России. – 2022. – № 2. – С. 36-46.

23. Артамонова И.С. Россия на мировом рынке зерна: роль и перспективы / И.С. Артамонова, Е.А. Казазян, Е.В. Худа // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – № 5-1 (87). – С. 49-52.

24. Афанасьева И.И. Государственное регулирование процесса транснационализации экспортоориентированной зернопродуктовой сферы региона (на примере Ростовской области): монография / И.И. Афанасьева; под науч. ред. д.э.н., проф. А.У. Альбекова; Рост. гос. экон. ун-т «РИНХ». – Ростов н/Д, 2008. – 128 с.

25. Афанасьева И.И. Направления расширения экспортного потенциала национальной экономической системы в условиях глобализации: монография / И.И. Афанасьева, Ф.А. Гадойбоев. – М.: Издательство «ПЕРО», 2017. – 176 с.

26. Ахмадулина Т.В. Перспективы расширения экспорта зерна из Сибири в страны Азиатского региона: диссертация на соискание учёной степени кандидата экономических наук / Ахмадулина Татьяна Владимировна; Всероссийская академия внешней торговли. – Москва, 2018. – 231 с.

27. Ахметшина Л.Г. От зерна к продуктам его переработки: экспортный потенциал и перспективы / Л.Г. Ахметшина // Аграрный вестник Урала. – 2022. – № 9 (224). – С. 71-86.

28. Балаева М.С. Проблемы экспорта зерна / М.С. Балаева // Электронная наука. – 2022. Т. 3, № 4.

29. Балансы продовольственных ресурсов [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_economy (Дата обращения 03.10.2023).

30. Банк России: Центральный банк Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbr.ru/> (Дата обращения 12.08.2025).

31. Барраза Легия А.А. Выбор метода детерминированного факторного анализа и обоснование его применения в мультипликативных факторных моделях / А.А. Барраза Легия, С.А. Еникеева // Экономические и социально-

гуманитарные исследования. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 21-33.

32. Батрасова А.Д. Оценка эффективности государственной поддержки экспортоориентированных компаний / А.Д. Батрасова, Т.В. Коновалова, П.И. Комаров // Управленческий учёт. – 2023. – №6. – С. 326-334.

33. Бейсекова П.Д. Перспективная оценка экспортного потенциала зерновой отрасли Казахстана / П.Д. Бейсекова, Е.В. Калиева, Ж.С. Кирбетова, Т.Н. Беделбекова // Вестник университета Туран. – 2024. – № 4 (104). – С. 22-34.

34. Беловол Я.О. Эффективность государственной поддержки сельского хозяйства России по категориям хозяйств / Я.О. Беловол // Вестник Академии знаний. – 2024. – №2(61). – С. 58-61.

35. Белокрылова О.С. Стратегия России на мировом рынке зерна в условиях санкционного давления / О.С. Белокрылова, А.Н. Ситухо, А.Н. Федченко; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2023. – 158 с.

36. Бельгибаева А.С. Рынок зерна и продуктов его переработки: актуальные вопросы и пути их решения / А.С. Бельгибаева, И.Д. Ашимова, Н.В. Кулиш // Проблемы агрорынка. – 2021. – № 3. – С. 134-143.

37. Бережная Е.В. Методы и модели принятия управленческих решений: учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 384 с.

38. Бережной В.И. Проблемы транспортно-логистической системы России в современных условиях (на примере экспорта зерна) / В.И. Бережной, М.В. Сероштан, Т.Г. Марцева, О.В. Бережная, Е.В. Бережная // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2022. – № 3. – С. 52-72.

39. Березин А.О. Закономерности развития экспорта зерновых культур из южных регионов России водным транспортом / А.О. Березин, Я.А. Сперанская, К.В. Прозоров // Вестник государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова. – 2024. – Т. 16, № 5. – С. 690-699.

40. Беркович М.И. Экспортная деятельность регионов как объект государственной поддержки / М.И. Беркович, Е.С. Закревская // Экономические и

социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2024. – Т. 17, №2. – С. 96-112.

41. Бесшапошный М.Н. Перспективы производства и экспорта зерна в условиях трансформации аграрного производства / М.Н. Бесшапошный, Е.В. Ковалева, Е.В. Энкина // Экономика сельского хозяйства России. – 2022. – № 9. – С. 86-91.

42. Бондаренко В.А. Проблемы обеспечения воспроизводственного процесса и экспорта зерновых в аграрной сфере экономики региона: маркетинговый аспект: монография / В.А. Бондаренко, А.В. Гаспарян; Рост. гос. экон. ун-т (РИНХ). Ростов н/Д, 2010. – 176 с.

43. Бородин К.Г. Экспорт и внутренний рынок экспортёра. – М.: Летний сад, 2022. – 200 с.: ил., табл.

44. БРИКС 2024 / Обзор сектора АПК. – М.: Агрэкспорт, 2025. – 493 с.

45. Бровкин А.В. Структура добавленной стоимости и особенности управления добавленной стоимостью в российских корпорациях / А.В. Бровкин // Инновационное развитие экономики: тенденции и перспективы. – 2021. – Т. 1. – С. 280-287.

46. Бундина О.И. «Долгосрочная стратегия развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года»: первые итоги реализации / О.И. Бундина, А.С. Хухрин, Е.Н. Белкина // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2024. – Т. 17, № 4 (83). – С. 300-308.

47. Бундина О.И. Развитие зернового комплекса России: стратегический аспект / О.И. Бундина, А.С. Хухрин, С.Н. Коломиец // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2023. – № 11. – С. 14-23.

48. Бундина О.И. Развитие зернового комплекса Российской Федерации: стратегические ориентиры / О.И. Бундина, Е.Н. Белкина, А.С. Хухрин // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2024. – № 114. – С. 35-41.

49. Бундина О.И. Стратегия развития зернового комплекса Российской Федерации: переработка и использование зерна / О.И. Бундина, А.И. Коваль //

Пищевая промышленность. – 2022. – № 5. – С. 36-38.

50. Бундина О.И. Формирование зерновых кластеров России: синергетическая технология / О.И. Бундина // Пищевая промышленность. – 2023. – № 6. – С. 27-29.

51. Буценко И.Н. Россия на мировом рынке зерна: статистический обзор / И.Н. Буценко, Д.П. Анисимов // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 4-1 (110). – С. 101-105.

52. Быков А.А. Зерновой рынок регионов Сибири: состояние и перспективы / А.А. Быков, С.М. Головатюк // АПК: экономика, управление. – 2021. – № 1. – С. 71-75.

53. Быков А.А. Необходимость развития экспортно-ориентированной транспортно-логистической инфраструктуры рынка зерна и продуктов его переработки в Сибирском федеральном округе / А.А. Быков, В.В. Алещенко, Р.И. Чупин, А.Ф. Софронов // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2022. – Т. 10, № 3 (58). – С. 7-18.

54. Быков А.А. Экспорт зерна и продуктов его переработки на примере Сибирского федерального округа: сложившаяся ситуация, позитивные процессы // Проблемы агрорынка. – 2021. – № 2. – С. 138-146.

55. Быковская Г.А. Использование зерна в экономической политике России: исторический экскурс / Г.А. Быковская, М.Д. Книга // Аграрная история. – 2024. – № 19. – С. 40-50.

56. Васильева Н.К. Анализ влияния современных внешнеэкономических реалий на внутренний и экспортный рынок российского зерна / Н.К. Васильева, В.В. Шоль, О.О. Дорогова, У.А. Туманова // Экономика и предпринимательство. – 2025. – № 3 (176). – С. 337-341.

57. Вербицкая В.В. Возможности изменения или улучшения условий для экспорта российского зерна в настоящее время / В.В. Вербицкая, Ю.Е. Мандрикина, Н.В. Токмачева // Вестник науки. – 2025. – Т. 4, № 4 (85). – С. 50-60.

58. Верховцев А.А. Стратегия устойчивого развития рынка зерна и продуктов зернопереработки: диссертация на соискание учёной степени кандидата

экономических наук / Верховцев Алексей Александрович; Мичуринский государственный аграрный университет. – Мичуринск, 2020. – 220 с.

59. Викторов В.Ю. Историческая ретроспектива эволюции зернового экспорта России / В.Ю. Викторов, А.В. Гайдашов // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2024. – № 5. – С. 109-113.

60. Водясов П.В. Российский экспорт зерна: тенденции, проблемы и перспективы / П.В. Водясов, А.В. Миненко, М.Г. Хорунжин, М.В. Селиверстов // АПК: экономика, управление. – 2024. – № 2. – С. 114-126.

61. Волгина Н.А. Международная экономика: Учебное пособие / Н.А. Волгина. – М.: Эксмо, 2006. – 736 с.

62. Волков И.В. Формирование благоприятных условий для развития экспорта сельскохозяйственной продукции / И.В. Волков, Н.Г. Вожаева, А.В. Павлов, Н.Т. Савруков, Т.А. Ионова // Вестник НГИЭИ. – 2022. – № 1 (128). – С. 112-123.

63. Воробьев С.П. Рынок зерна России в условиях ограничительных мер по экспортно-импортным операциям / С.П. Воробьев // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2021. – № 18. – С. 39-41.

64. Воробьев С.П. Эффективность размещения производства зерна в Алтайском Крае / С.П. Воробьев, В.В. Воробьева // Экономика сельского хозяйства России. – 2024. – № 10. – С. 129-137.

65. Воробьев С.П. Эффекты для участников проекта сухопутного экспорта зерна из России в Китай / С.П. Воробьев, В.В. Воробьева // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. – 2023. – № 10. – С. 156-159.

66. Воронин В.П. Мировая экономика: конспект лекций / В.П. Воронин, Г.В. Кандакова, И.М. Подмолодина; под ред. В.П. Воронина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009. – 272 с.

67. Воронкова О.Ю. Проблемы и перспективы социально-экономического развития сельских территорий агроориентированного региона / О.Ю. Воронко-

ва, И.В. Ковалева, А.А. Ковалев. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2018. – 108 с.

68. Воронкова О.Ю. Роль таможенной деятельности в процессе продвижения сельскохозяйственной продукции на внешние рынки при поддержке Российского экспортного центра / О.Ю. Воронкова, Л.И. Петрова, А.А. Слукина // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2022. – № 4. – С. 32-36.

69. Воронкова О.Ю. Формирование и развитие систем управления цепочками поставок в продовольственных кластерах региона / О.Ю. Воронкова, Л.И. Петрова // Экономический обзор. – 2020. – № 3 (4). – С. 15-22.

70. Гаспарян С.В. Оценка экспортного потенциала поставок зерна АПК России на мировой рынок / С.В. Гаспарян, О.В. Макарова, С.А. Жидков // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2024. – Т. 17, № 3 (82). – С. 222-228.

71. Гетман А.Т. Перспективные направления российского экспорта зерна в страны Африки / А.Т. Гетман // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2023. – № 7 (101). – С. 65-76.

72. Гончарова Н.З. Состояние и развитие российского рынка зерна и муки в условиях международных экономических санкций / Н.З. Гончарова, С.Е. Терентьев, Е.С. Воробьева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия : Экономика. – 2022. – № 4 (310). – С. 55-64.

73. Горбатов А.В. Зерно России: продовольственная и экономическая безопасность государства, экономика и политика / А.В. Горбатов, О.А. Горбатова // Социальные и экономические системы. – 2023. – № 4-1 (45). – С. 239-266.

74. Гриценко Г.М. Методические подходы к обоснованию направлений развития инфраструктуры экспорта зерна Сибири / Г.М. Гриценко, А.А. Быков, В.В. Алещенко, О.А. Алещенко, Р.И. Чупин // Регион: Экономика и Социология. – 2023. – № 2 (118). – С. 59-87.

75. Гурова М.М. Развитие экспортного потенциала зернового рынка Рос-

сии: особенности государственного регулирования (на примере Ростовской области): автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата экономических наук / Гурова Марианна Михайловна; Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). – Ростов-на-Дону, 2012. – 26 с.

76. Демильханова Б.А. Построение детерминированной модели факторного анализа инвестиций в основной капитал / Б.А. Демильханова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 15, № 12 (153). – С. 142-151.

77. Денисов В.И. Критерии и принципы оценивания экономической эффективности экспортоориентированных производств АПК в условиях внешнеэкономических ограничений / В.И. Денисов // АПК: экономика, управление. – 2024. – № 10. – С. 116-127.

78. Денисов В.И. Современные и перспективные возможности повышения экономической эффективности зернового хозяйства России / В.И. Денисов // Экономика и математические методы. – 2023. – Т. 59, № 3. – С. 91-99.

79. Дмитриева Е.Л. Поставки зерна развивающимся странам в условиях специальной военной операции / Е.Л. Дмитриева, В.Н. Сченснович // Россия и мусульманский мир. – 2023. – № 3 (329). – С. 93-99.

80. Дребезова О.А. Конкурентные векторы формирования демпферного механизма российского экспорта зерна / О.А. Дребезова // Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2022. – Т. 1, № 3-4 (3). – С. 136-144.

81. Дубовицкий А.А. Экспортный потенциал российского рынка зерна / А.А. Дубовицкий, К.А. Струков, А.А. Овсянникова // Наука и Образование. – 2023. – Т. 6, № 3.

82. Егорова Е.М. Мировая практика развития экспортных поставок зерновой продукции: состояние и перспективы / Е.М. Егорова, А.Э. Григоренко // Экономика: теория и практика. – 2021. – № 4 (64). – С. 18-23.

83. Ермаков И.Л. Тенденции конъюнктуры российского рынка зерна пшеницы на экспорт / И.Л. Ермаков // Наука и Образование. – 2022. – Т. 5, № 3.

84. Ермаков И.Л. Ценовая конъюнктура рынка зерна на экспорт / И.Л. Ермаков // Наука и Образование. – 2021. – Т. 4, № 3.

85. Ефимков А.Э. Государственное регулирование в сфере экспорта и импорта зерна / А.Э. Ефимков, А.А. Победин // Научный Лидер. – 2021. – № 14 (16). – С. 139-146.

86. Жаров А.Н. Пшеница: современное состояние производства и торговли / А.Н. Жаров, В.Г. Плющиков // Теоретические и прикладные проблемы агропромышленного комплекса. – 2024. – № 2 (60). – С. 59-64.

87. Жевлакова А.Ю. Особенности реализации стратегии стимулирования экспорта в системе государственного регулирования внешнеэкономической деятельности / А.Ю. Жевлакова // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – 2024. – №23-2. – С. 191-200.

88. Завгородняя Е.В. Прогноз урожайности озимой пшеницы с целью дальнейшего увеличения экспорта зерна / Е.В. Завгородняя, Я.А. Зубкова, Е.А. Черкай // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 3 (62). – С. 211-214.

89. Загвоздкин С.В. Совершенствование государственной поддержки экспорта аграрной продукции на основе применения программно-целевого планирования / С.В. Загвоздкин // дисс... канд. экон. наук. – Саратов, 2024. – 227 с.

90. Задворнева Е.П. Оценка макрорегиона по потенциалу формирования специализированных высокотехнологичных зон по производству зерна / Е.П. Задворнева, Ю.И. Шмидт, Л.И. Солдатова // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 12 (173). – С. 47-52.

91. Закшевская Е.В. Тенденции и прогнозные параметры развития производства, потребления и экспорта зерна в России / Е.В. Закшевская, С.В. Куксин // Научное обозрение: теория и практика. – 2021. – Т. 11, № 8 (88). – С. 2314-2326.

92. Зорькина Е.Н. Анализ и оценка объемов экспорта/импорта зерновых культур в России / Е.Н. Зорькина // Верная Линия истории, экономики и права. – 2022. – № 10 (6). – С. 23-33.

93. Зорькина Е.Н. Классификация и порядок перемещения зерновых грузов в рамках международной торговли / Е.Н. Зорькина // Верная Линия истории,

экономики и права. – 2021. – № 8 (12). – С. 50-57.

94. Зюкин Д.А. Анализ экспортного потока зерна из России в условиях санкций / Д.А. Зюкин, С.А. Беляев // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2023. – Т. 12, № 2 (43). – С. 37-40.

95. Зюкин Д.А. География и перспективы российского экспорта зерновых культур / Д.А. Зюкин, О.В. Святова, С.А. Беляев, Е.В. Репринцева // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2023. – № 1 (391). – С. 106-110.

96. Зюкин Д.А. Направления стратегического развития зернопродуктового подкомплекса АПК России в контексте наращивания экспорта и обеспечения продовольственной безопасности: Монография. – Курск: Курская государственная сельскохозяйственная академия. – 2020. – 303 с.

97. Зюкин Д.А. Роль зернового хозяйства в сельскохозяйственном производстве и экспорте агропродовольствия / Д.А. Зюкин, С.А. Беляев // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2023. – № 4. – С. 114-119.

98. Зюкин Д.А. Роль цифровизации в развитии зернопродуктового подкомплекса АПК / Д.А. Зюкин, З.И. Латышева, Е.В. Скрипкина, Ю.В. Лисицына // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2022. – № 1 (385). – С. 94-98.

99. Зюкин Д.А. Факторы конкурентоспособности российского зерна на мировом рынке и перспективы развития зернового хозяйства в контексте наращивания экспортного потенциала / Д.А. Зюкин // Аграрный вестник Урала. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 531-541.

100. Ивановский Д.Ю. Формирование экспортного потенциала региона (на примере Тульской области): автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата экономических наук / Ивановский Денис Юрьевич; Тульский государственный университет. – Тула, 2008. – 20 с.

101. Истомин Л.Г. Таможенная логистика и управление цепями поставок экспорта зерна / Л.Г. Истомин, А.А. Анискин // Бюллетень инновационных технологий. – 2022. Т. 6. – № 1 (21). – С. 23-26.

102. Каращук О.С. Оценка зернового демпфера как инструмента государственного регулирования рынка зерна в России / О.С. Каращук, А.И. Больдясов // Вестник НГИЭИ. – 2022. – № 12 (139). – С. 78-88.

103. Качанова Л.С. Перспективы экспорта зерна и зерновой продукции как отражение динамики развития аграрного сектора России / Л.С. Качанова // Столыпинский вестник. – 2023. – Т. 5, № 4.

104. Килимник Е.В. Перспективы экспортирования российского зерна на международные рынки в условиях санкционной политики запада в 2024 г / Е.В. Килимник // Агропродовольственная политика России. – 2024. – № 6 (113). – С. 19-25.

105. Килимник Е.В. Российская стратегия поставок зерна на мировой рынок / Е.В. Килимник // Russian Journal of Management. – 2024. – Т. 12, № 4. – С. 203-213.

106. Киреев А.П. Международная экономика. В 2-х ч. – Ч. I. Международная микроэкономика: движение товаров и факторов производства. Учебное пособие для вузов. – М.: Международные отношения, 1997. – 416 с.

107. Киреенко А.П. Результативность региональных мер поддержки экспорта и влияние на инвестиции / А.П. Киреенко, С.К. Содномова // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. – 2024. Т. 14, №2(49). – С. 258-267.

108. Киселев С.В. Агропродовольственный экспорт России до 2030 г.: прогноз на основе модели частичного равновесия / С.В. Киселев, Р.А. Ромашкин, А.Ю. Белугин // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 4 (56). – С. 69-90.

109. Клуб экспортёров Новосибирской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://mbnso.ru/company/services/exportnso/klub/> (Дата обращения: 16.01.2025).

110. Ключнев И. Фондовый рынок США для начинающих инвесторов / И. Ключнев, Т. Теплова, Д. Панченко. 4-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. – 224 с.

111. Ковалёв В.В. Курс финансового менеджмента: учеб. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 448 с.
112. Ковалева И.В. Организационные модели развития государственно-частного партнерства в сельском хозяйстве Алтайского края / И.В. Ковалева, О.Ю. Воронкова, Д.В. Рожкова // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2017. – № 4. – С. 24-28.
113. Колесников А.В. Перспективы наращивания объемов экспортной продукции АПК Российской Федерации / А.В. Колесников // Обществознание и социальная психология. – 2022. – № 11 (41). – С. 316-326.
114. Колесов В.П. Международная экономика: Учебник / В.П. Колесов, М.В. Кулаков. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 474 с.
115. Комлацкий Г.В. Влияние внешнеэкономической политики на российский рынок зерна / Г.В. Комлацкий, Н.В. Погребная, В.Д. Седова, А.В. Шутко // Естественно-гуманитарные исследования. – 2025. – № 1 (57). – С. 261-264.
116. Кондратьева О.В. Состояние и тенденции развития рынка зерна в Омской области / О.В. Кондратьева, А.П. Креван // Актуальные вопросы современной экономики. – 2021. – № 12. – С. 734-744.
117. Концепция развития зернового рынка Сибири на период до 2025 года: монография / Л.В. Тю, А.А. Быков и др.; под ред. Л.В. Тю / СибНИИЭСХ СФНЦА РАН. – Новосибирск: СФНЦА РАН, 2021. – 160 с.
118. Копьёв Д.С. Исследование потенциала экспорта зерна через порты Дальнего Востока / Д.С. Копьёв // Научные вести. – 2023. – № 6 (59). – С. 27-31.
119. Корпорация развития Новосибирской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://air-nso.ru/ru/> (Дата обращения: 16.01.2025).
120. Костерева М. Россия в прошедшем сельхозгоду экспортировала рекордные 50 млн тонн зерна [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru> (Дата обращения 03.10.2023).
121. Кочергина Т.Е. Мировая экономика: учебник / Т.Е. Кочергина. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 267, [3] с.

122. Кудинова М.Г. Эффективность производства гречихи и гречневой крупы в агропромышленном комплексе Алтайского края / М.Г. Кудинова, О.Ю. Воронкова, Н.М. Сурай // Экономика сельского хозяйства России. – 2024. – № 5. – С. 85-94.

123. Куликов Л.М. Основы экономической теории: Учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 400 с.

124. Кухтин М.А. Повышение эффективности государственной поддержки сельскохозяйственных организаций / М.А. Кухтин // дис... канд. экон. наук. – Новосибирск, 2021. – 147 с.

125. Ларина Т.Н. Экономический анализ экспортного потенциала зернового производства Оренбургской области / Т.Н. Ларина, Л.А. Добродомова, Л.А. Тутаева // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 5. – С. 43-52.

126. Ларионова К.Е. Лидеры российского экспорта зерновых в 2021-2023 гг. / К.Е. Ларионова, С.Н. Матвиенко // Теория и практика современной аграрной науки: сборник VI национальной (всероссийской) научной конференции с международным участием. – С. 1488-1491.

127. Ларионова К.Е. Новосибирская область в российском экспорте зерновых / К.Е. Ларионова, С.Н. Матвиенко // Теория и практика современной аграрной науки: сборник VI национальной (всероссийской) научной конференции с международным участием. – С. 1491-1494.

128. Лексина А.А. Модель механизма формирования и развития экспортно-ориентированного кластера зернопродуктового подкомплекса региона / А.А. Лексина, М.А. Брызгалина // АПК: экономика, управление. – 2023. – № 9. – С. 92-106.

129. Лексина А.А. Формирование сырьевой базы экспортно-ориентированного кластера / А.А. Лексина, А.И. Фирсов, А.В. Шеленок // Экономика сельского хозяйства России. – 2023. – № 12. мС. 66-74.

130. Леонова Я.В. Государственная поддержка экспорта продукции отрасли растениеводства (на материалах Новосибирской области): диссертация на соискание учёной степени кандидата экономических наук / Леонова Яна Вла-

димировна; Новосибирский государственный аграрный университет. – Новосибирск, 2020. – 123 с.

131. Литвиненко Т.В. Выявление факторов, влияющих на конъюнктуру российского рынка зерна / Т.В. Литвиненко // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2024. – Т. 59, № 2. – С. 112-129.

132. Лихман И.В. Стимулирование экспорта зерна в России в условиях её членства в ВТО: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата экономических наук / Лихман Игорь Валерьевич; Государственный университет управления. – Москва, 2013. – 28 с.

133. Лобунский М.С. Роль России на рынке зерновых в регионе большого Средиземноморья / М.С. Лобунский, А.А. Соловьева // Финансовые рынки и банки. – 2021. – № 6. – С. 81-84.

134. Лузгина Ю.В. Экономическая эффективность применения тарифных квот / Ю.В. Лузгина // Таможенное регулирование. Таможенный контроль. – 2023. – № 9. – С. 29-38.

135. Лысенко С.Н. Общая теория статистики: учебное пособие / С.Н. Лысенко, И.А. Дмитриева. – изд. испр. и доп. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2022. – 219 с.

136. Магомедов М.Д. Основные факторы увеличения экспорта муки из Российской Федерации / М.Д. Магомедов, Е.Ю. Алексейчева, С.В. Сидоренко // Экономические системы. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 141-147.

137. Мазлоев В.З. Перспективы выхода российской пшеницы на рынки Центральной и Южной Америки (на примере Перу) / В.З. Мазлоев, К.К. Кумехов, Б.И. Некрасов, Д.Ф. Родригес-Попов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2021. – № 5. – С. 8-13.

138. Маклаков А.В. Развитие экспортного потенциала зернопродуктового подкомплекса (на примере Алтайского края): диссертация на соискание учёной степени кандидата экономических наук / Маклаков Андрей Васильевич; Сибирский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства. – Новосибирск, 2020. – 248 с.

139. Максимов Ю.А. Внешняя торговля зерном и роль таможенных органов в обеспечении экономической и продовольственной безопасности / Ю.А. Максимов, Л.А. Коптева // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2025. – № 4. – С. 113-118.

140. Маслова В.В. Современные аспекты обеспечения продовольственной безопасности: рынок зерновых / В.В. Маслова // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2023. – № 7 (101). – С. 114-121.

141. Мигел А.А. Зерновая отрасль Российской Федерации: оценка состояния, проблемы в условиях западных санкций и государственные инициативы / А.А. Мигел, А.А. Антонова, А.О. Криворотова, И.А. Совин // Russian Economic Bulletin. – 2022. – Т. 5, № 6. – С. 148-152.

142. Минаков И.А. Развитие зернового хозяйства в условиях наращивания аграрного экспорта / И.А. Минаков // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. – 2022. – № 3 (70). – С. 128-133.

143. Минаков И.А. Результативность и эффективность государственной поддержки аграрного производства / И.А. Минаков, А.Н. Куликов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2024. – №1. – С. 11-17.

144. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – URL: <https://mcs.gov.ru/> (Дата обращения: 12.08.2025).

145. Мировая экономика и международный бизнес: учебник / кол. авторов; под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. В.В. Полякова и д-ра экон. наук, проф. Р.К. Щенина. – 5-е изд., стер. – М. : КНОРУС, 2008. – 688 с.

146. Миронова О.А. Мировой рынок зерна и российский экспорт: состояние, тенденции, сценарии / О.А. Миронова // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2022. – № 4 (80). – С. 143-149.

147. Моисеенко О.В. Развитие транспортной экспортно-ориентированной агрологистики в Казахстане / О.В. Моисеенко, М.Ф. Козлова // Научно-технический вестник: Технические системы в АПК. – 2021. – № 4 (12). – С. 47-

54.

148. Мой экспорт [Электронный ресурс]. – URL: <https://myexport.exportcenter.ru/> (Дата обращения: 16.01.2025).

149. Молчанова К.А. Рынок зерновых культур: анализ состояния, проблемы, перспективы / К.А. Молчанова, И.А. Езангина, С.П. Сазонов, В.А. Боничев, Н.Н. Сороквашин // Экономика и предпринимательство. – 2025. – № 2 (175). – С. 1431-1438.

150. Московская биржа [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.moex.ru> (дата обращения: 25.11.2024).

151. Мухамадиярова А.К. Перспективы развития экспорта российского зерна / А.К. Мухамадиярова // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2024. – № 3 (64). – С. 65-69.

152. Мухаметгалиев Ф.Н. Экспортоориентированное развитие региональных отраслей зернопроизводства / Ф.Н. Мухаметгалиев, Л.Ф. Ситдикова, М.О. Смайлов, Ф.Ф. Закирова // Глобальная экономика и национальная безопасность. – 2022. – № 1. – С. 9-14.

153. Нардин Д.С. Анализ структуры экспорта зерновых культур по федеральным округам России / Д.С. Нардин, С.А. Нардина // Фундаментальные исследования. – 2022. – № 12. – С. 56-61.

154. Несмыслёнов А.П. Организационно-экономический механизм формирования экспортно-ориентированного кластера зернопродуктового подкомплекса в регионе / А.П. Несмыслёнов // АПК: экономика, управление. – 2023. – № 3. – С. 41-51.

155. Несмысленов А.П. Потенциал формирования экспортно-ориентированного зернопродуктового кластера в регионе / А.П. Несмысленов // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2022. – № 5 (87). – С. 163-169.

156. Нехорошков В.П. Транспортно-логистический комплекс портов России и его роль в экспорте пшеницы на мировые рынки / В.П. Нехорошков, А.А. Анискин // Вопросы новой экономики. – 2025. – № 1 (73). – С. 14-24.

157. Ничипорук А.О. Обоснование транспортно логистической схемы экспорта зерна из регионов Среднего Поволжья с учетом вариантов размещения зернового терминала / А.О. Ничипорук, Д.В. Дрейбанд, Д.А. Коршунов, А.А. Лисин // Речной транспорт (XXI век). – 2024. – № 1 (109). – С. 36-39.

158. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. N 717 [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.08.2025).

159. О развитии сельского хозяйства: федеральный закон от 29 декабря 2006 года N264-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.08.2025).

160. О распределении общего объема тарифной квоты на вывоз за пределы территории Российской Федерации в государства, не являющиеся членами Евразийского экономического союза, пшеницы и меслина (коды 1001 99 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС), ржи (код 1002 90 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС), ячменя (код 1003 90 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС) и кукурузы (код 1005 90 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС) в соответствии с таможенной процедурой экспорта и признании утратившим силу приказа Минсельхоза России от 24 мая 2024 г. № 284: приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 30 мая 2024 г. №68 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mcx.gov.ru>. (Дата обращения 31.03.2025).

161. О распределении объема основной части тарифных квот в отношении пшеницы и меслина (код 1001 99 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС), ржи (код 1002 90 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС), ячменя (код 1003 90 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС) и кукурузы (код 1005 90 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС) между участниками внешнеторговой деятельности: приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 7 февраля 2024 г. №54 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mcx.gov.ru>. (Дата обращения 31.03.2025).

162. О распределении объема основной части тарифных квот в отношении пшеницы и меслина (коды 1001 19 000 0 и 1001 99 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС), ржи (код 1002 90 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС), ячменя (код 1003 90 000 0 ТН ВЭД

ЕАЭС) и кукурузы (код 1005 90 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС) между участниками внешнеторговой деятельности: приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 7 февраля 2025 г. №71 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mcx.gov.ru>. (Дата обращения 31.03.2025).

163. О распределении объёма тарифной квоты в отношении пшеницы и меслина (коды 1001 19 000 0, 1001 99 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС), ржи (код 1002 90 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС), ячменя (код 1003 90 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС) и кукурузы (код 1005 90 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС) участникам внешнеторговой деятельности: приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 5 февраля 2021 г. №60 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mcx.gov.ru>. (Дата обращения 31.03.2025).

164. О распределении объёма тарифных квот в отношении пшеницы и меслина (коды 1001 19 000 0, 1001 99 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС), ржи (код 1002 90 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС), ячменя (код 1003 90 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС) и кукурузы (код 1005 90 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС) между участниками внешнеторговой деятельности: приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 7 февраля 2023 г. №68 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mcx.gov.ru>. (Дата обращения 31.03.2025).

165. О распределении объёма тарифных квот в отношении пшеницы и меслина (коды 1001 19 000 0, 1001 99 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС), ржи (код 1002 90 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС), ячменя (код 1003 90 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС) и кукурузы (код 1005 90 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС) между участниками внешнеторговой деятельности: приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 8 февраля 2022 г. №60 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mcx.gov.ru>. (Дата обращения 31.03.2025).

166. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21.01.2020 N 20 [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.08.2025).

167. Об утверждении Долгосрочной стратегии развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года: распоряжение Правительства РФ

от 10.08.2019 N 1796-р [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/> (Дата обращения: 12.08.2025).

168. Об утверждении Национального доклада о ходе и результатах реализации в 2019 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 26.06.2020 № 1684-р. – URL: <http://www.government.ru> (дата обращения: 27.11.2024).

169. Об утверждении Национального доклада о ходе и результатах реализации в 2020 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 19.06.2021 № 1671-р. – URL: <http://www.government.ru> (дата обращения: 27.11.2024).

170. Об утверждении Национального доклада о ходе и результатах реализации в 2021 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 30.06.2022 № 1751-р. – URL: <http://www.government.ru> (дата обращения: 27.11.2024).

171. Об утверждении Национального доклада о ходе и результатах реализации в 2022 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 06.07.2023 № 1810-р. – URL: <http://www.government.ru> (дата обращения: 27.11.2024).

172. Об утверждении Национального доклада о ходе и результатах реализации в 2023 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 04.07.2024 № 1755-р. – URL: <http://www.government.ru> (дата обращения: 27.11.2024).

173. Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: распоряжение Правительства РФ

от 05.03.2022 N 430-р [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения 13.02.2025).

174. Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания: приказ Минздрава России от 19.08.2016 N 614 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения 13.02.2025).

175. Овчаров А.О. Методология научного исследования: учебник / А.О. Овчаров, Т.Н. Овчарова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 310 с.

176. ООО «Инвестиционная компания Юнисервис Капитал» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.uscapital.ru> (дата обращения: 25.11.2024).

177. Петрушина О.В. Направления оптимизации государственного регулирования цен и поддержки зернового производства / О.В. Петрушина, Д.И. Жилияков // Инновации в АПК: проблемы и перспективы. – 2021. – № 3 (31). – С. 149-156.

178. Петрушина О.В. Экспортно-ориентированная стратегия зернового производства / О.В. Петрушина // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2021. – № 2. – С. 90-97.

179. Писарева Л.В. Эффективность производства зерна в России / Л.В. Писарева, С.А. Аржанцев, Т.Г. Бондаренко // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2021. – № 10 (79). – С. 142-151.

180. Повышение эффективности использования бюджетных средств на муниципальном и региональном уровне: монография / Г.В. Исаева, А.В. Унжакова, С.А. Шелковников, О.С. Шинделова [и др.]; Новосибирский государственный аграрный университет. – Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2021. – 224 с.

181. Полунина Н.Ю. Экспорт как драйвер развития АПК Российской Федерации / Н.Ю. Полунина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2024. – Т. 14, № 3. – С. 162-172.

182. Попов В.В. Анализ производства в России зерна и мяса в условиях

импортозамещения и экономических санкций / В.В. Попов // Менеджмент в АПК. – 2022. – № 2. – С. 29-34.

183. Потапова А.П. Оценка эффективности государственного регулирования производственного и экспортного потенциала масличных культур в условиях инновационной структурной трансформации / А.П. Потапова, М.Я. Ржевская // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2022. – №4. – С. 33-46.

184. Представительство Российского экспортного центра в Китае [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.exportcenter.ru/contacts/world/shanghai/> (Дата обращения: 16.01.2025).

185. Проблемы и перспективы развития зернового подкомплекса и рынка зерна Сибири / О.В. Борисова, Г.М. Гриценко, А.П. Задков [и др.]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Сибирский федеральный научный центр агробιοтехнологий Российской академии наук, Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение». – Новосибирск: Агронаука: СФНЦА, 2023. – 175 с.

186. Раджабова З.К. Мировая экономика: Учебник. – 2-е изд., испр. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 336 с.

187. Развитие инвестиционного потенциала экспорта продукции АПК России. 2021 год [Электронный ресурс]. – URL: <https://aemcx.ru/> (дата обращения: 15.07.2025).

188. Развитие инвестиционного потенциала экспорта продукции АПК России. 2022 год [Электронный ресурс]. – URL: <https://aemcx.ru/> (дата обращения: 15.07.2025).

189. Развитие инвестиционного потенциала экспорта продукции АПК России. 2023 год [Электронный ресурс]. – URL: <https://aemcx.ru/> (дата обращения: 15.07.2025).

190. Развитие сектора зерна в Сибири: монография / С.Л. Соколов, Я.В. Леонова, Е.И. Калягина, С.А. Шелковников, Л.А. Цветкова, С.Г. Чернова. – Но-

восибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2023. – 269 с.

191. Российский статистический ежегодник. 2020: Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 700 с.

192. Российский статистический ежегодник. 2021: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 692 с.

193. Российский статистический ежегодник. 2022: Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. – 691 с.

194. Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – 701 с.

195. Российский статистический ежегодник. 2024: Стат. сб. / Росстат. – М., 2024. – 630 с.

196. Рущицкая О.А. Глобальная география экспорта российского зерна: ключевые импортёры и перспективы сотрудничества / О.А. Рущицкая, Е.С. Куликова, Т.И. Кружкова, А.В. Фетисова // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2025. – № 3. – С. 95-99.

197. Рыкова И.Н. Особенности оценки эффективности бюджетных расходов в условиях развития национальной экономики / И.Н. Рыкова, Г.К. Рыкова, Р.С. Губанов // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. – 2024. – №2. – С. 140-149.

198. Савченко А.С. Тенденции развития зернового экспорта России / А.С. Савченко, Н.О. Рехтина // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2022. – № 2 (21). – С. 79-84.

199. Сафина С.Х. Особенности зернового экспорта в Казахстане / С.Х. Сафина // Студенческий вестник. – 2021. – № 19-7 (164). – С. 42-45.

200. Светлов Н.М. Модель системной динамики региональных рынков зерна / Н.М. Светлов // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. – 2021. – № 3. – С. 88-105.

201. Севостьянов А.Л. Проблемы развития транспортной инфраструктуры экспорта зерна / А.Л. Севостьянов // Вестник Воронежского государственного

аграрного университета. – 2021. – Т. 14, № 3 (70). – С. 162-167.

202. Сеитов С.К. Влияние экспортных пошлин на российский рынок пшеницы / С.К. Сеитов // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. – 2022. – Т. 23, № 1. – С. 126-137.

203. Сельское хозяйство в России. 2019: Стат. сб. – М.: Росстат, 2019. – 91 с.

204. Сельское хозяйство в России. 2021: Стат. сб. – М.: Росстат, 2021. – 100 с.

205. Сельское хозяйство в России. 2023: Стат. сб. – М.: Росстат, 2023. – 103 с.

206. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2015: Стат. сб. – М.: Росстат, 2015. – 201 с.

207. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2013: Стат. сб. – М.: Росстат, 2013. – 462 с.

208. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2011: Стат. сб. – М.: Росстат, 2011. – 446 с.

209. Сибирское таможенное управление [Электронный ресурс]. – URL: <https://stu.customs.gov.ru/> (Дата обращения: 16.01.2025).

210. Сидак М.В. Развитие глубокой переработки зерна в России: от простого крахмала к продуктам с высокой добавленной стоимостью // Хлебопродукты. – 2022. – № 2. – С. 18-23.

211. Силаева Л.П. Значение экспортного потенциала в развитии АПК страны / Л.П. Силаева // Продовольственная безопасность: проблемы и пути решения: сборник статей по материалам XVI Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2021. – С. 46-53.

212. Силаева Л.П. Развитие рынка фуражного зерна / Л.П. Силаева, А.П. Захарова, С.А. Алексеев // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2016. – № 8. – С. 9-14.

213. Силаева Л.П. Специфика размещения и специализации производства отдельных видов зерна / Силаева Л.П. // Устойчивое развитие села, цифровиза-

ция и экономика АПК: материалы всероссийской (национальной) научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 62-65.

214. Силаева Л.П. Территориальное разделение труда в производстве основных продовольственных культур в условиях развития экспортного потенциала / Силаева Л.П. // Современные экономические проблемы: сборник научных трудов по итогам круглого стола с международным участием. – Москва, 2021. – С. 297-305.

215. Силаева Л.П. Устойчивость производства зерна крупяных культур / Л.П. Силаева, В.А. Кочетков // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2016. – № 3. – С. 37-38.

216. Слагода В.Г. Основы экономической теории: учебник / В.Г. Слагода. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2009. – 272 с.

217. Смагулова Ш.А. Экспорт казахстанского зерна: основные направления и перспективы / Ш.А. Смагулова, Д.Ш. Кожаметова, Г.С. Исмуратова // Проблемы агрорынка. – 2023. – № 1. – С. 50-56.

218. Смирнова Т.А. Перспективы глубокой переработки зерна в регионах Сибири // Эпоха науки. – 2021. – № 25. – С. 184-186.

219. Соболев О.С. Технология прогнозирования зерновых балансов на краткосрочную перспективу / О.С. Соболев // Экономика сельского хозяйства России. – 2021. – № 4. – С. 64-69.

220. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – 1600 с.

221. Содномова С.К. Институты поддержки экспорта как направление государственной финансовой политики в РФ / С.К. Содномова // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15, №2. – С. 802-811.

222. Соколов С.Л. Анализ динамики и структуры экспорта продукции мукомольно-крупяной промышленности Российской Федерации / С.Л. Соколов // Вестник Академии знаний. – 2025. – № 4 (69). – С. 486-489.

223. Соколов С.Л. Анализ развития зерноперерабатывающей отрасли Но-

восибирской области / С.Л. Соколов // Экономический обзор. – 2020. – №8. – С. 10-14.

224. Соколов С.Л. Анализ тенденций и закономерностей развития государственно-частного партнерства в Российской Федерации / С.Л. Соколов // Вопросы управления. – 2013. – № 1 (22). – С. 142-150.

225. Соколов С.Л. Вариабельность уровней самообеспечения зерном по субъектам Российской Федерации / С.Л. Соколов // Теория и практика современной аграрной науки: сборник VII Национальной (Всероссийской) научной конференции с международным участием. – Новосибирск, 2024. – С. 1422-1425.

226. Соколов С.Л. Влияние изменения ключевой ставки на выбор источника финансирования / С.Л. Соколов // Формирование и развитие новой парадигмы науки в условиях постиндустриального общества: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Ижевск, 2021. – С. 83-86.

227. Соколов С.Л. Географическая дифференциация производства и использования зерна / С.Л. Соколов, С.А. Шелковников // В сборнике: Актуальные проблемы агропромышленного комплекса. Сборник трудов научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов Новосибирского ГАУ. – Новосибирск, 2023. – С. 573-576.

228. Соколов С.Л. Государственная поддержка выхода экспортёров зерна и зернопродуктов на IPO / С.Л. Соколов, М.М. Чернякова // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 6 (56). – С. 667-669.

229. Соколов С.Л. Интересы государства в расширении регионального экспорта зерна и зернопродуктов / С.Л. Соколов, С.А. Шелковников // Экономика сельского хозяйства России. – 2025. – № 8. – С. 43-49.

230. Соколов С.Л. Корреляционно-регрессионный анализ зернового экспорта России / С.Л. Соколов // Экономика сельского хозяйства России. – 2023. – № 12. – С. 103-106.

231. Соколов С.Л. Мероприятия по развитию экспортных поставок зерна и зернопродуктов СФО на рынок КНР / С.Л. Соколов, М.М. Чернякова // Вестник Академии знаний. – 2025. – № 1 (66). – С. 472-475.

232. Соколов С.Л. Методика оценки возможностей расширения экспорта зерна и зернопродуктов / С.Л. Соколов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – № 6. – С. 52-58.
233. Соколов С.Л. Методический подход к определению эффективности государственной поддержки экспорта продукции АПК / С.Л. Соколов // Продовольственная политика и безопасность. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 25-38.
234. Соколов С.Л. Моделирование величины регионального экспорта зерна / С.Л. Соколов, С.А. Шелковников // Экономика сельского хозяйства России. – 2023. – № 10. – С. 43-47.
235. Соколов С.Л. Направления экспорта пшеницы и меслина из Новосибирской области / С.Л. Соколов // Интеграция науки, общества, производства и промышленности: проблемы и перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Воронеж, 2021. – С. 117-119.
236. Соколов С.Л. Отражение роли государства в моделях экономического анализа / С.Л. Соколов // Инструменты, механизмы и технологии современного инновационного развития. – Ижевск, 2025. – С. 114-116.
237. Соколов С.Л. Отсроченный эффект государственной поддержки экспорта продукции АПК / С.Л. Соколов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2025. – № 8. – С. 26-33.
238. Соколов С.Л. Оценка возможностей расширения регионального экспорта зерна с позиции потребления / С.Л. Соколов // Вестник Академии знаний. – 2025. – № 4 (69). – С. 481-485.
239. Соколов С.Л. Перспективные направления российского экспорта зерновых в страны Ближнего Востока и Северной Африки / С.Л. Соколов // Экономика и предпринимательство. – 2021. – №7. – С. 419-424.
240. Соколов С.Л. Перспективы развития рынка муки / С.Л. Соколов, С.А. Шелковников // Экономика сельского хозяйства России. – 2020. – №9. – С. 63-66.
241. Соколов С.Л. Подходы к оценке эффективности переработки зерна / С.Л. Соколов // Экономика и предпринимательство. – 2021. – №7. – С. 1071-

1076.

242. Соколов С.Л. Потенциал сельских территорий Новосибирской области. Т. 1. Ретроспектива развития агропромышленного комплекса (1940-2018 гг.) / С.Л. Соколов, Т.Ю. Калошина, О.С. Ковалева, Ю.А. Макурина [и др.]. – Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2020. – 400 с.

243. Соколов С.Л. Потенциал сельских территорий Новосибирской области. Т. 2. Воспроизводство населения и социально-экономическое развитие / С.Л. Соколов, Т.Ю. Калошина, О.С. Ковалева, Ю.А. Макурина [и др.]. – Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2020. – 347 с.

244. Соколов С.Л. Потенциал сельских территорий Новосибирской области. Т. 3. Рынок труда / С.Л. Соколов, Т.Ю. Калошина, О.С. Ковалева, Ю.А. Макурина [и др.]. – Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2020. – 438 с.

245. Соколов С.Л. Потенциал сельских территорий Новосибирской области. Т. 4. Мотивация, привлечение и удержание работников сельскохозяйственного производства / С.Л. Соколов, Т.Ю. Калошина, О.С. Ковалева, Ю.А. Макурина [и др.]. – Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2020. – 259 с.

246. Соколов С.Л. Прогноз развития российского экспорта зерна и зернопродуктов на период до 2030 г. // Продовольственная политика и безопасность. – 2025. – Том 12. – № 3.

247. Соколов С.Л. Производственные возможности регионального экспорта зерна и зернопродуктов / С.Л. Соколов, С.А. Шелковников // Вестник НГИЭИ. – 2025. – № 7 (170). – С. 111-120.

248. Соколов С.Л. Развитие государственно-частного партнерства в АПК регионов РФ / С.Л. Соколов // Аграрный вестник Урала. – 2013. – № 11 (117). – С. 93-101.

249. Соколов С.Л. Развитие экспорта зерна в Сибири / С.Л. Соколов, Я.В. Леонова, Е.И. Калягина, С.А. Шелковников, Л.А. Цветкова, С.Г. Чернова. – Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2023. – 269 с.

250. Соколов С.Л. Российский экспорт зерновых и факторы, его определяющие / С.Л. Соколов // Планирование и прогнозирование социально-

экономического развития в новых геополитических условиях: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Волгоград, 2021. – С. 23-25.

251. Соколов С.Л. Структура аграрного экспорта Российской Федерации / С.Л. Соколов, С.А. Шелковников // Экономические науки. – 2025. – № 6. – С. 450-454.

252. Соколов С.Л. Субъектный анализ зернового экспорта Сибири в соответствии с распределением тарифных квот / С.Л. Соколов, М.М. Чернякова // Естественно-гуманитарные исследования. – 2025. – № 2 (58). – С. 429-432.

253. Соколов С.Л. Товарная структура экспорта Российской Федерации / С.Л. Соколов // Теория и практика современной аграрной науки: сборник VIII Национальной (всероссийской) научной конференции с международным участием. – Новосибирск, 2025. – С. 1781-1785.

254. Соколов С.Л. Факторный анализ российского экспорта злаков за 2017-2021 гг. / С.Л. Соколов // В сборнике: Научные исследования – основа современной инновационной системы. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2023. – С. 82-84.

255. Соколов С.Л. Факторы повышения экономической эффективности переработки зерна в России / С.Л. Соколов // Экономический обзор. – 2021. – №1. – С. 6-10.

256. Соколов С.Л. Факторы развития мукомольной промышленности Новосибирской области / С.Л. Соколов, С.А. Шелковников // АПК: экономика, управление. – 2020. – №8. – С. 90-95.

257. Соколов С.Л. Факторы, определяющие региональный экспорт зерна / С.Л. Соколов, С.А. Шелковников // Инновации и продовольственная безопасность. – 2023. – № 4 (42). – С. 190-197.

258. Соколов С.Л. Формирование регионального экспорта зерна / С.Л. Соколов // Экономика сельского хозяйства России. – 2025. – № 7. – С. 82-90.

259. Соколов С.Л. Формы государственно-частного партнерства в социально значимых отраслях экономики / С.Л. Соколов // Сибирская финансовая

школа. – 2012. – № 3 (92). – С. 56-61.

260. Соколов С.Л. Экономические последствия смещения кривой производственных возможностей регионального экспорта зерна и зернопродуктов / С.Л. Соколов, С.А. Шелковников // Вестник НГИЭИ. – 2025. – № 8 (171). – С. 121-130.

261. Соколов С.Л. Экспорт злаков из Российской Федерации / С.Л. Соколов, С.А. Шелковников // Экономические науки. – 2025. – № 6. – С. 455-460.

262. Соловьева А.А. Перспективы экспорта пшеницы из России в страны юга большого средиземноморья / А.А. Соловьева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2022. – Т. 8, № 4. – С. 119-128.

263. Софронов А.Ф. Развитие экспорта продуктов переработки зерна из Сибирского федерального округа как направление повышения эффективности функционирования агропродовольственного рынка / А.Ф. Софронов, А.А. Быков, Н.В. Костин, М.В. Леоненко // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2023. – Т. 11, № 1 (60). – С. 177-187.

264. Ставцев А.Н. Особенности экспорта зерна кукурузы / А.Н. Ставцев, А.Н. Осипов, Х.Н. Гасанова // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2022. – № 12 (94). – С. 132-138.

265. Ставцев А.Н. Перспективы наращивания экспорта российского зерна на мировой агропродовольственный рынок / А.Н. Ставцев, А.Н. Осипов, Х.Н. Гасанова // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2022. – № 8 (90). – С. 47-53.

266. Судаков С.С. Эффективность российских институтов поддержки несырьевого неэнергетического экспорта / С.С. Судаков // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2022. – №1. – С. 49-77.

267. Суслов С.А. Современное состояние производства зерна в Российской Федерации и перспективные направления развития / С.А. Суслов, О.Н. Филиппова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2024. – Т. 14, № 6. – С. 10-26.

268. Сучкова Н.Р. Кластерный подход к развитию механизма экспорта продукции сельскохозяйственного предприятия / Н.Р. Сучкова // Управление. – 2023. – Т. 11, № 4. – С. 79-89.

269. Тальнишних Т.Г. Основы экономической теории: учеб. пособие для студ. сред. проф. учеб. заведений / Т.Г. Тальнишних. – 4-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 288 с.

270. Таскаева В.В. Товарные аукционы на зерно: итоги 2022 года и перспективы развития / В.В. Таскаева, С.Н. Матвиенко // Теория и практика современной аграрной науки: сборник VI национальной (всероссийской) научной конференции с международным участием. – Новосибирск, 2023. – С. 1707-1710.

271. Тихомиров Е.А. Нестабильность и роль Российской Федерации на мировом рынке зерновых культур / Е.А. Тихомиров // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2023. – № 4. – С. 66-68.

272. Тишуров С.А. Эффект внешнего финансирования в деятельности сельскохозяйственных организаций Новосибирской области / С.А. Тишуров, С.А. Шелковников // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 2 (115). – С. 556-560.

273. Толкачева С.В. Потенциал российского экспорта зерна в Египет / С.В. Толкачева, Е.Е. Головина // Форум. Серия: Роль науки и образования в современном информационном обществе. – 2024. – № S3 (32). – С. 51-56.

274. Торговая статистика для развития международного бизнеса [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 16.07.2025).

275. Трифонова Е.Н. Оценка факторов, влияющих на экспорт продовольствия российских регионов / Е.Н. Трифонова // Экономика региона. – 2023. – Т. 19, №4. – С. 1209-1223.

276. Тусин Д.С. Основные тенденции развития экспорта зерновых культур из Российской Федерации / Д.С. Тусин, Э.В. Наговицына // Дневник науки. – 2021. – № 7 (55).

277. Узун В.Я. Выбор приоритетов политики экспорта зерна / В.Я. Узун //

Экономика сельского хозяйства России. – 2023. – № 7. – С. 90-96.

278. Узун В.Я. Формирование демпфера колебаний цен на зерно: механизмы и последствия / В.Я. Узун, Д.С. Терновский // АПК: экономика, управление. – 2023. – № 3. – С. 27-40.

279. Уколова В.В. Анализ рынков сбыта зерновых культур и перспективные направления экспорта зерна / В.В. Уколова // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 97-12. – С. 188-191.

280. Улыбина Л.В. Статистический анализ отдельных показателей внешней торговли российской федерации сельскохозяйственной продукцией / Л.В. Улыбина, Н.В. Алексеева, Т.А. Медведева // Аграрная наука. – 2022. – № 11. – С. 154-159.

281. Фалина Н.В. Развитие зернового комплекса в контексте обеспечения продовольственной безопасности и наращивания экспортного потенциала Российской Федерации / Н.В. Фалина, Л.Д. Алексеенко, Т.А. Шульженко // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2023. – № 106. – С. 75-80.

282. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (Дата обращения: 13.02.2025).

283. Федеральная таможенная служба Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 12.08.2025).

284. Федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России (Агроэкспорт) [Электронный ресурс]. – URL: <https://aemcх.ru/> (дата обращения: 15.07.2025).

285. Федота А.А. Перспектива развития производства зерна в России в условиях санкционного давления / А.А. Федота, Н.А. Еремеева // Вестник Кыргызского национального аграрного университета им. К.И. Скрябина. – 2023. – № 2 (65). – С. 33-42.

286. Финансы России. 2020: стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 380 с.

287. Финансы России. 2022: стат. сб. / Росстат. – М., 2022. – 392 с.

288. Финансы России. 2024: стат. сб. / Росстат. – М., 2024. – 458 с.

289. Фомин О.С. Экономическая и географическая специфика осуществления экспорта российской пшеницы / О.С. Фомин, Д.А. Зюкин, С.А. Беляев, Е.В. Репринцева // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2023. – № 2 (392). – С. 138-142.

290. Харин А.Н. Аналитическое исследование динамики развития зернового производства в России на основе трендовых моделей / А.Н. Харин, И.П. Богомолова, И.Н. Василенко // Учет и статистика. – 2025. – Т. 22. – № 1. – С. 78-95.

291. Хицков И.Ф. Мировой рынок зерна / И.Ф. Хицков, О.Г. Чарыкова, Е.А. Зайцева, Е.А. Попова // Научное обозрение: теория и практика. – 2024. – Т. 14, № 6 (106). – С. 1020-1028.

292. Центр поддержки экспорта Новосибирской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://mbnso.ru/company/services/exportnso/> (Дата обращения: 16.01.2025).

293. Чепелева К.В. Государственная поддержка субъектов масложирового подкомплекса регионов Сибирского федерального округа в условиях развития агроэкспорта / К.В. Чепелева, Л.А. Овсянко // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2024. – № 1 (31). – С. 3-16.

294. Чепелева К.В. Повышение эффективности экспорта масложировой продукции регионов Сибири / К.В. Чепелева // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2024. – № 2. – С. 33-40.

295. Чепелева К.В. Совершенствование методики оценки эффективности экспорта продукции АПК РФ (на примере масложировой отрасли) / К.В. Чепелева // АПК: экономика, управление. – 2024. – № 7. – С. 71-79.

296. Чепелева К.В. Совершенствование методологии классификации экспортируемой продукции АПК / К.В. Чепелева, С.А. Шелковников // Инновации и инвестиции. – 2024. – № 10. – С. 319-323.

297. Чепелева К.В. Теоретические аспекты стратегического управления экспортом агропромышленного комплекса России / К.В. Чепелева // Экономические отношения. – 2024. – Т. 14, № 4. – С. 847-860.

298. Чернова С.Г. Транспортно-логистические аспекты сибирского экспортно ориентированного зернового рынка / С.Г. Чернова, С.А. Быкадоров // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2023. – № 1 (27). – С. 50-60.

299. Чимидова А.Д. Тенденции изменения экспортных пошлин на зерно и продукцию из него / А.Д. Чимидова, Ю.К. Шишкина // Активная честолюбивая интеллектуальная молодёжь сельскому хозяйству. – 2024. – № 1 (16). – С. 133-139.

300. Чистяков Ю.Ф. Россия на мировом продовольственном рынке: прошлое и настоящее. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – 215 с.

301. Чухарев А.В. Потенциал и географическое распределение потоков российского зернового экспорта по регионам мира / А.В. Чухарев // Россия и Азия. – 2024. – № 1 (27). – С. 31-44.

302. Чухарев А.В. Российский зерновой экспорт в условиях экономических санкций Запада / А.В. Чухарев // Экономические и социальные проблемы России. – 2024. – № 3 (59). – С. 119-135.

303. Чухарев А.В. Российский экспорт пшеницы в страны Африки на современном этапе : ключевые особенности развития, вызовы и возможности / А.В. Чухарев // Международная торговля и торговая политика. – 2024. – Т. 10, № 3 (39). – С. 133-146.

304. Шабашева Ю.Е. Совершенствование методики расчета экспортной пошлины на пшеницу / Ю.Е. Шабашева // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 12. – С. 7515-7530.

305. Шалаева Л.В. Баланс зерновых ресурсов России: оптимистический сценарий, тенденции, перспективы / Л.В. Шалаева // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2023. – № 2. – С. 14-20.

306. Шалаева Л.В. Зерновые ресурсы Российской Федерации в условиях макроэкономических шоков: оценка тенденций в разрезе основных факторов производства / Л.В. Шалаева // Продовольственная политика и безопасность. –

2023. – Т. 10, № 1. – С. 157-174.

307. Шатунов М.В. Внутренняя и иностранная добавленная стоимость при экспорте в эпоху глобальных цепочек стоимости: данные из России / М.В. Шатунов // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2023. – № 9 (227). – С. 9-23.

308. Шейхова М.С. Рынок зерна в России: анализ и перспективы развития / М.С. Шейхова, Е.П. Орлова // Вестник Донского государственного аграрного университета. – 2021. – № 3 (41). – С. 137–144.

309. Шелковников С.А. Влияние государственной поддержки на эффективность деятельности сельскохозяйственных организаций / С.А. Шелковников, С.Н. Матвиенко, А.А. Самохвалова, Н.Г. Филимонова, В.Н. Папело // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 2-1 (67). – С. 93-97.

310. Шелковников С.А. Предпосылки создания экспортно-ориентированного кластера масложирового подкомплекса АПК Сибири / С.А. Шелковников, К.В. Чепелева // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2024. – № 2 (108). – С. 148-158.

311. Шелковников С.А. Развитие масложировой отрасли на основе создания специализированного экспортно-ориентированного кластера в АПК Сибири / С.А. Шелковников, К.В. Чепелева // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2024. – № 10. – С. 50-58.

312. Шелковников С.А. Совершенствование государственного регулирования экспорта масложировой продукции в России / С.А. Шелковников, К.В. Чепелева // Экономика сельского хозяйства России. – 2024. – № 9. – С. 64-71.

313. Широков С.Н. Переработка зерна для производства комбикормов и на другие цели / С.Н. Широков, И.Р. Трушкина, В.С. Алексанян // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2023. – № 109. – С. 25-30.

314. Штрикова Д.Б. Анализ тарифных и нетарифных барьеров для экспорта российской пшеницы / Д.Б. Штрикова, П.А. Васюкова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 8 (146).

315. Щеглов Е.В. Зерновые терминалы Азово-Черноморского бассейна в

условиях трансформации экспортного рынка / Е.В. Щеглов, С.В. Никитенко, В.Е. Богданов, И.А. Рабенко, Р.О. Захтаренко // Интернаука. – 2024. – № 40-3 (357). – С. 45-50.

316. Экономика: Учебник / Под ред. проф. Л.Е. Басовского. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 256 с.

317. Экономическая теория: учеб. / В.И. Антипина, И.Э. Белоусова, Р.В. Бубликова [и др.]; под ред. И.П. Николаевой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 576 с.

318. Loginom – аналитическая low-code платформа [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.loginom.ru> (дата обращения: 12.08.2025).

319. Kapoguzov E.A. Cereals export factors and impact on wheat price in Russian regions / E.A. Kapoguzov, R.I. Chupin, V.V. Aleshchenko, A.A. Bykov // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2021. – Т. 14, № 12. – P. 1782-1794.

320. Smagulova Sh.A. Grain complex of Kazakhstan on the example of grain-growing regions / Sh.A. Smagulova, M.D. Saiymova, A.S. Mukhametzhanov // Problems of AgriMarket. – 2023. – № 3. – P. 120-130.

321. Sokolov S.L. Improving the efficiency of grain exports by processing organisations / S.L. Sokolov, S.A. Shelkovnikov, A.T. Stadnik, A.A. Samokhvalova, D.V. Essaulenko // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. International Scientific and Practical Conference: Food and Environmental Security in Modern Geopolitical Conditions: Problems and Solutions (EPFS-2023). – IOP Publishing Ltd, 2023. – P. 012008.

322. Yesakhmetova L. Increase in exports of grain processing products / L. Yesakhmetova // Problems of AgriMarket. – 2021. – № 1. – P. 172-177.